

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАРАГАНДИНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ БАРИМБЕКА БЕЙСЕНОВА**

Е. С. АБУЛГАЗИН

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ, ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ
ПОКАЗАНИЙ**

КАРАГАНДА, 2010

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Карагандинский юридический институт имени Баримбека Бейсенова

Е. С. АБУЛГАЗИН

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ, ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ
ПОКАЗАНИЙ**

Учебное пособие

КАРАГАНДА,
2010

ББК

А

Рецензенты: заведующий кафедрой криминалистики и судебной экспертизы КазНУ им. Аль-Фараби, доктор юридических наук, профессор **А. А. Исаев**; доцент кафедры уголовного процесса Карагандинского юридического института МВД РК имени Баримбека Бейсенова, кандидат юридических наук, подполковник полиции **Н. В. Мазур**; заместитель руководителя СОГ ДВД Карагандинской области по г. Караганде, майор полиции **В. Л. Леонов**.

Абулгазин Е. С.

А Уголовно-правовая характеристика противоправных действий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел с целью получения показаний: Учебное пособие. — Караганда: КарЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2010. — 144 с.

ISBN

В работе рассматриваются этапы исторического развития международного и отечественного законодательства и уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность сотрудников ОВД за пытки и принуждение к даче показаний. Исследуется криминологическая характеристика состояния этого вида преступности. Анализируются понятия этих преступлений и установлены основные признаки составов данных преступлений. Раскрыты причины и условия, способствующие совершению принуждения к даче показаний и пыток. Выработаны предложения, направленные на предупреждение и пресечение рассматриваемых преступлений.

Пособие предназначено для практических работников, слушателей учебных заведений МВД РК, студентов юридических факультетов вузов, преподавателей и научных сотрудников.

ББК

Печатается по решению ученого совета Карагандинского юридического института МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова

А _____

ISBN

© *Карагандинский юридический институт
МВД РК им. Б. Бейсенова, 2010;*

© *Абулгазин Е. С., 2010*

ВВЕДЕНИЕ

В уголовном судопроизводстве правоприменителями достаточно широко используется правомерное принуждение, регламентированное уголовно-процессуальным законодательством. Однако, в ряде случаев действия представителей власти выходят за рамки правомерности, нарушая при этом права и свободы граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Сказанное в полной мере относится к пыткам и принуждению к даче показаний, которые осуществляются запрещенными или не предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами. В подобных ситуациях правоприменитель, наделенный законодателем соответствующими полномочиями, стремясь к достижению определенной цели, делает выбор между целесообразностью и законностью, ошибочно полагая, что последняя может быть нарушена в интересах раскрытия и расследования преступления и изобличения лица, его совершившего. Увеличение общего числа совершаемых преступлений, обусловившее возрастание нагрузки на лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность в сфере уголовного судопроизводства, привело к формированию у правоохранительных органов мнения о том, что в рамках закона не всегда можно раскрыть преступление, поэтому допустимо нарушение прав и интересов лиц, вовлеченных в указанную сферу. Распространение своеобразного нигилизма правоприменителей в определенной мере обусловлено снижением образовательного и профессионального уровня последних. Это одно из условий того, что принуждение к даче показаний и пытки нередко встречаются в деятельности сотрудников органов внутренних дел, принимающих участие в расследовании преступлений.

В то же время сотрудники органов внутренних дел, виновные в совершении принуждения к даче показаний либо пыток, как показывает проведенное исследование, практически не привлекаются к уголовной ответственности. Преступления, предусмотренные ст. 347 и ст. 347-1 УК РК, носят латентный характер, о чем свидетельствуют полученные в ходе исследования статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан.

Отсутствие практики применения ст. ст. 347, 347-1 УК РК не свидетельствует, что сотрудники органов внутренних дел, соблюдая все нормативные предписания, в реальной жизни не допускают противоправных действий с целью получения показаний. В частности, это подтверждают и результаты анонимного анкетирования 250 сотрудников полиции, работников прокуратуры и адвокатуры. Так, на вопрос о том, известны ли вам случаи

применения незаконных методов воздействия на лиц, подозреваемых в совершении преступлений; в целях получения соответствующих показаний 43 % респондентов ответили положительно, 54 % указали, что такие методы применяются, но редко; и только 3 % утверждали, что сотрудники правоохранительных органов не применяют подобных методов.

Так, в 2006 г. судами республики было рассмотрено 47 уголовных дел в отношении 67 сотрудников органов уголовного преследования по фактам нарушения конституционных прав и свобод граждан, из них с вынесением обвинительного приговора рассмотрено 45 дел в отношении 63 лиц. При этом по фактам нарушения конституционных прав граждан в ходе предварительного следствия и дознания, в том числе применения пыток и других недозволённых методов ведения следствия, с вынесением приговора рассмотрено 8 уголовных дел в отношении 15 лиц.

Однако вряд ли можно объяснить незначительный процент привлечённых к уголовной ответственности следователей и лиц, производящих дознание за принуждение к даче показаний и пытки, только латентностью. Причинами сложившейся ситуации являются, кроме того, негативные проявления, связанные с коррупцией, солидарность и взаимовыручка в кругах правоохранительных органов.

Общественное объединение «Комитет по мониторингу уголовной реформы и правам человека» и Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности провели мониторинг соблюдения Конвенции против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В результате анализа жалоб и обращений в адрес Комитета по мониторингу уголовной реформы и правам человека, а также в адрес Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности выявлена тенденция к росту жалоб и заявлений от граждан на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания.

В мае 2001 г. на заседании Комитета против пыток ООН был заслушан первичный доклад Республики Казахстан по реализации Конвенции. Комитет в целом выразил свою озабоченность состоянием прав человека в Казахстане и выработал целый ряд рекомендаций, из которых в настоящее время выполнены лишь некоторые из них. В частности, Уголовный кодекс Республики Казахстан дополнен ст. 347-1, предусматривающей уголовную ответственность за применение пыток, при этом определение пытки полностью соответствует редакции Конвенции. Статья 116 УПК РК дополнена: к числу фактических данных, не допустимых в качестве доказательств, отнесены данные, полученные с применением пытки. В ведение Министерства юстиции переданы все исправительные учреждения и следственные изоля-

торы (за исключением СИЗО Комитета национальной безопасности), а изоляторы временного содержания остаются в ведении Министерства внутренних дел.

В качестве позитивного момента необходимо отметить тот факт, что 6 декабря 2002 г. Верховным Судом РК принято Нормативное постановление «О практике применения уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на защиту», п. 16 которого гласит: «Принуждение обвиняемого, подозреваемого, подсудимого к даче показаний, к признанию предъявленного ему обвинения, к выдаче вещественных доказательств, к совершению иных действий, сопряженных с нарушением его права не свидетельствовать против самого себя, следует рассматривать как существенное нарушение права на защиту. В связи с этим, заявления подозреваемого, обвиняемого о применении незаконных методов следствия (дознания) подлежат тщательной проверке и в случае подтверждения соответствующих материалы дела как полученные с нарушением требований процессуального закона должны быть признаны не имеющими силы доказательств».

Учитывая, что принуждение к даче показаний и пытки совершаются сотрудниками правоохранительных органов, теми, кто по долгу службы призван защищать права и свободы граждан от преступных посягательств, необходимо выработать эффективные меры по борьбе с этими преступлениями. Совершение этих преступлений приводит к разочарованию граждан в авторитете государственных структур, создает несоответствие их деятельности принципам демократизма, законности и справедливости.

В связи с вышеизложенным, возникла острая необходимость проведения специального анализа составов пыток и принуждения к даче показаний, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел.

Все вышеперечисленные обстоятельства обусловили выбор темы диссертационного исследования и основные направления ее разработки.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является анализ и изучение развития уголовно-правовых норм об ответственности сотрудников ОВД за пытки и принуждение к даче показаний, а также разработка предложений по совершенствованию норм, предусматривающих ответственность за совершение этих преступлений.

Данная цель исследования предопределяет решение следующих задач:

Методологическая, нормативно-правовая и научная основа исследования. Теоретическую базу исследования составили труды ученых в области уголовного права и криминологии, уголовного процесса, судебной психологии, истории и теории государства и права, а также других юридических наук. В частности, это работы таких казахстанских авторов, как: А. Н. Агыбаев, А. Н. Ахпанов, К. Ж. Балтабаев, И. Ш. Борчашвили, С. Я. Була-

тов, У. С. Джекебаев, Н. О. Дулатбеков, Б. Ж. Жунусов, Е. И. Каиржанов, М. Ч. Когамов, Т. М. Культелев, Б. М. Курманбаев, С. М. Рахметов, И. И. Рогов и другие.

Использовались также работы советских и российских авторов: Н. А. Беляева, В. А. Владимирова, И. С. Власова, А. В. Галаховой, М. А. Гельфера, П. И. Гришаева, Н. Д. Дурманова, А. А. Жижиленко, Н. И. Загородникова, Б. В. Здравомыслова, Т. В. Кондрашевой, А. А. Купленского, Г. К. Кригера, Н. И. Коржанского, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Я. М. Кульберга, Б. А. Куринова, Г. М. Миньковского, А. С. Михлина, Б. С. Никифорова, А. А. Пионтковского, А. И. Рагога, А. Р. Ратинова, Ш. С. Рашковской, Н. С. Таганцева, И. М. Тяжковой, Т. В. Цертели и других.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство вышеуказанных исследований проводилось в начале 60-х годов прошлого столетия. Исключение составляют диссертационные исследования С. М. Рахметова на соискание ученой степени доктора юридических наук «Теоретические основы совершенствования системы мер борьбы с преступлениями против правосудия по уголовному законодательству Республики Казахстан» и Б. М. Курманбаева на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Принуждение к даче показаний лицом, производящим следствие или дознание». Вместе с тем, работа С. М. Рахметова была посвящена в целом преступлениям, входящим в главу «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказания», в связи с чем, акцент на составах преступлений, предусмотренных ст. 347 и ст. 347-1 УК РК, не делался, рассмотрению данных деяний были посвящены лишь отдельные параграфы. В работе же Б. М. Курманбаева исследованию подвергалась лишь ст. 347 УК РК, где попытки выступали в качестве не самостоятельного состава преступления, а квалифицирующего признака.

Методологической базой исследования явились постулаты диалектического метода, а также использование общенаучных и специальных методов научного исследования: аналогии, анализа, сравнения, синтеза, системно-структурного метода, исторического, сравнительно-правового, социологического и других. Нормативной основой исследования служат Конституция Республики Казахстан, международные конвенции и договоры, конституционные законы, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РК, другие законы и иные нормативные правовые акты, относящиеся к теме исследования.

Эмпирическая база исследования опирается на результаты опроса 250 лиц, производящих следствие и дознание, работников адвокатуры и прокуратуры, изучение 195 уголовных дел по преступлениям о превышении власти или служебных полномочий (ст. 308 УК РК), о принуждении к даче по-

казаний (ст. 347 УК РК) и пытках (ст. 347-1 УК РК), а также 230 материалов дисциплинарного производства. Сбор эмпирического материала проводился на территориях г. Астаны, г. Алматы, а также Южно-Казахстанской, Карагандинской, Акмолинской, Северо-Казахстанской, Костанайской областей Республики Казахстан.

1. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ

1.1 История развития зарубежного законодательства об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки

В последние годы пристальное внимание уделяется изучению уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение работниками правоохранительных органов преступлений против правосудия. Не являются исключением и такие нормы, как пытки и принуждение к даче показаний. Этот интерес не случаен, поскольку в ряде случаев лица, призванные защищать права и свободы личности, не только не выполняют функции по их обеспечению, но и сами нарушают их, что приводит к неверию в закон и необходимость его соблюдения.

Установление в уголовном законодательстве ответственности за применяемые сотрудниками правоохранительных органов принуждения к даче показаний и пытки в определенной мере свидетельствует о цивилизованности общества, стремящегося построить правовое государство.

На XV конгрессе Международной ассоциации ученых правоведов Ю. А. Тихомиров отметил: «Компаративистика становится знаменем времени ... В современном мире возрастают требования к праву в каждой стране, поскольку оно служит общепринятым регулятором общественных процессов ... Изучение и знание права в его общем и особенном, сравнение правовых систем, анализ путей сближения национальных законодательств приобретают все более важное значение» [1, с. 104].

Изучение зарубежного права «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [2, с. 38].

Отсюда неслучайно наше обращение к зарубежному опыту установления уголовного запрета принуждения к даче показаний и пыток, которое мы считаем целесообразным рассматривать со временем буржуазных революций в Европе.

Это объясняется тем, что в более раннем периоде времени, например, в Древнем Риме, рабы вообще не считались людьми, а в Древней Греции принимались законы, содержащие в себе элементы демократии, что позволяло привлекать к ответственности государственных чиновников за «попирание свободы», под которой подразумевали защиту вдов и сирот, и возможность применения наказания к лицам, облеченным властью.

Еще такие великие мыслители как Платон, Сократ, Аристотель, Перикл, Демосфен отмечали, что права человека и господство закона в обществе — неразрывные и взаимодействующие явления, которые давали представление о развитии общества на пути расширения прав и свобод.

При этом история формирования института прав человека связана со свободами и неприкосновенностью личности, правом на судебную защиту, признанием лица виновным лишь по приговору суда без применения к нему пыток или иных жестоких обращений, а также правом на участие в решении государственных дел, свободой слова и совести.

В Англии в начале XIII в., например, еще в условиях феодолизма была принята Великая Хартия вольностей, которая, являясь правовым документом, заложила первоначальные основы для свободы и господства закона в обществе.

Но в феодальном законодательстве с его инквизиционным процессом не могло быть равенства сторон, состязательности в ходе уголовного судопроизводства, так как после разгрома Западной римской империи варварами именованная и самая передовая правовая система, известная как «Римское право» на время прекратила свое существование на территории Европы, по крайней мере, Западной Европы. И уступила место весьма загадочной правовой системе, характерной для империи Каролингов [3]. Коренным отличием империи Каролингов от римской империи являлось практически полное отсутствие городов и постоянного местоположения монарха и правительства в отличие от жесткой системы наместничества, характерной для Рима. Императорский двор кочевал по замкам, крепостям и поселениям в

течении почти круглого года, а большая часть населения все еще тяготела к клановому устройству. Как следствие подобной раздробленности не возникло даже попыток кодифицировать разрозненные племенные нормы. Каждый человек носил с собой нормы, характерные для его племенной группы.

Следующий этап формирования европейского права начался с момента активного градостроительства. Новые коммунальные формы диктовали новый тип права. Это время характеризуется также началом свержения католической церковью власти крупных феодалов и государей. Наиболее образованная часть людей того времени — духовенство — была призвана формировать новое право, которое получило название «канонического». Источниками такого послужили местные обычаи, повеления феодалов, постановления соборов по конкретному поводу и прочее. С течением времени подобная система привела к невообразимой путанице в каноническом праве и это совпало с началом возрождения римского права (имеются в виду кодификации Юстиниана).

Судебное производство инквизиции, предполагавшее в своей основе тайнственность и строжайшую секретность информации, целиком основывалось на каноническом праве, что добавляло тайны и усугубляло и без того тяжелое положение жертв. При этом инквизиторы были наделены неограниченными правами. Никто, кроме папы, который являлся верховным главой инквизиции, не мог отлучить их от церкви за преступления по службе. Инквизитор также имел право назначать в другие города своего округа уполномоченных — «комиссариев» или викариев, которые вели слежку и осуществляли аресты подозреваемых в ереси лиц, допрашивали, пытали и даже выносили приговоры.

В XIV в. в помощь инквизиторам стали назначаться эксперты-юристы (квалификаторы), как правило, тоже церковники, в задачу которых входило формулирование обвинений и приговоров таким образом, чтобы они не противоречили гражданскому законодательству.

По существу квалификаторы служили ширмой для беззаконий, чинимых инквизицией. От заключения квалификаторов зависела судьба подсудимого. В действительности они являлись не чем иным, как служащими трибунала инквизиции.

Инквизиторов с самого начала их деятельности обвиняли в том, что они, пользуясь отсутствием какого-либо контроля фальсифицировали показания арестованных и свидетелей, после чего в систему инквизиции были введены новые персонажи — нотариус и понятые, должных якобы способствовать беспристрастности следствия. Так, нотариус скреплял своей подписью показания обвиняемых и свидетелей, что делали и понятые, присутство-

вавшие при допросах. Это придавало следствию видимость законности и беспристрастия.

Другими важными чинами в аппарате инквизиции были прокурор, врач и палач. Кроме этого, имелись подсобный, состоящий из «родственников» инквизиции — тайных доносчиков, тюремщиков, слуг и другого обслуживающего персонала, которые также пользовались безнаказанностью.

Когда инквизиторы приходили к заключению, что уговорами, угрозами, хитростью невозможно сломить обвиняемого, они прибегали к насилию, пыткам, исходя из посылки, что физические муки просвещают разум значительно эффективнее, чем муки моральные. «Если судья безуспешно ждал некоторое время признаний обвиняемой, которая была неоднократно увещиваема, то, имея уверенность в том, что обвиняемая продолжает запереться в правде, он приступает к умеренным пыткам, не прибегая к кровопролитию. Ведь известно, что допросы под пыткой обманчивы и, на что уже раньше указывалось, зачастую остаются без результата». После, прервав на время пытку, обвиняемых снова уговорами пытались заставить признаться в своих преступлениях, но при этом, предупреждая, что к ним будут применены пытки заново, если они не скажут правды. Весь ход такого допроса записывался нотариусом в протокол [4].

Все это показывает, что деятельность инквизиционного трибунала наложила зловеший отпечаток на теорию и практику гражданского и уголовного судопроизводства, из которого исчезли под ее влиянием зачатки объективности и беспристрастности, свойственные еще римскому праву. В большей части Европы инквизиционное судопроизводство сделалось обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах светского судьи обвиняемый был человеком, стоящим вне закона, виновность его всегда предполагалась, и из него надо было во что бы то ни стало, хитростью или силой, вырвать признание.

Пытка и насилие обвиняемых являлись законным средством получения показаний, а признание ими своей вины — «царицей» доказательства, достаточным для подсудимого виновным даже при отсутствии других улик. В дальнейшем к этому доказательству стали приравнивать согласующиеся между собой показания двух заслуживающих доверия свидетелей и даже одного свидетеля, если он был родителем обвиняемого. Несколько позднее развилась сложная система доказательства, значение каждого из которых для дела устанавливалось самим законом. Ценность каждого доказательства определялась дробью ($1/2$, $1/4$, $1/8$ и т. д.), т. е. какой-то частью совершенного законодательства (признания обвиняемого). Суд лишь проверял соблюдение внешней процедуры. Если результат сложения дробей составлял единицу, то выносился обвинительный приговор, если же менее едини-

цы — обвиняемый оставался «под подозрением» или оправдывался [5, с. 7].

Не хотелось бы упустить и то, что крупным шагом, на наш взгляд, в области гарантий прав человека и ограничения произвола властей стало принятие Акта о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями 1679 г. (Habeas Corpus Amendment Act), который закрепил одну из наиболее значимых процессуальных гарантий неприкосновенности личности, вошедшую в практику Англии и многих зарубежных государств.

По данному акту должностное лицо призвано пресекать длительное задержание лиц в тюрьме, если по закону они могли быть взяты на поруки, но при совершении тяжких уголовных преступлений или государственной измены выдача на поруки не осуществлялась. Невыполнение должностным лицом приказа habeas corpus наказывалось штрафом в пользу заключенного или потерпевшего лица, а должностное лицо увольнялось с должности. Даже в современном мире этот документ сохраняет свое значение в качестве одной из важнейших гарантий неприкосновенности личности.

Также, на наш взгляд, большую роль в теории права сыграли Билль о правах 1689 г. и 1791 г., Конституция США 1787 г., которые содержали ряд гарантий против чрезмерных судебных налогов, штрафов, жестоких обращений или необычных наказаний, конфискации, которые могли быть наложены на тех или иных лиц до осуждения. Эти исторические документы XVII-XVIII вв. сумели заложить традиционные основы защиты свобод и прав человека от самовластия и произвола.

С французской буржуазной революцией и последовавшим за ней правлением Наполеона связано принятие гражданского и уголовного кодексов, которые «... вовлекли в орбиту влияния большую часть континентальной Европы (и отчасти Латинской Америки) ...» [6, с. 365].

В начале XIX в. в захваченных Наполеоном Бонапартом государствах Европы началась уголовно-правовая реформа, в результате которой уголовные кодексы многих государств приобрели сходство с УК Франции. После распада империи в Уголовные кодексы этих стран стали вноситься изменения, учитывающие их национальные особенности.

В целом французское законодательство оказало значительное влияние на законодательство всех европейских стран. В том числе германского, австрийского и испанского. Указанные страны хотя и были побеждены Наполеоном, но все же сохранили суверенитет. Так, по мнению Б. С. Утевского, «Германский кодекс — исправленная копия прусского уголовного кодекса 1851 года, который в свою очередь — бледная копия французского УК 1810 года» [6, с. 388].

Немецкий профессор Франц фон-Лист писал, что «политическое движение середины нашего столетия вызвало к жизни новые уголовные постановления для охраны прав отдельного гражданина от возможных посягательств государственного управления» [7, с. 303]. Объясняя причины появления уголовных норм об ответственности должностных лиц, автор указывал на то, что наложения дисциплинарных взысканий на государственных служащих явно недостаточно, так как одновременно с нарушением служебной обязанности нарушается или подвергается опасности юридическое благо отдельного лица или всего общества [7, с. 302]. Однако правосудие не выделялось им как объект уголовно-правовой охраны.

Зарубежные уголовные кодексы имели общую норму, предусматривающую уголовную ответственность за превышение власти государственным должностным лицом, однако специальные нормы, устанавливающие наказание за принуждение к даче показаний и пытки, в рассматриваемых нами источниках отличались.

Так, объективную сторону одних составляло насилие над личностью при отправлении правосудия (УК Франции, Бельгии, Польши, Швеции [8, с. 78-80]), других — вымогательство показаний, сознания или объяснения (Австрия, Германия, Венгрия [8, с. 84-86]), а третьих — предусматривалась ответственность за вымогательство показаний только по гражданским делам (Уголовное уложение Италии [8, с. 117-329]). Необходимо заметить, что Уголовное Уложение Италии рассматривало это деяние как дисциплинарный проступок.

Потерпевшими являлись:

- личность (УК Франции, Бельгии, Польши, Швеции, Австрии, германское и нидерландское Уголовные Уложения);
- обвиняемый, свидетель или сведущие лица (УК Венгрии);
- лицо, участвующее в гражданском судопроизводстве (Италия).

Зарубежный опыт был учтен разработчиками Уголовного Уложения России 1903 г. В пояснительной записке к проекту Уголовного Уложения указывалось, что данный закон создавался на основе анализа уголовных кодексов Франции, Бельгии, Нидерландов и других с учетом опыта этих государств [8, с. 77-117]. Очевидно поэтому Уголовное Уложение России 1903 г. отличала более детальная разработка вопросов уголовной ответственности за принуждение к даче показаний. В частности, по данному Уложению наказывалось не только принуждение к даче показаний (объяснений, признания) по уголовным делам, но и по гражданским делам и делам о дисциплинарных проступках. Субъектами данного преступления являлись: лицо, производящее дознание, предварительное следствие, исследование вне суда, судья, надзирающий прокурор или лицо полиции, под-

держивающее обвинение в суде. Но если до революции 1917 г. существовало одно деление системы права — на англосаксонскую и континентальную, — то после возникло еще и разделение права на право социалистических и капиталистических стран. Различие исходных принципов этих правовых систем создает некоторые трудности, однако, не лишает нас возможности использовать опыт законодательств зарубежных государств, который, к сожалению, рассматривался в советской уголовно-правовой литературе в усеченном объеме. Как правило, учеными-правоведами затрагивалось лишь законодательство социалистических стран.

При этом причинами, побудившими законодателя к реформированию уголовного законодательства, явились:

1. Качественные и количественные изменения преступности, появление ее новых форм, произошедших с начала 60-х годов прошлого столетия.

2. Выход преступности на мировой уровень, а, следовательно, необходимость объединения усилий, путем заключения международных соглашений, признав верховенство международного права над национальным, обязавшись привести свое законодательство в соответствие с ним.

3. Утверждение в общественной жизни концепции прав человека и правового государства, признание приоритета общечеловеческих ценностей.

Так, например, Уголовный кодекс Франции 1992 г. в главе IV «О посягательствах на судебную деятельность» содержит часть II «О воспрепятствовании осуществлению правосудия», где в качестве объекта выступают интересы правосудия. Проанализировав содержание норм французского законодательства в отношении понимания правосудия, мы пришли к выводу, что оно во многом сходно с казахстанским законодательством и даже несколько шире (поскольку нормы французского законодательства о преступлениях против правосудия охраняют все отношения, возникающие в ходе уголовно-процессуальной деятельности).

Так, защите лиц, вовлеченных в сферу уголовного законодательства, посвящена только одна норма — ст. 434-15 УК Франции. Объективную сторону данного состава составляет использование обещаний, предложений, подарков, давления, угроз, насильственных действий, ухищрений и уловок во время процесса или в перспективе обращения к суду или защиты в суде с тем, чтобы заставить другое лицо дать ложные показания, сделать ложное заявление, предоставить ложное свидетельство, воздержаться от ложного заявления [9, с. 118].

Таким образом, французский Уголовный кодекс в отличие от казахстанского предусматривает лишь один состав, защищающий участников уголовного процесса от посягательства как со стороны государственных слу-

жащих, представляющий орган следствия, так и со стороны общего субъекта.

Кроме того, наказуемо применение не только насилия, но и ухищрений, уловок, обещаний, предложений и подкупа. Уголовный кодекс РК не рассматривает как незаконное получение должностным лицом ложных показаний с использованием подкупа, что, на наш взгляд, является пробелом в законодательстве. Подобные действия можно квалифицировать по ст. 314 УК РК, однако данная норма не запрещает принуждение подозреваемого и обвиняемого. Использование в отечественном судопроизводстве ухищрений и уловок не является незаконным средством получения показаний, хотя в теории уголовного процесса и криминалистике на этот счет нет однозначного мнения.

Еще одно существенное отличие нормы французского уголовного законодательства от казахстанского состоит в том, что все действия, предпринимаемые субъектом, направлены на получение ложных показаний. А запрет использования насилия, как средства получения правдивых показаний, содержит норма, содержащаяся в ст. 222-1 УК Франции, предусматривающая уголовную ответственность за применение пыток или бесчеловечных действий в отношении какого-либо лица. Но данная норма расположена в главе «Преступления, посягающие на неприкосновенность личности», т. е. виновным может быть и общий субъект. Разделение единой, по сути, нормы, в основе которого лежит цель обвиняемого принудить лицо к даче ложных либо правдивых показаний, по нашему мнению, вряд ли оправданно.

Уголовное законодательство Восточной Германии перестало существовать после объединения с Западной Германией и подписания 31 августа 1990 г. соответствующего документа. Различие правовых систем породило немало проблем, однако в настоящее время действует Уголовный кодекс ФРГ, последние изменения в который были внесены четырьмя законами в 1994 г., не затронувшими проблем уголовной ответственности должностных лиц.

Интересующая нас норма значительно изменилась по сравнению с нормами Уголовного Уложения Германии 1871 г., находясь в главе 29 «Должностные преступные деяния», наряду с нормами об уголовной ответственности за нанесение телесных повреждений при исполнении служебных обязанностей (§ 340), за преследование (§ 344), за исполнение приговора в отношении невиновного (§ 345) и другими.

По сути норма об уголовной ответственности за нанесение телесных повреждений является общей нормой по отношению к норме о принуждении к даче показаний, однако они помещены в одну главу. Это объясняется

тем, что законодатель берет под охрану всю сферу судопроизводства. Норма о принуждении к даче показаний (§ 343), как и аналогичная ей норма УК Франции, охраняет достаточно широкий круг отношений: интересы личности в уголовном процессе; производство по делам об административном задержании; производство по возмещению денежного ущерба; производство в процессе по назначению мер дисциплинарного характера или в суде чести. Таким образом, она схожа с нормой, предлагавшейся разработчиками проекта Уголовного Уложения России.

При этом объективную сторону преступления составляет применение физических истязаний, применение силы иным образом, а также угрозы применением силы, «мучение морально» с тем, чтобы вынудить лицо к даче показаний или заявить что-либо, либо заставлять не делать этого.

Такая конструкция объективной стороны исключает возможность принуждения к даче показаний путем шантажа (а также других видов угроз) потерпевших и представляется нам не вполне удачной. Кроме того, по данной статье не могут быть наказаны лица, применяющие для получения к даче показаний медицинские препараты растормаживающего воздействия.

Санкция § 343 предусматривает лишение свободы на срок от 1 года до 10 лет или денежный штраф, в менее тяжких случаях (ч. 2 § 343) наказание составляет лишение свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет.

В отличие от Уголовного кодекса ГДР 1968 г. законодательство современной Германии закрепило положение о том, что уголовно-правовой защите от неправомерных действий должностных лиц подлежат лица, вовлеченные не только в уголовное судопроизводство, но и в гражданский процесс, в дисциплинарное производство, производство по делам об административном задержании.

Санкция нормы достаточно высока, а наличие альтернативного вида наказания обеспечивает его индивидуализацию и реализацию принципа экономии репрессии. Следует отметить также то, что санкция общей нормы (или нормы более широкий по содержанию § 340) составляет лишение свободы на срок до 5 лет или денежный штраф, что еще раз подчеркивает отношение германского законодателя к нарушениям прав и свобод человека в процессе судопроизводства.

Также как и германский Уголовный кодекс Испании 1995 г. [10] не выделяет правосудие как объект уголовно-правовой охраны.

Норма, защищающая интересы лиц, вовлеченных в уголовный процесс, находится в главе III («Принуждение»), в разделе «Пытки и другие преступления против психической целостности». Она предусматривает наказание за совершение пытки должностным лицом со злоупотреблением своими полномочиями с целью получения признаний или информации о ка-

ком-либо лице либо наказать его за действие, которое он не совершил или подозревается в его совершении, ставящее лицо в такие условия и, применяя такие методы, которые причиняют физические или нравственные страдания, которые причиняют или частичную потерю сознания, узнавания или утрату способности принимать решения либо каким-либо способом угрожают его психической целостности (ст. 174 УК Испании).

Не совсем понятны причины, по которым законодательство Испании включило пытки в преступления против психической целостности. При пытке личности, безусловно, причиняется психический вред, однако, на наш взгляд, на первом плане должна стоять защита физической целостности организма человека как более ценный объект уголовно-правовой охраны.

Анализируя диспозицию нормы, можно отметить то, что в ее основу заложено понятие пытки, содержащееся в ст. 1 «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» от 10 декабря 1984 г. [11], что еще раз указывает на общность тенденций и идей, положенных в основу реформирования европейского права.

За совершение данного преступления лицо наказывается лишением свободы на срок от 2 до 6 лет, если посягательство было тяжким, либо лишением свободы на срок от 1 года до 3 лет, если оно не было тяжким. Кроме указанного наказания также назначается полное поражение в правах на срок от 1 до 6 лет.

Проведенный сравнительный анализ уголовных законодательств Республики Казахстан, Франции, Испании, Германии показал социальную обусловленность введения уголовно-правового запрета за пытки и принуждение к даче показаний. Конструкция рассматриваемого состава как формального дает нам повод утверждать, что законодатель, понимая ценность нормальной деятельности органов правосудия, поставил под защиту не только реальное нарушение этой деятельности, но и угрозу такового.

Состав нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки в кодексах иностранных государств заставляет нас еще раз критически оценить субъекты ст. ст. 347, 347-1 УК РК.

В то же время отметим, что процесс объединения, осознание опасности преступности в мировом масштабе, совершенствование защиты прав и свобод человека не обошли уголовное законодательство Республики Казахстан. Оно представляет собой открытую систему и изменяется в соответствии с мировыми тенденциями. Характерным примером может послужить включение ст. 347-1 «Пытки» в отдельную норму Уголовного кодекса Республики Казахстан.

1.2 История развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за пытки и принуждение к даче показаний

Понятие преступления в казахском обычном праве имело некоторое сходство с аналогичным понятием, отраженным в древнейших памятниках различных народов, в частности, в «Русской правде», «Салической правде» и других.

В казахском обычном праве в конце XIX в. не было специального термина, который связывал бы преступление с нарушением права, закона, вместо него у казахов употреблялось «жаман іс», или «жаман қылық» (дурное дело, дурное поведение). От слова қылық произошло и слово қылмыс, более соответствующее научному пониманию преступления, которое имеет позднее происхождение.

Подобный способ определения преступления и преступника присущ развитому феодальному праву в такой же мере, как и праву обществ, находящихся на самой ранней стадии классового развития. Например, народы севера не знали «никаких общественных постановлений, осуждающих или наказывающих чьи-либо проступки», при этом называли всякого рода раздоры, неурядицы, преступления «неудобным бытием», «неудобным делом» [12, с. 19].

«Дурное дело», «злое дело» — называлось преступление у древних германцев. Это было деяние, нарушающее мир, и потому ставящее нарушителя за пределы мира. Но и русское феодальное право XVI в. еще пользовалось для определения преступления и преступников терминами «лихое дело», «лихие люди» [13].

В литовском феодальном праве только на самой высшей ступени его развития понятие «злочинца» вытесняется новым понятием — «выступника из закона» [14, с. 69]. Таким образом, принятый для обозначения преступления термин «дурное дело» сам по себе почти ничего не говорит об уровне уголовно-правового развития казахского общества вообще.

Высокая степень развития казахского уголовного права видна из того, что преступление рассматривается в нем главным образом как деяние виновное. Объективное вменение занимает незначительное место. Коллективная ответственность за преступление, совершенное отдельным лицом, характерная для развитого феодального права, в казахском праве во многих случаях выступает уже как ответственность добровольная или субсидиар-

ная, хотя отрицать ее значение как одного из принципов ответственности, и даже очень распространенного, не приходится.

Субъектом преступления по казахскому обычному праву может быть только человек. Оно не знает осуждения животных или неодушевленных предметов. В более древние времена, предшествовавшие законам хана Тауке, действовали постановления об ответственности животных и об обязанности их хозяев отвечать за причиненный последними вред. Примером может послужить постановление о том, что хозяин, не отвечая за вред, обязан выдать пострадавшему или сородичам убитого причинившее вред животное — он хотя и не платит кун, но обязан дать пищу для устройства поминок и саван для погребения убитого [15]. Все это, несомненно, остаток существовавшей ранее полной в этих случаях ответственности хозяина и «наказания» причинившего вред животного.

Поскольку у казахов подобного рода «наказания» имели место в прошлом, то казахское обычное право характеризуется в XVIII в. — начале XIX в. как уже прошедшее эту ступень уголовно-правового развития. В этот период времени казахское право, рассматривая преступление преимущественно как виновное деяние, оценивает его как умышленное или неумышленное. Грани между умыслом и неосторожностью или между неосторожным, небрежным и случайным причинением вреда искать не приходится. Все то, что не может рассматриваться как результат прямого умысла, относится к деяниям неумышленным. Ответственность же за неумышленные преступления сохраняется только в отношении тяжчайших деяний (убийство), да и то значительно пониженная.

На понятие «преступление» в казахском обычном праве известное влияние оказывает и религия, представлявшая в Казахстане своеобразное смешение язычества с мусульманством. До начала XIX в. число действий, признаваемых преступлением против религии, было очень незначительно. Иногда уголовный характер преступлений строго не разграничивался от нарушения религиозных предписаний. По существовавшим среди известной части казахского населения воззрениям, человек, совершивший жаман кылык, вместе с тем совершал кун (грех), т. е. противобожественный поступок, и наоборот. Смещение юридического понятия преступления с религиозными представлениями вполне соответствовало интересам феодальной знати, использовавшей религию как опору для удержания общинников в повиновении. Однако из этого вовсе не следует делать заключения, что казахи якобы вовсе не отличали общественно опасных действий от безнравственных и противорелигиозных поступков. Смещение юридического понятия преступления с религиозно-нравственными представлениями имело место во взглядах лишь некоторой части населения казахского общества

и по отдельным видам преступлений против религии и в области семейно-брачных отношений. Понятия «преступное», «греховное» и «безнравственное» в казахском обществе, безусловно, различались. По мнению казахов, всякое преступное действие считалось грехом, но не всякий «грех» считался преступлением.

По казахскому обычному праву, преступление есть виновное деяние и соответственно субъектом преступления может быть только лицо, способное на виновное деяние. Невменяемые лица освобождались от ответственности.

Н. И. Гродеков писал: «Безумные от рождения и глухонемые за совершенные преступления не наказываются и родственники за них не ответственны» [16, с. 143]. Но родственники несли имущественную ответственность за поступки невменяемых, малолетних или умерших преступников (имущество и семья умершего переходили по наследству к ним).

Казахское обычное право не конкретизировало возраст, с которого виновный мог быть привлечен к уголовной ответственности. Но обычно он определялся в 15 лет. В. Д. Тронов утверждал, что «... малолетние, не достигшие 15 лет, взысканию не подвергаются и не считаются преступниками» [17, с. 85]. В различных записях обычного права возраст, с которого виновный привлекался к уголовной ответственности, указывался также неодинаково: в одних записях этот возраст определяется в 15 лет, в других — в 13-14. Объясняется это тем, что записи производились в различное время и в разных местах Казахстана. В сборниках обычного права, опубликованных во второй половине XIX в. Маковецким и Загряжским, указывалось, что малолетние, не достигшие 13 лет, уголовной ответственности не подлежат [18, с. 103-118].

Несовершеннолетние преступники в возрасте до 15 лет хотя и не привлекались к суду, но по совершенно иным основаниям, нежели неспособность их давать отчет в своих действиях. Д'Андре по этому поводу отмечает: «Ордынцы, как мужского, так и женского рода, могут подлежать суду биев не прежде, как по минованию 15-летнего возраста. Какое-либо важное преступление будет учинено ордынцем до минования того возраста, как-то: кража, убийство, — суд над обвиняемым отсрочивается до совершеннолетия обвиняемого», который при этом отдается на поруки [19].

Отсюда ясно, что полное освобождение детей до 15-летнего возраста от уголовной ответственности по менее важным преступлениям, чем убийство и кража, объясняется непризнанием их неспособности отдавать отчет в своих действиях; а их неспособностью платить тогузы и айпы, к взысканию которых сводилось в большинстве случаев всякое наказание. С наступлением 15-летнего возраста, который считался возрастом гражданского и

брачного совершеннолетия, молодой казах мог уже быть выделен отцом. «В пятнадцать лет — хозяин кибитки» — гласит казахская пословица [16, с. 43]. Перед судом стоял уже собственник, способный расплачиваться за преступления, т. е., с точки зрения казахского права, способный нести уголовную ответственность.

Именно поэтому у казахов, как и во всяком обществе, знающем рабство, раб не был субъектом преступления. Он не был свободным собственником, не мог платить кун, тогузы и аип, поэтому за совершенные им преступления ответственность должен был нести его хозяин-собственник. Источники сообщают интересный случай применения этого правового принципа. У хана Аблая бежали четыре раба-калмыка. Будучи в бегах, они убили одного казаха. Родственники потребовали удовлетворения у Аблая. Хан «тем и сем отбывал от заплаты, отговаривался, что он невиновен», но, очевидно, требование было настолько бесспорным, что он уплатил в виде куна за убийство, совершенное его сбежавшими рабами, 50 лошадей. Претенденты «сделались довольны и отбыли», но, вернувшись, домой, рассудили, что они получили удовлетворение не полное и, «вооружившись немалым собранием, таки к нему Аблаю салтану прибыв, с великим азартом подлежащего за убийство того же киргизца удовольствия требовали». В результате Аблай вынужден был дополнить уплаченный лошадьми кун еще двумя рабами [20].

Таким образом, ни ханское достоинство, ни то обстоятельство, что рабы совершили убийство, будучи уже в бегах, не избавили Аблая от необходимости нести ответственность за совершенное ими преступление.

Субъект преступления, как вменяемое, виновное лицо, к тому же свободное, распоряжающееся своей собственностью и могущее, поэтому, расплачиваться за свои преступления, не совпадает в казахском праве с субъектом, к которому относится уголовная ответственность, т. к. наряду с индивидуальной ответственностью виновного здесь широко применяется коллективная ответственность членов семьи и сородичей, являющаяся наиболее ярким пережитком бывшего господства родовой коллективности. Именно пережитком, потому что база этой коллективной ответственности — коллективная родовая собственность — уже была вытеснена частной собственностью глав отдельных семейств.

Коллективная уголовная ответственность сородичей и членов семьи выступает главным образом как имущественная ответственность. Но сохраняется еще, поскольку речь идет о мести, и коллективная личная ответственность. Тевкелев в донесении от 13 июня 1751 г. по поводу стремления родственников убитого хана Абулхаира мстить детям убийцы — султана Барака, писал: «У них, когда отец виноват, за то не только он, но и дети ответ-

ственны ...» [21, с. 347]. Позже, в XIX в., остается только имущественная ответственность членов семьи, которые отвечают, по существу, как наследники по долгам умершего. Имущественная ответственность за преступления простирается до седьмого колена включительно [16, с. 143-144].

Коллективная имущественная ответственность сородичей была основным принципом уголовной ответственности в обычном праве казахов, которая в XIX в. стала быстро вырождаться, но сохраняла и носила безусловный характер по тягчайшим преступлениям. Ответственность за убийство как обязанность платить кун всегда падает на всех сородичей. Это не субсидиарная ответственность. Сородичи называют себя «кундасы», т. е. соучастниками в платеже куна. Коллективная имущественная ответственность вовсе не была и родственной помощью. Она существовала для удовлетворения интересов потерпевшего собственника и для того чтобы обеспечить расправу с неимущим преступником такими телесными и другими наказаниями, которые не были предусмотрены древним адатом.

Теория уголовного права определяет наказание как меру государственного принуждения, осуществление которой является правом и обязанностью государства. Эта мера должна причинить преступнику определенное страдание и выражает от имени государства осуждение преступления и преступника.

Все эти признаки в большей или меньшей степени присущи наказанию и в обычном праве казахов, но почти все они выражены слабо и нечетко. За спиной судей — биев не стоит государственный в узком смысле слова аппарат, понуждающий осужденного подчиниться приговору. Приговор, если он заключается в присуждении айпа или куна, приводится в исполнение под давлением авторитета бия и общественного мнения. Если это телесное наказание, для него всегда находятся исполнители — добровольцы из числа «хороших людей» (единственные исполнители приговоров).

Право осуществлять уголовную юстицию, а, следовательно, и наказание преступника не принадлежит исключительно государству. Почти каждое дело, не исключая убийство, возбужденное пострадавшей стороной, может в известных случаях разбираться третьей стороной, избранным сторонами. Легализуя барымту, обычное право констатирует бессилие государственной власти наказать обидчика и предлагает потерпевшему собственными силами рассчитаться с убийцей, вором, грабителем. Исключительное право и обязанность государства наказать преступника вообще трудно конструировать там, где действует еще правило — «неволею никто ниже хана никого в суд привести не может» [22].

Заинтересованность государства в наказании преступника, на первый взгляд, отступает на задний план рядом с заинтересованностью потерпев-

шего в возмещении причиненного ему ущерба. Роль жалобы потерпевшего для возбуждения преследования преступника исключительно велика и часто является решающей. С наказанием по судебному приговору успешно конкурирует наказание, применяемое властями без всякого суда.

Минимое отсутствие государственного принуждения в области юстиции есть в действительности лишь одно из проявлений крайней слабости центральной власти и использование родовой организации для целей государственного принуждения. Естественно, что в этих условиях и осуществление наказания как одной из государственных функций настолько вуалируется патриархально-родовым бытом, что перечисленные выше основные элементы наказания временами трудно разглядеть. Но вскрыть их наличие вполне возможно, если, не ограничиваясь ознакомлением с провозглашенными в обычном праве общими положениями о наказании, тщательно изучить механизмы его применения.

Наказание в казахском обществе было уголовной репрессией, построенной на принципах права привилегий, хотя последние и замаскированы архаическими обычно-правовыми нормами. В казахском обществе был значительно развит и обычай самосуда над преступником, который упорно не поддавался мерам общественного воздействия.

В 1823 г. два казаха — Даут и Тансара, кочуя на российской стороне реки Урал, занимались беспрестанным конокрадством у казахов Младшего жуза, кочующих в зауральской степи. Действия этих конокрадов настолько озлобили местных жителей, что однажды они подкараулили их в лесу и после жестоких истязаний изрубили на части и развесили по деревьям [23, с. 94]. Одним из самых распространенных в казахском обществе способов самоудовлетворения потерпевшего за причинение материального или морального ущерба являлась барымта.

За многие «преступления» виновные подвергались репрессиям по усмотрению родоначальников, биев, аульных старшин-аксакалов, которые имели почти неограниченную власть над своими подчиненными. Об этом писал С. Сейдалин: «... слово представителя аул-аксакала имело силу закона для одноаульцев и приказания его исполнялись беспрекословно, иначе каждый из них за послушание своему аксакалу подвергался гневу его и гонению» [24, с. 39].

Судебные функции в Казахстане к моменту присоединения к России исполнялись ханами, султанами и биями (родоначальниками) словесно, на основании казахского обычного права. Ханы и султаны с участием влиятельных биев разбирали наиболее важные категории дел, связанных с взаимоотношениями казахских жузов или нескольких родов, рассматривали

дела, связанные с убийствами представителей феодально-родовой знати, и т. п. [25, с. 46].

Специальным органом, разбиравшим уголовные и гражданские дела всех основных категорий, был так называемый суд биев. До присоединения Казахстана к России бии, кроме судебных функций, выполняли также и функции местных административных органов власти. Власть биев была довольно сильной. Казахский бий являлся не только судьей, но одновременно и старшиной подразделения (аула). Специальных органов, исполняющих судебные приговоры, не существовало.

По древнейшим нормам обычного права бии выделялись аксакалами (старшинами) и прочими «почетными» лицами из числа имущих и имеющих опыт и знания юридических обычаев народа. В связи с изменениями социально-экономических отношений в Казахстане менялись характер и функции суда биев. Но, несмотря на это, суд биев в дореволюционном Казахстане всегда оставался органом классового господства феодалов, осуществляющим функцию подавления сопротивления, трудящихся масс казахов [26].

Суд биев являлся по своей сущности феодальным, а по форме — патриархально-феодальным органом. Он активно защищал такие реакционные патриархальные пережитки, как кун (выкуп), барымту, калым, амангерство, многоженство и т. п.

Большинство дореволюционных буржуазных авторов рассматривало суд биев как орган «родовых отношений», якобы выражавший общие интересы народа. Они умышленно идеализировали суд биев для того, чтобы оправдать систему угнетения народных масс. Так, например, Г. Загряжский определял казахского бия как человека, отличавшегося своим умом, безукоризненной нравственностью, справедливостью, большим опытом в киргизском судопроизводстве, а, следовательно, и знанием киргизских обычаев [27, с. 193]. Л. Баллюзек считал, что звание бия в народном сознании принадлежит тем немногим, которые с природным умом и даром красноречия соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о нем преданиях [28, с. 134]. Все эти авторы, большинство которых являлось официальными представителями царской администрации, хотели показать необходимость сохранения суда биев как опоры царского правительства в Казахстане.

Более правильно определил сущность суда биев хорошо знавший жизнь и быт казахского народа, дореволюционный русский исследователь А. Гавердовский, который в начале XIX в. писал, что «народные судьи» называются бии. «Под этим словом должно разуместь людей красноречивых, богатых и оборотливых. Приговоры их имеют тем более преимуществ,

чем сильнее подвластная им партия, а как истолкование правосудия состоит в произволении, то несовершенство оного зависит от руки сильного» [29, с. 72].

С начала присоединения Казахстана к России царское правительство обратило особое внимание на внутреннее устройство суда в Казахстане. При этом царским правительством в 1784 г. были сделаны некоторые попытки в ограничении деятельности суда биев при учреждении в Оренбурге Пограничного суда. Однако существование данного суда не привело к ослаблению деятельности суда биев в степях Казахстана. Именно большинство уголовных и все гражданские дела казахов продолжали по-прежнему разбираться судом биев, а в Пограничный суд дела от казахов почти не поступали. Некоторые важные категории уголовных дел, возникающие внутри жузов, разбирались непосредственно самим ханом и его советом или султанами крупных родовых подразделений. Судебная власть представителей феодално-родовой знати внутри казахских жузов была подтверждена в «Правилах для ханского совета», утвержденных российским императором в 1806 г. В этих правилах указывалось, что «суд и расправа в орде представляется хану и его совету, и по обычаям их частным родоначальникам ...» [30, с. 144.]. Так в деятельности суда биев до 20-х годов XIX в. не было существенных изменений.

Серьезные изменения в подсудность суда биев были внесены «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г., в котором все судебные дела разделялись на три категории: 1) уголовные; 2) исковые; 3) по жалобам на управление. При этом уголовными делами для казахов считались: 1) государственная измена; 2) убийство; 3) грабежи и барымта; 4) неповиновение установленной власти. По этим делам казахи должны были судиться в царских судах на основании общеимперских законов. Таким образом, из подсудности суда биев были изъяты наиболее важные категории дел, затрагивающие в основном интересы общеимперской власти. Все прочие дела, включая сюда и телесные повреждения, побои, оскорбления, воровство, мошенничество, умышленный поджог, взяточничество, ложный донос и т. п. Уставом 1822 г. считались «исковыми» и подлежали подсудности судам биев, разбиравших их на основании обычного права. Эти изменения, внесенные Уставом 1822 г. к подсудности как суда биев, так и общеимперских судов, оказали серьезное влияние и на карательную деятельность этих органов по применению норм материального уголовного права.

19 мая 1854 г. на основании закона «О распространении на сибирских киргизов общих законов империи» из подсудности суда биев кроме вышеупомянутых категорий были изъяты дела, связанные с преступлениями по должности, подлогом, принятием ложной присяги, а также все преступле-

ния и проступки, учиненные казахами не в местах кочевий, а в городах и селениях.

Также были внесены изменения в деятельность суда биев на основании Временных положений по управлению Сырдарьинской и Семиреченской областями (1867 г.) и по управлению в степных областях (1868 г.), которыми были установлены две судебные системы: 1) общеимперские суды, действующие на основании общих законов империи; 2) местные суды или суды биев, действующие на основании обычного права казахов.

К разбирательству суда биев подлежали все гражданские и значительные категории уголовных дел казахов, за исключением дел, отнесенных к подсудности общеимперских судов. Такими считались дела, связанные с преступлениями: а) против личности; б) против имущественных отношений, за исключением разбоя и грабежа; в) преступления в области семейно-брачных отношений; г) преступления против религии (мусульманской). Кроме того, к подсудности суда биев были отнесены некоторые категории дел, связанных с преступлениями против деятельности «местной администрации» (волостных управителей, аульных старшин и биев).

Судебная реформа содействовала развитию новых форм хозяйства, разложению патриархальных отношений, значительно подорвало потомственное начало в судебном управлении (по-казахски «шинжир-хатар»), ограничила самопроизвольные действия суда биев, поставила его под строгий контроль от царской администрации. Суд биев стал органом, защищающим интересы не только казахских феодалов, но и интересы молодой казахской буржуазии. Суд биев был лучше приспособлен к осуществлению колониальной политики царизма. Вместе с тем судебная реформа 1867 г. и 1868 г. способствовала усилению классовой дифференциации внутри казахского общества и обострению классовой борьбы.

При всем этом суды биев в Казахстане продолжали действовать на основании обычного права вплоть до 1917 г.

После февральской революции 1917 г. с созданием и построением нового социалистического государства, начался процесс создания нового судебно-следственного аппарата и правовых норм, проходивший практически одновременно. Так, в марте 1918 г. Всероссийской чрезвычайной комиссией была принята «Инструкция о производстве обысков и арестов», в которой от должностных лиц требовались вежливость и бережное отношение к лицам, обыскиваемым или лишенным свободы.

В 1920 г. НКЮ РСФСР была принята «Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий», в которой указывалось, что необходимо с полным беспристрастием принимать своевременные меры к раскрытию всей картины преступления и установлению винов-

ных, используя при этом только законные средства. Какое-либо другое воздействие следователя вроде насилия, угроз и т. п. в целях добиться признания обвиняемого или желательных по ходу следствия результатов недопустимо [31, с. 5].

В тоже время — 26 августа 1920 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Казахской Автономной Советской Социалистической Республики как федеративной части Российской Советской Федерации [32, с. 172]. Казахский народ стал обретать свою государственность в условиях советского государства. Но все-таки судебные-следственные органы КазАССР руководствовались законами, изданными правительством РСФСР и нормативными актами, принятыми на местах.

Так, 1 июля 1922 г. на всей территории РСФСР был введен новый Уголовный кодекс. Постановлением ЦИК КазАССР от 13 июля 1922 г. данный кодекс был введен в действие на территории КазАССР, с учетом изменений и дополнений, обусловленных местными бытовыми особенностями.

В данном уголовном законодательстве ст. 112 УК РСФСР гласила, что: «незаконное задержание, незаконный привод, а также принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего следствие или дознание, — карается наказаниями, предусмотренными ч. 2 ст. 105» [33, с. 130]. Перечисленные деяния наказывались «лишением свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией». Санкция данной статьи отражает повышенную общественную опасность принуждения к даче показаний, что нашло свое закрепление в этом законе, даже в объединении с другими составами в одной норме. Самостоятельной главы преступлений против правосудия Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не содержал и ст. 112 относилась к главе «Должностные преступления».

Однако в юридической литературе того времени не было единства в решении вопроса в отношении того, что данные преступные деяния могут быть совершены только умышленно или как умышленно, так и вследствие грубой неосторожности [34].

Статья 139 УПК РСФСР 1922 г. запрещала следователю домогаться показаний или сознания обвиняемого путем применения к нему насилия, угроз и других незаконных действий. В случае их совершения как в отношении обвиняемого, так и в отношении иных допрашиваемых, виновный подлежал ответственности по ч. 1 ст. 112 УК РСФСР. При этом под принуждением понималось применение физического (удары, побои) или психического (угрозы, обещания) насилия к допрашиваемому.

Часть 2 ст. 112 УК РСФСР предусматривала ответственность за незаконное заключение под стражу в качестве меры пресечения «из личных либо корыстных видов». При этом санкции ст. 112 УК РСФСР прямо не

предусматривали определенных видов наказания, а отсылали к другим статьям кодекса о должностных преступлениях, что только усложняло применение данной статьи.

Уголовное законодательство РСФСР 1926 г. также не внесло существенных изменений в правовую норму, предусматривающую ответственность за незаконное задержание, привод, арест, принуждение к даче показаний при допросе (ст. 115 УК РСФСР). Были только уменьшены размеры наказания в санкции статьи (ч. 1 — до 1 года, ч. 2 — до 5 лет лишения свободы), а состав, предусматривающий ответственность за принуждение к даче показаний, был перенесен из ч. 1 в ч. 2 названной статьи.

В конечном итоге уголовные законодательства РСФСР и союзных республик подобные действия квалифицировали как злоупотребление властью либо как ее превышение. Как отмечал В. Д. Меньшагин, такая квалификация не отражала ни специфики, ни большой общественной опасности этих деяний, что, конечно, сказывалось на их наказуемости [35, с. 109].

Данные правовые нормы, предусматривающие ответственность за принуждение к даче показаний, незаконный арест, задержание и привод, вынесение заведомо неправосудного приговора, практически не применялись с развитием и углублением культа личности И. В. Сталина. Хотя наука советского уголовного права и в этот период стремилась осуществлять дальнейшую разработку и совершенствование уголовно-правовых норм, защищавших правосудие от преступных посягательств.

Так, УК СССР 1937 г. содержал правовые нормы, предусматривающие ответственность должностных лиц судебно-следственных органов за преступления против правосудия, которые были объединены в одну статью «О неправосудии», состоявшей из двух частей. В первой части предусматривалась ответственность за вынесение судьей заведомо неправосудного приговора или решения, а также вынесение судьей, прокурором, следователем или иными органами расследования заведомо неправильного постановления о возбуждении или прекращении уголовных дел или заведомо незаконных определений об аресте, приводе или других мерах государственного принуждения, а во второй части — за принуждение к даче показаний при допросе обвиняемых или свидетелей незаконными мерами или искусственное создание должностным лицом неправильных доказательств обвинения.

Одним из серьезных недостатков данной правовой нормы было то, что авторы данного уголовного законодательства поместили самостоятельные составы преступления в одну статью, что усложнило их применение и привело к смешению некоторых процессуальных гарантий. В связи с чем в 1939 г. был предложен новый проект уголовного законодательства, содержащего уже две нормы — ст. 175 (арест, произведенный без постановления

суда или без санкции прокурора, незаконное содержание под стражей, незаконное задержание и привод) и ст. 176 (принуждение к даче показаний) УК СССР.

Дальнейшее изменение и дополнение уголовного законодательства было прервано Великой Отечественной войной и возобновилось только в 1946 г., где в девятой главе Особенной части «Преступления против правосудия» появились две нормы — ст. 240 (принуждение к даче показаний) и ст. 239 (возбуждение уголовного преследования в отношении лица, заведомо невиновного в совершении вменяемого ему преступления) УК СССР.

В 1957 г. также был разработан новый проект уголовного законодательства, содержащего в главе о преступлениях против правосудия ст. ст. 148, 150, 151, который был направлен на широкое обсуждение научным и практическим работникам как в РСФСР, так и в союзных республиках.

В связи с чем 22 июля 1959 г. был принят Уголовный кодекс КазССР, в котором преступления, посягающие на правосудие были отведены в отдельную главу 9 «Преступления против правосудия», где ст. 190 УК КазССР предусматривала ответственность за принуждение к даче показаний лицом, производящим следствие или дознание, а нормы, предусматривающей ответственность за пытки, не существовало (так как в социалистическом мире пытки не применялись и не могли быть).

По части 1 данной нормы наказывалось принуждение, осуществляемое путем угроз и иных незаконных действий. Содержание угрозы не имело значение, это могла быть угроза насилием, арестом, исключением из учебного заведения, оставлением без пищи и т. п. По своей направленности угроза касалась непосредственно допрашиваемого или его близких.

Под иными незаконными действиями понималось все, исключая лишь угрозу или физическое насилие, например, подкуп, различные виды обмана (обещание прекратить дело, освободить из-под стражи самого допрашиваемого или кого-либо другого и т. д.).

Более опасным считалось принуждение, соединенное с физическими методами воздействия на допрашиваемого. Поэтому к насилию, охватываемому ч. 2 ст. 190 УК КазССР, относились лишь такие виды физического насилия, степень общественной опасности которых не выходили за рамки санкции этой части статьи (побои, истязания, телесные повреждения средней тяжести) [36, с. 364].

После многочисленных вносимых изменений и дополнений в казахстанское уголовное законодательство, и в конечном итоге с провозглашением суверенитета и независимости, в Республике Казахстан 16 июля 1997 г. был принят и вступил в силу 1 января 1998 г. новый Уголовный кодекс, где в главе 15 «Преступления против правосудия и порядка исполне-

ния наказаний» была помещена ст. 347 УК РК «Принуждение к даче показаний».

В части 1 данной нормы наказывалось принуждение, осуществляемое путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание. При этом ч. 2 ст. 347 УК РК к квалифицирующим признакам относила противоправные действия с применением насилия, издевательства или пыток. Где под насилием понимается только физическое — причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. Издевательство над потерпевшим образуют такие действия, которые причиняют потерпевшему сильное моральное страдание, а определение пытки понимается как «неодноэпизодное сильное физическое или психическое насилие над допрашиваемым с целью получения показаний» [37, с. 820].

После очередных многочисленных изменений и дополнений, которые были внесены в соответствии с Законами РК от 9 июля 1998 г. № 277-1; от 10 июля 1998 г. № 283-1; от 16 июля 1999 г. № 430-1; от 23 июля 1999 г. № 454-1; от 5 мая 2000 г. № 47-П; от 16 марта 2001 г. № № 163-П-164-П, от 19 февраля 2002 г. № 295-П; от 22 февраля 2002 г. № 296-П; от 31 мая 2002 г. № 327-П; от 9 августа 2002 г. № 346-П; от 21 декабря 2002 г. № 363-П; от 9 июля 2003 г. № 480-П; от 25 сентября 2003 г. № 484-П, в главу 15 «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний» внесены изменения в ст. 347 УК РК «Принуждение к даче показаний» (ч. 2 исключена Законом РК от 21 декабря 2002 г. № 363-П) и была введена ст. 347-1 УК РК «Пытки».

Под пыткой следует понимать разнообразное поведение: причинение человеку в течение длительного времени физической боли (например, прокалывание иглой, избивание путем нанесения ударов в область почек, шеи, между ног, выкручивание рук, применение болевых приемов, прикладывание к телу горячего утюга, лишение воды, пищи, возможности свободно дышать, например, с использованием целлофанового мешка, противогаза и других предметов и т. п.) [38, с. 860].

В соответствии с примечанием ст. 347-1 УК РК не признаются пыткой физические или психические страдания, причиненные в результате законных действий должностных лиц. Например, когда в отношении лица, совершившего преступление, избирается мера пресечения в виде ареста, а позже назначается наказание в виде лишения свободы, эти действия должностных лиц вызывают психические и физические страдания, но не являются пыткой.

Поэтому, современным законодателем в полной мере учтены исторический опыт и тенденции развития зарубежного законодательства (наличие в

санкции дополнительного вида наказания — лишения права занимать определенную должность). Такой вывод можно сделать, оценив санкцию за пытки, которая выступает отражением общественной опасности преступления.

1.3 Общественная опасность противоправных действий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел с целью получения показаний

Ежегодно в сферу уголовного судопроизводства в качестве очевидцев, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и других участников уголовного процесса вовлекается огромное количество граждан Республики Казахстан.

Становится понятным стремление законодателя взять под уголовно-правовую охрану интересы этой значительной категории жителей Республики Казахстан.

Вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства человек вправе ожидать от государственных органов, осуществляющих эту деятельность, уважительного отношения к своим правам и свободам, однако, говоря словами И. И. Карпеца, «заблуждение относительно преступности как явления, стоящего особняком от общества, что есть какие-то “отмеченные печатью зла” люди, удел которых совершать преступления, и есть те, кто борется со злом, сам, не совершая преступлений, оказалось, может быть, самым разочаровывающим. Создав органы по борьбе с преступностью, человечество одновременно вынуждено было защищать себя от преступлений охранителей порядка и законности» [39, с. 34].

Недоверие к правоохранительным органам и обеспокоенность тем, что государство не может защитить права своих граждан, растут. Случаи отказа и уклонения от участия в судопроизводстве становятся все более и более многочисленными [40, с. 9].

С одной стороны, это объясняется тем, что на человека и его близких, содействующих правоохранительным органам, оказывается мощное давление со стороны обвиняемых, их соучастников и друзей, а принимаемые государством меры защиты явно недостаточны, чтобы это давление устранить. А с другой стороны — из средств массовой информации граждане постоянно узнают о незаконных задержаниях, незаконном продлении сроков следствия и применении насилия со стороны сотрудников ОВД. Любое уголовное дело, имеющее политическую окраску, моментально наполняется примерами о произволе и беззаконии правоохранительных органов. По-

добная информация (не всегда объективная) влияет на формирование негативного образа правоохранительных органов в целом, снижает авторитет государства в глазах мировой общественности.

Поскольку работники правоохранительной системы наделены властными полномочиями, «то преступность их не только специфична, но и во многих случаях более болезненно отзывается на функционировании государственного и общественного организма, правах и свободах личности»[39, с. 365].

Сказанное подтверждает, что факты принуждения к даче показаний и попыток со стороны сотрудников ОВД, помимо непосредственного ущерба в виде осуждения невиновных, уклонения от ответственности лиц, совершивших преступления, таят в себе потенциальную опасность. Эта опасность связана с причинением вреда здоровью граждан, потерей доверия к государству, попыткам самосуда и обращения за помощью к преступным группировкам.

Ущерб, причиненный противоправными действиями, в данном случае невозможно оценить какими-либо цифрами, однако можно с уверенностью утверждать, что он огромен [40, с. 11].

На опасность противоправных действий сотрудников ОВД давно обратила внимание мировая общественность. Об этом свидетельствуют многочисленные международно-правовые нормативные акты, призванные встать на защиту участников судопроизводства [11; 41; 42; 43; 44]. Принцип ч. 2 ст. 17 Конституции РК гласит, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство обращению или наказанию. Данный принцип в частности обусловил включение законодателем в Уголовный кодекс Республики Казахстан такой нормы как пытки.

По представленным статистическим данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан за 2005 г. по ст. 347-1 УК РК осуждено всего 2 лица, тогда как в 2006 г. осуждено 7 лиц.

Так, приговором Житикаринского районного суда Костанайской области от 27 февраля 2006 г. Е. и А. признаны виновными в том, что, работая в должности оперуполномоченных отделения криминальной полиции Житикаринского ГРОВД и, являясь представителями государственной власти, с целью повышения показателей раскрываемости преступлений на своей территории, с целью заставить гражданина К. признать вину в краже, умышленно причинили ему физические и нравственные страдания [45].

Всего за 2006 г. судами республики рассмотрено 47 уголовных дел в отношении 67 сотрудников органов уголовного преследования по фактам

нарушения конституционных прав и свобод граждан, из них с вынесением обвинительного приговора рассмотрено 45 дел в отношении 63 лиц. При этом по фактам нарушения конституционных прав граждан в ходе предварительного следствия и дознания, в том числе применения пыток и других недозволённых методов ведения следствия, с вынесением приговора рассмотрено 8 уголовных дел в отношении 15 лиц.

Статистика раскрываемости преступлений, предусмотренных ст. 347-1 УК РК, свидетельствует о настоятельной необходимости реализации в законодательстве и правоприменительной практике рекомендаций Комитета ООН против пыток [46].

Государство должно сформировать у граждан сознание того, «что каждое преступление, кем бы оно ни было совершено, и какие бы ухищрения при этом не применялись, будет раскрыто, а виновные понесут ответственность в соответствии с опасностью преступления» [47, с. 7]. В его распоряжении находится довольно широкий арсенал средств воздействия на нарушителей: от дисциплинарных, административных, гражданско-правовых до самых радикальных — уголовно-правовых.

Также в случае, «когда социально-опасное явление не получает своевременной и соответствующей его содержанию правовой оценки, борьба с ним становится менее эффективной, а ущерб, причиняемый таким явлением, не встречает должного противодействия» [48, с. 5].

Сотрудники ОВД, допускающие незначительные нарушения порядка уголовного судопроизводства, наказываются в дисциплинарном порядке. С наиболее существенными нарушениями государство борется уголовно-правовыми мерами. Эти меры эффективны — пока в обществе сохраняется потребность в уголовно-правовой норме. Однако, как оценить потребность общества в установлении запрета?

Правильное решение этой проблемы, по мнению В. Н. Кудрявцева, «определяет объем мер государственного принуждения в сфере борьбы с общественно опасными деяниями; служит основой для деятельности системы уголовной юстиции ..., наконец, влияет на содержание и направленность профилактических мер и на правовое воспитание населения» [48, с. 17].

При криминализации или декриминализации общественно опасного деяния учитывается комплекс социальных и юридических критериев (оснований), общая социально-политическая оценка посягательства как преступного или непроступного [49, с. 51], то есть социальная обусловленность уголовно-правовой нормы, которая заключается в «раскрытии экономических, политических, психологических, нравственных и иных факто-

ров, вызывающих необходимость существования нормы ... уголовного права, и прогнозирования их развития» [50, с. 7].

Процесс правотворчества начинается с глубокого изучения объективных общественных процессов, и для его характеристики как нельзя более подходит известная фраза К. Маркса о том, «что законодатель не делает законов, он не изобретает их ..., а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений» [51, с. 162]. Но при этом необходимо помнить, что не все абсолютно факты социальной действительности должны приниматься во внимание при конструировании уголовно-правовых норм. Необходимо также предвидеть, что произойдет, если норма будет создана, так как неэффективность стихийного, ненаучного правотворчества в настоящее время констатируется многими учеными. В этой связи заслуживает внимания высказывание Г. А. Злобина о том, что «социальная обусловленность нормы проявляется в ее соответствии основополагающим принципам системы права, т. е. принципам законности не только на формальном, но и на более высоком содержательном уровне ... Это есть ее соответствие объективным тенденциям развития соответствующей социально-экономической формации ..., требованиям социальной справедливости». Но «преувеличения роли принципов в уголовном нормотворчестве», «законодательного эмпиризма» на этом пути следует опасаться и строить нормы на основе научно обоснованного и прогностического моделирования» [52, с. 211-213], т. е. — уголовно-правового прогнозирования.

М. П. Клейменов определил уголовно-правовое прогнозирование как «систематическое исследование перспектив развития уголовного права с целью получения научной информации об основных направлениях его совершенствования» [53, с. 5]. При этом «не уделяя внимание разработке и воплощению своей прогностической функции, уголовное право не может претендовать на статус законченной науки. Проблемы уголовного права в таком случае как бы повисают в воздухе. Сам процесс законотворчества становится субъективным и спонтанным, правовое реагирование на социальные коллизии — запаздывающим и декларативным» [53, с. 7].

Избежать этого поможет знание основных тенденций в динамике и структуре конкретного вида преступлений и преступности в целом, анализ действующего законодательства и практики его применения, уяснение роли уголовного закона в жизни общества и других факторов [53, с. 125].

Важнейшей частью решения проблемы социальной обусловленности является решение вопроса о том, в какой зависимости находится уголовно-правовая норма и преступность.

Так как основным признаком преступления является общественная опасность, имеющая характер (качественная характеристика) и степень (количественная характеристика), то в преступности характер и степень ее общественной опасности определяются такими ее признаками, как состояние (количественная характеристика преступности, выраженная в абсолютных числах совершенных преступлений) и структура (качественная характеристика преступности, ее общественной опасности) [54, с. 178].

Все эти признаки — величины непостоянные [54, с. 182]. В связи с чем В. Д. Филимонов считает, что перечисленные признаки оказывают различное влияние на уголовную ответственность, а, следовательно, и на правовые нормы. В конкретных условиях они могут приводить к установлению одних законов, изменению других и отмене третьих [55, с. 28-31]. Процесс этот происходит путем выяснения следующих обстоятельств: если выявляется новый вид общественно опасного поведения; изменяется распространенность преступлений (увеличивается их количество); динамика преступности свидетельствует об увеличении числа противоправных посягательств.

Проявление обстоятельств первого вида не обязательно приводит к созданию новой нормы в уголовном законе. Для создания нормы необходимо чтобы увеличилось количество преступных деяний и, чтобы из года в год их количество возрастало.

Прогнозируя динамику преступлений и используя метод экстраполяции, можно предположить, что количество преступлений будет расти из года в год. Однако наш прогноз не может претендовать на абсолютную точность, так как, «применяя экстраполяцию к изучению объекта прогнозирования, необходимо стараться связать его развитие с совокупностью переменных, оказывающих влияние на регистрируемое состояние» [53, с. 77], что целесообразно лишь при стабильности всех систем общества [56, с. 188].

Задача оценки общественной опасности противоправных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний, еще более усложняется тем обстоятельством, что оно имеет куда более широкую распространенность, чем это отражено в официальной статистике. Принуждение к даче показаний и пытки характеризуются высокой латентностью.

Об актуальности данной проблемы свидетельствуют исследования тех авторов, которые исследовали преступность работников правоохранительных органов или вообще латентную преступность [39, с. 364-376; 57, с. 3; 58, с. 236-237].

Под латентной преступностью понимаются деяния, которые не были заявлены или зарегистрированы правоохранительными органами, или деяния, в отношении которых со стороны системы уголовного правосудия не

было принято никаких последующих действий. Опасность, которую представляет это явление, велика, и в настоящее время учеными не оспаривается.

За основу исследования латентности противоправных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний, на наш взгляд, следует принимать специфику деятельности субъектов этого преступления. Это значит, что признак специального субъекта (должностное лицо правоохранительных органов) — с одной стороны, и потерпевший (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт) — с другой, в значительной мере определяют уровень известности для статистики указанных преступлений [40, с. 18].

Латентную преступность, по справедливому мнению С. В. Бородина, Ю. В. Бышевского и А. А. Конева, следует рассматривать в трех аспектах: криминологическом, криминалистическом и процессуальном [59, с. 58; 60, с. 9], хотя на этот счет существуют и другие мнения [61, с. 232-233].

Для изучения латентной преступности существуют различные методики, однако следует помнить, что все они дают лишь приблизительное представление о масштабе явления.

Так, по результатам нами проведенного опроса, принуждение к даче показаний и попытки как распространенные явления признали 43 % опрошенных сотрудников внутренних дел (Приложение А).

Нами исследованы материалы служебных проверок и прекращенных уголовных дел по фактам принуждения к даче показаний и попыток в Карагандинской, Северо-Казахстанской, Акмолинской, Южно-Казахстанской областях. Анализ показал, что в 94 % случаев, когда потерпевшие заявляли о применении к ним психического насилия в ходе допроса, уголовные дела не возбуждались. Это и понятно, т. к. доказуемость такого преступления очень затруднительна (и потерпевший это осознает), а если такие факты имели место в действительности, то знание уголовного и процессуального законодательства лицом, в отношении которого проводится проверка или следствие, сводит ее к нулю.

Расследование противоправных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний, отнесено к подследственности Комитета национальной безопасности, в редких случаях к подследственности Управлений собственной безопасности. Кроме того Управления собственной безопасности органов внутренних дел на местах не всегда могут самостоятельно проводить оперативное сопровождение и их разработки становятся заблаговременно известны.

Проведенное исследование за 2004 г. показало, что из 75 уголовных дел, возбужденных всеми органами по фактам нарушений конституционных

прав граждан в Республике Казахстан (превышение служебных полномочий, принуждение к даче показаний, пытки), в суд направлено лишь 10 уголовных дел. Факты физического насилия присутствовали в 52 уголовных делах. То есть, не достигнув желаемого результата применением психического насилия, преступник прибегает к физическому воздействию. Можно предположить, что степень вреда, нанесенного потерпевшему, и доказуемость преступного события в этом случае, определяют латентность преступления. В этом проявляются процессуальный и криминалистический аспекты латентности, о которых мы упоминали.

Криминологический аспект проявляется в принуждении к даче показаний и пытках большей частью при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений (68 %). Большая часть принуждаемых выступали в качестве подозреваемых либо обвиняемых, не были способны оплатить услуги адвоката и характеризовались как асоциальные либо ранее судимые личности (76 %).

Следует заметить, что процессуальный, криминалистический и криминологический аспекты латентности тесно взаимосвязаны [40, с. 20].

Приведенный выше краткий статистический анализ и оценка латентности преступлений, предусмотренных ст. ст. 347, 347-1 УК РК, показывают, что они представляют опасность для нормального порядка осуществления правосудия. Однако, где тот минимум деяния, который можно назвать общественно опасным? Какова структура общественной опасности? Ответы на эти вопросы важны, поскольку именно общественная опасность, по общему мнению, является предпосылкой уголовно-правового запрета того или иного поведения.

На этот вопрос праведы отвечают по-разному [54, с. 67; 62, с. 68; 63, с. 213; 64, с. 24]. Так, изучив различные точки зрения, изложенные в юридической литературе, считаем, что их критический анализ не является предметом нашего исследования, и лишь присоединяемся к одной из них.

Нам более близка позиция А. И. Марцева, который включает в структуру общественную опасность деяния, общественную опасность последствий, общественную опасность личности и вину. Личность, на наш взгляд, входит в структуру общественной опасности, и это подтверждается «наличием в уголовном законодательстве обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также возможностью освобождения от уголовной ответственности в зависимости от личностных характеристик правонарушителя» [65, с. 37].

Сущность преступления заключена в общественной опасности посягательства. «Сущностью преступления не может быть ни посягательство само по себе, ни причинение вреда общественным отношениям, поскольку

названные характеристики не специфичны для данного вида правонарушения, в них нет ничего абстрактного» [65, с. 35].

Общественная опасность — «опасность для всего общества в широком смысле этого слова: и для каждого человека, и для общественных интересов государства», она состоит в негативном влиянии «на социальные условия жизни людей, развитие общественных процессов, различных сторон государственной деятельности» [65, с. 35-36].

Не это ли мы видим, говоря об общественной опасности противоправных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний?

Так, гр. А., работая в должности старшего оперуполномоченного оперативно-розыскного отдела УДП УВД Атырауской области 12 мая 2004 г. доставил в здание ОВД г. Атырау гр. Ш. и гр. Т., подозреваемых в совершении наезда на гр. Г., имевшего место 7 мая 2004 г. Требуя признания в совершении ДТП, А. нанес несколько ударов по лицу Ш., ударив его по голове один раз доской. Затем, взяв шило, нанес удар в кисть левой руки. Т. несколько раз по спине и животу. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, гр. Ш. и гр. Т. причинен легкий вред здоровью. По данному факту возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 4 ст. 308 УК РК, а прокуратурой области — по ч. 1 ст. 347-1 УК РК. Так. 14 декабря 2004 г. приговором Атырауского городского суда гр. А. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 308 и ч. 1 ст. 347-1 УК РК, и осужден к трем годам лишения свободы [66].

Налицо негативное влияние рассматриваемых преступлений для человека. Если к даче показаний принуждается обвиняемый, то, помимо психических и физических травм, полученных в результате воздействия, он может понести наказание за преступление, которого не совершал.

Одновременно причиняется и вред государству — на расследование и рассмотрение подобных уголовных дел затрачиваются силы и средства правоохранительных органов, судебной системы. В результате осуждения потерпевшего за несовершенно им преступление на свободе остается преступник, который, уверовав в свою безнаказанность, совершает все более дерзкие и циничные преступления. Примером описанного случая может быть дело Чекатило, когда за совершенные им преступления было казнено несколько человек, оговоривших себя, прежде чем был задержан настоящий преступник. Итогом таких фактов является дискредитация правоохранительных органов [40, с. 22].

Вред обществу выражается также во все большем распространении правового нигилизма среди населения. Люди перестают верить в правый суд.

Вызов в органы внутренних дел или прокуратуру воспринимается негативно: «затаскают», средства и время, потраченные на визит к следователю или оперативному работнику, никто не возместит. Свидетель по уголовному делу, по справедливому замечанию О. А. Зайцева, остается один на один с преступниками [67]. В этом проявляется нарушение социальной возможности на государственную защиту прав человека.

Общественная опасность — не только предельно абстрактная, но еще и комплексная и динамичная категория. Если, раскрывая комплексный характер, будет достаточно сказать о ее структуре и о том, что элементы этого комплекса взаимозависимы и очень разнообразны, то, говоря об общественной опасности как о категории динамичной, считаем, что она ярче всего проявляется на этапе правоприменения.

Именно при оценке общественной опасности деяния решающее значение приобретает субъективный фактор [68, с. 11]. Нарушение, допущенное следователем, дознавателем, оперативным работником, становится предметом рассмотрения начальника подразделения на основании материалов служебной проверки, проведенной отделом собственной безопасности или инспектором отдела кадров.

По утверждению А. А. Куспенского, при этом «не всегда обеспечивается объективность оценки общественной опасности совершенного деяния вне прямой связи с положительными или отрицательными ... качествами правонарушителя» [69, с. 14]. От этого зависит, получит ли деяние надлежащую уголовно-правовую оценку.

На абсурдность такого положения (когда проверка поручается тому ведомству, работник которого нарушил закон) указывал И. Л. Петрухин [5, с. 106], однако, на данный момент оно сохраняется. Примечательно, что подобная практика характерна не только для Казахстана и России. Например, в США проверка заявлений о принуждении к даче показаний поручается отделу внутренних расследований того же полицейского участка, на сотрудников которого поступила жалоба.

Уголовное законодательство выделило в общественной опасности две стороны, указав, что при назначении наказания необходимо учитывать «характер и степень общественной опасности преступления». Характер и степень — качественно-количественные характеристики общественной опасности. Характер (который определяется объектом преступления) общественной опасности пыток весьма специфичен, так как указанное деяние, кроме нарушения неприкосновенности личности, ее здоровья и физической целостности, посягает на нормальную работу органов правосудия. В этом видится отличие от превышения власти или должностных полномочий (когда ущерб наносится интересам государственной службы).

Такое качество объекта принуждения к даче показаний и пыток, как способность влиять на авторитет системы правосудия, объективность рассмотрения и расследования уголовных дел, а уж затем, опосредованно и на интересы личности, сразу выделяет данные преступления из огромной массы других преступлений и ставит их на определенные в Особенной части УК места. Интенсивность посягательства (степень общественной опасности) не даст понимания того, какой объект претерпел негативные изменения, зато ответит на вопрос, насколько эти изменения значительны.

Нарушены интересы (общественные отношения), которые законодатель поставил под охрану уголовного закона — имеет место преступление. В результате посягательства затронуты интересы государственной службы — имеет место одно из преступлений, предусмотренных в главе 13 Уголовного кодекса. Когда преступление затрагивает еще и нормальную деятельность органов правосудия — совершено преступление против правосудия. Далее мы выделяем такое качество, которое позволяет нам утверждать, что имеет место именно нарушение объекта, а уж затем перед нами стоит задача оценить интенсивность повреждений. Если унижено достоинство, умачена честь лица, ему нанесен (или есть угроза причинения) другой психический вред, то степень соответствует ст. 347 УК РК; если лицу, например, нанесен средней тяжести вред здоровью — степень соответствует ст. 347-1 УК РК.

Учитывая высокую степень общественной опасности пыток, законодатель выделил данную норму в отдельную статью Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Уголовный закон должен служить антистимулом для совершения данной категории преступлений, а высокая общественная опасность противоправных действий, совершаемых с целью получения показаний, не может быть оправданием тем, кто «борется с преступниками их же оружием», ибо в таком случае надобность в государственной системе правосудия отпадает [40, с. 26].

В целях уяснения смысла исследуемого явления следует раскрыть категориальный аппарат, поскольку, через определение дефиниции «познается сущность явлений, процессов, обобщаются их существенные стороны и признаки» [70, с. 321].

Анализируя содержание уголовно-правовых норм за принуждение к даче показания и пытки, необходимо отметить, что под общепринятым значением слова «принуждать» понимается необходимость «заставить лицо сделать что-нибудь помимо его воли» [71, с. 483]. Подобное определение дает и В. Даль [72, с. 431].

Вместе с тем определения уголовно-правового понятия принуждения было бы не верным использовать только общепринятый термин, поскольку эти дефиниции не являются идентичными. Исследуя содержание уголовно-правового понятия принуждения, нами не ставится цель их дифференциации. Наоборот, опираясь на познания в других отраслях науки, мы применяем их с учетом уголовно-правовых особенностей.

В правовой науке выявлены и систематизированы следующие признаки уголовно-правового принуждения: во-первых, воздействие на личность, во-вторых, воздействие с целью вызвать определенное поведение, в-третьих, насильственное воздействие [73, с. 52].

Вместе с тем вышеизложенное представляло собой выработку общего критерия, принуждения характерного для всех составов, имеющих такой способ совершения преступлений, и не учитывало существующую особенность некоторых деяний. Следовательно, определение понятий принуждения к даче показаний и пытки является дальнейшей попыткой установить специфические черты, характерные именно для этих видов принуждений, которые позволяют провести грань между различными составами преступлений, совершаемых одним способом.

Исходя из законов диалектики, мы полагаем, что соотносятся уголовно-правовое и общепринятые понятия принуждения как часть и целое. Так как, целое является не простой суммой его частей, а сложным многогранным комплексом, объединяющим части в целое при помощи определенного типа связи и заключающимся во взаимовлиянии частей [74, с. 118].

Важнейшим признаком любого преступления является его общественная опасность, под которой в уголовно-правовой литературе понимают «свойство запрещенного уголовным законом деяния причинять более существенный, по сравнению с неправомерным правонарушением, вред ... обществу путем посягательства на один или несколько объектов» [75, с. 17]. При этом необходима «реальная, фактическая, а не предполагаемая опасность деяния» [76, с. 160]. Общественная опасность пыток и принуждения к даче показаний заключается в том, что данные противоправные действия причиняют существенный вред интересам правосудия, правам и свободе личности, т. е. тем общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом от преступных посягательств.

Общепринятым мнением является противозаконность преступлений. Как справедливо замечает профессор Е. И. Каиржанов: «легко сказать просто и кратко “преступление это, то, что предусмотрено уголовным законом”. Гораздо труднее установить известные критерии самой этой “предусматриваемости” или правил “предусмотрения” того или иного деяния» [77, с. 82]. Следовательно, мы попытаемся установить критерии, наруше-

ние которых будет признаваться составом принуждения к даче показаний либо пыток.

Пытки либо принуждение к даче показаний можно квалифицировать как преступление только в случае их незаконности, т. е. запрещенное нормативным актом. Часть 5 ст. 14 УПК РК запрещает «подвергать насильно, жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению». Таким образом, эта норма является тем запретом, нарушение которого при принуждении к даче показаний или пыток образует преступность деяния.

Под принуждением к даче показаний в уголовно-правовой литературе понимают «психическое воздействие на допрашиваемого» [78, с. 353]. Существует и несколько иная трактовка данного преступления, которая характеризуется как «применения угроз или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие» [79, с. 130]. Первое и второе определения принуждений к даче показаний, на наш взгляд, недостаточно полно отражают необходимые признаки, обязательные для этого деяния. В первом понятии не раскрывается противоправность принуждения и не указывается, со стороны кого должны исходить эти действия, хотя законодатель точно определяет круг этих лиц. Положительным моментом в первом варианте можно признать указание на потерпевшего от этого деяния — «допрашиваемого». Во втором определении принуждения не указывается цель противоправных действий, хотя она достаточно четко должна быть проявлена, иначе сложно проводить отграничение этого преступления от смежных составов. К достоинствам второго варианта принуждения можно причислить указание на субъект этого преступления.

Другим важным признаком, раскрывающим понятие принуждения к даче показаний, является наличие именно психического насилия. Так как, применяя психологическое давление на лицо, можно добиться выполнения действий, противоречащих его воле. Применение физического насилия образует состав ст. 347-1 УК РК — пытки.

В Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 г. сказано, что пытка означает любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняются сильная боль или физическое или психическое страдание. Никакие исключительные обстоятельства, могущие иметь место в стране (такие, как состояние войны или ее угроза, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение), не могут служить оправданием для пыток. Пытка признается одним из жестоких, бесчеловечных видов обращения.

Принуждение к даче показаний предполагает только психологическое давление на волю лица. В этом случае волевой признак является главным в принятии какого-либо решения лицом. Не сломив и не подчинив волю человека, трудно рассчитывать на выполнение им чужого мнения. Как справедливо указывается в юридической литературе: «главным в принуждении является стремление парализовать волю потерпевшего к сопротивлению требованиям принуждающего и обеспечить достижение своей цели не только через ответные действия потерпевшего, но и помимо их» [73, с. 70].

Определение пострадавшего при совершении принуждения к даче показаний является одним из ключевых моментов в раскрытии понятия этого преступления. В соответствии с диспозицией статьи, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний, им является допрашиваемый, т. е. лицо, дающее показания. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, давать показания по уголовному делу могут подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, понятой, эксперт, переводчик. Таким образом, круг допрашиваемых лиц ограничен, но конкретизирован, что дает основание полагать на реальную защиту их прав от принуждения к даче показаний и пыток.

Следующим признаком, характеризующим понятие принуждения к даче показаний, является особенность положения лица, совершающего это деяние. Законодатель устанавливает, что им может быть только следователь или лицо, производящее дознание. Определение признаков субъекта этого преступления позволяет без особого труда проводить разграничение этого деяния от смежных составов, что является немаловажным фактом для установления правильной квалификации. При совершении пыток субъектом может быть любое должностное лицо.

Важно отметить, что уголовно-правовое принуждение совершается только в форме умышленного деяния. В том случае, когда лицо осознает незаконность своих действий, предвидит наступление преступных последствий и желает их наступления. Было бы не логичным совершить принуждение либо пытки по неосторожности, т. е., не осознавая противоправности характера своих действий и не предвидя наступления преступного результата, хотя лицо должно и могло его предвидеть, или, предвидя наступление преступных последствий, лицо легкомысленно рассчитывает на их предотвращение.

Для квалификации принуждения к даче показаний помимо незаконного принуждения необходимо также и направленность этих действий на получение показаний. Мы не можем вести речь о действиях, подпадающих под признаки принуждения к даче показаний, если незаконное принуждение направлено не на получение показаний при производстве предварительного

следствия или дознания, а с другой целью. В этом случае рассматриваются признаки другого состава преступления. При определении цели преступного деяния можно судить о степени его общественной опасности, квалификации, направленности посягательства, определению наказания и других признаках преступления.

Основываясь на перечисленных признаках, мы попытаемся дать **собственное определение принуждения к даче показаний**, которое следует рассматривать как *незаконное умышленное психическое воздействие на волю допрашиваемого (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта) с целью получения показаний (заклЮчения) со стороны следователя или лица, производящего дознание*. Признаки, указанные в скобках, внесены, согласно Уголовному кодексу Республики Казахстан, в норму об ответственности за принуждение к даче показаний. Анализируя указанные признаки принуждения, мы можем предположить, что они помогут достаточно полно раскрыть сущность рассматриваемого деяния.

Как указано выше, определение верного понятия рассматриваемого явления помогает раскрыть его истинную сущность и значение. Установление значения борьбы с принуждением к даче показаний и пытками позволяет вскрыть социальную опасность и актуальность борьбы с этими преступлениями.

На сегодняшний день негативной тенденцией является тот факт, что среди лиц, совершивших преступления, увеличивается количество сотрудников органов внутренних дел. Иначе говоря, кто призван бороться с преступностью, нередко сами совершают уголовные деяния.

Обращая внимание на статистические данные о состоянии преступности в бывшем СССР, мы обнаруживаем достаточно высокий уровень преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. Внимание на увеличение роста преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, акцентирует А. А. Куспенский, указывая на число правонарушений, допущенных сотрудниками уголовного розыска, деяний, связанных с посягательствами на правосудие. Причем, если в СССР их удельный вес составлял 64,2 %, то в союзных республиках был 66,7 % [80, с. 32]. Таким образом, тенденция преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, продолжает оставаться на прежнем, высоком уровне.

Если лицо привлекалось к уголовной ответственности, а затем Верховным судом было оправдано, то во многих случаях имели место, наряду с другими способами незаконного добывания доказательств, принуждение к даче показаний со стороны сотрудника органа внутренних дел, производящего дознание или следствие. Так как от невиновного лица на предвари-

тельном следствии получают показания о якобы его причастности к совершенному преступлению, то единственным способом получения от невиновного показаний, необходимых для предварительного следствия, является оказание на него незаконного давления. Созданная таким образом доказательственная база по уголовному делу не находит своего подтверждения в судебном заседании, поэтому выносятся оправдательные решения судов. Органы правосудия в своей деятельности не принимают «все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела», как того требует ч. 1 ст. 24 УПК РК. На фоне увеличения незаконного осуждения и привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, более чем странным выглядят данные статистики по принуждениям к даче показаний и пыткам, которые находятся на крайне низком уровне. Это позволяет нам сделать вывод о несоответствии статистических данных по фактам применения принуждений к даче показаний и пыток с объективным положением дел.

Вероятнее всего это объясняется тем, что действия, фактически содержащие все признаки принуждения к даче показаний, квалифицируются по другим нормам Особенной части Уголовного кодекса. Так, согласно статистике, случаи превышения власти или должностных полномочий с 265 в 1999 г. увеличились до 375 в 2005 г.

Проблемным является тот момент, что превышение власти, пытки и принуждение к даче показаний являются смежными составами преступлений, и не всегда практическими работниками при квалификации деяний они правильно дифференцируются.

Следовательно, хотя статистика показывает невысокие данные по принуждениям к даче показаний и пыткам, существуют объективные признаки роста показателей по этому преступлению. Следует также учесть высокую степень латентности этих деяний, как правило, они происходят без участия посторонних лиц и скрытно.

Латентная преступность в юридической литературе определяется как «совокупность тех преступных деяний, которые в действительности совершены, но не стали известны органам уголовного преследования» [56, с. 124].

Изложенное свидетельствует о том, что пытки и принуждение к даче показаний в настоящее время имеют широкое распространение среди сотрудников органов внутренних дел, производящих следствие или дознание. Подтверждением этого вывода является и тот факт, что согласно результатам анонимного опроса, проведенного нами среди сотрудников органов внутренних дел, производящих следствие или дознание, 32,8 % из них применяли принуждение к даче показаний либо пытки. Этот показатель

увеличивается до 71 % среди ответов, полученных нами у осужденных граждан (у тех, кто на себе испытал незаконные методы работы правоохранительной системы).

В этой связи следует выработать комплекс мер по борьбе с этими видами преступлений, в том числе и в уголовно-правовой области. Выработка и эффективное применение этого комплекса позволит поставить надежный заслон против незаконных действий лиц, производящих дознание и следствие, реально защитить права граждан и укрепить соблюдение законности.

Республика Казахстан, согласно Конституции, принятой 30 августа 1995 г. на общенародном референдуме, объявила себя государством, строящим демократическое, правовое общество. Приоритет охраняемых интересов был сделан в сторону гражданина и личности, его прав и свобод. Определено развитие национального законодательства в этом направлении. Принимаются меры к доминированию общечеловеческих ценностей в обществе. Внутренняя правовая база приводится в соответствие с международными нормативными актами, касающихся Деклараций, прежде всего в области охраны прав человека.

Злободневность и актуальность защиты прав человека в молодом государстве предопределила принятие Президентом Республики Казахстан Указа «Об уполномоченном по правам человека». Одной из основных задач омбудсмана является «совершенствование механизма обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина».

Пытки и принуждение к даче показаний посягают на принцип правосудия — презумпции невиновности. Суть этого принципа состоит в том, что «каждое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [81, с. 28]. В области международного права формулировка презумпции невиновности дана во «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., в которой указано: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Принцип презумпции невиновности закреплен в ч. 3 ст. 77 Конституции Республики Казахстан. Это говорит о признании Казахстаном целей и ориентиров для своего развития, установленных международным сообществом.

Вне зависимости изложения принципа презумпции невиновности в разных нормативных актах содержание его остается неизменным. Оно состоит

в том, что виновность лица должна быть установлена в законном порядке. Иначе нельзя вести речь о создании правового, демократического государства.

При совершении пыток и принуждений к даче показаний показания получают незаконным способом, следовательно, в этом случае, мы не можем вести речь о соблюдении принципа презумпции невиновности. Кроме этого принципа нарушается также принцип, закрепленный в основном законе страны, который гласит, что «не имеют юридической силы доказательства, полученные незаконным способом. Никто не может быть осужден лишь на основе его собственного признания» (п. 9 ч. 3 ст. 77 Конституции Республики Казахстан). Так, 21 декабря 2002 г. ст. 116 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан была дополнена: «к числу фактических данных, не допустимых в качестве доказательств, отнесены данные, полученные с применением пытки».

Сотрудник органа внутренних дел, совершающий принуждение к даче показаний либо пытки, кроме упомянутых принципов, посягает и на другие принципы правосудия, установленные в ч. 3 ст. 77 Конституции Республики Казахстан. Так, в п. 8 указано, что «любые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Данные принципы правосудия призваны обеспечить вынесение судом законного справедливого решения. Повышенная опасность принуждения к даче показаний и пыток заключается еще и в том, что эти деяния посягают на конституционные принципы правосудия, ущемляют права и свободы человека и тормозят строительство правового государства.

Следует согласиться с мнением Е. И. Каиржанова, который утверждает, что «незаконно не только привлечение того или иного лица к уголовной ответственности за действие или бездействие, которые прямо не предусмотрены в уголовном законе, но и привлечение к уголовной ответственности и наказанию через суд лица, хотя бы фактически совершившего определенное преступление, не за те его общественно опасные действия или бездействия» [77, с. 95]. Следует также отметить, что незаконность привлечения лица к уголовной ответственности, кроме упомянутых обстоятельств, будет и в том случае, когда привлекаемое лицо хотя и совершило определенное деяние, но виновность его будет доказываться незаконным способом. Уровень общественного сознания и правовой науки должен находиться, по нашему мнению, на таком уровне, при котором обществу небезразлично знать не только кто и за что осуждается, но и как лицо осуждают. Если способы привлечения лица к уголовной ответственности идут в разрез с правовыми установлениями, существующими в обществе, то общество вправе отвергать такие способы, даже если это выгодно только преступни-

ку. Государство как социальный институт не имеет морального права, осуществляя правовой режим, само применять незаконные меры. Тем более, если это непосредственно касается прав и свобод граждан.

Вместе с тем не всегда данные правовые установки реально воплощаются в окружающей нас действительности. Не секрет, что при производстве предварительного следствия или дознания существует преобладание обвинительного уклона при допросе. Как показывают проведенные исследования нередко эти показания ложатся в основу всего обвинения. По приведенным Ю. И. Кулешовым данным: «в 94,2 % случаях принуждения лиц к даче показаний виновные требовали от допрашиваемых признания в совершении преступления» [31, с. 65]. На наш взгляд, для успешного интегрирования Казахстана в мировое сообщество необходимо ставить перед собой высокие цели и принимать все меры для их достижения.

Опасность, заключающаяся в совершении пыток и принуждений к даче показаний, состоит в нарушении прав и свобод личности, а также в причинении вреда интересам государства в лице органов правосудия. Органы правосудия призваны устанавливать объективную истину по делу и выносить по нему законное справедливое решение. Если не будут соблюдены все меры по определению признаков преступного деяния, то вряд ли стоит надеяться на вынесение по нему обоснованного приговора.

Пытки и принуждения к даче показаний имели в отечественной истории массовый характер в годы политических репрессий. Тысячи людей осуждали лишь только на основе их собственных показаний, и задачей следствия было добыть эти показания любой ценой. В это время состав принуждения к даче показаний на практике показал всю свою опасность и пагубность. Еще больший вред представляла собой попытка научно обосновать и законодательно закрепить неверные методы осуществления правосудия. Так, бывшим Генеральным прокурором СССР А. Я. Вышинским был выдвинут тезис о том, что при совершении государственных преступлений «объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств» [82, с. 264]. Данный подход не выдержал испытание временем, показал всю свою несостоятельность и был подвергнут справедливой критике в юридической литературе [78, с. 352; 79, с. 131; 83, с. 35].

Понятие законности было проблематичным на этапах становления советского государства, когда суды в своей деятельности руководствовались лишь «революционной совестью и революционным правосознанием» [33, с. 16], когда создавались карательные органы государства, например, ВЧК, которому предоставлялось «право непосредственной расправы» [33, с. 43],

и ревтрибуналы, имеющие «ничем не ограниченное право в определении меры репрессии» [33, с. 258].

Массовые нарушения прав и свобод граждан было обыденным для того времени. Однако объективности ради необходимо отметить, что затем правовой вакуум стал заполняться законодательными актами, создавая предпосылки для соблюдения законности и прав человека.

Определяя общественную опасность и необходимость борьбы с пытками и принуждениями к даче показаний, законодатели различных стран, как ближнего, так и дальнего зарубежья, предусмотрели в своих национальных Уголовных кодексах норму об ответственности за принуждение к даче показаний. Так, в новом Уголовном кодексе Республики Узбекистан, принятом 22 сентября 1994 г. и вступившим в силу с 1 апреля 1995 г., имеется ст. 235 «Принуждение к даче показаний» [84]. В Уголовном кодексе Российской Федерации, принятом Госдумой Российской Федерации 24 мая 1996 г. и вступившим в силу с 1 января 1997 г., также имеется ст. 302 «Принуждение к даче показаний» [85, с. 152]. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ содержит статью за «Принуждение к даче показаний лицом, производящим предварительное следствие или осуществляющим правосудие». Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Продолжает сохраняться высоким уровень преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, которые носят преимущественно латентный характер. Применение пыток и принуждения к даче показаний имеет значительное распространение среди сотрудников органов внутренних дел, производящих следствие или дознание.

2. Совершение пыток и принуждения к даче показаний нарушает как международные акты (Всеобщая декларация прав человека, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка), так и национальные (Конституция Республики Казахстан, Уголовно-процессуальный кодекс РК, Уголовный кодекс РК) законы.

2. 2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ И ПЫТОК

2.1 Объект преступлений, предусмотренных статьями 347, 347-1 УК РК

Придерживаясь традиционного понимания об общем и родовом объектах, мы намеренно не затрагиваем данного вопроса в своем исследовании. Анализу объекта преступлений против правосудия в юридической литературе посвящено значительное количество работ. На монографическом уровне исследования этой темы занимались И. С. Власов, М. А. Гаранина, А. С. Горелик, В. К. Глистин, А. Г. Гужин, П. С. Елизаров, В. Д. Иванов, Т. В. Кондрашова, Ю. И. Кулешов, Я. М. Кульберг, Л. В. Лобанов, В. П. Малков, Ш. С. Рашковская, М. С. Строкович, И. С. Тихоненко, И. М. Тяжкова, И. Р. Фасхутдинова, Т. Ю. Хлопцева, И. М. Черных, А. И. Чучаев и другие.

Проблема принуждения к даче показаний так или иначе затрагивалась в работах Л. Д. Гаухмана, Ю. В. Здравомыслова, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева, А. А. Купленского, Б. М. Курманбаева, Ю. В. Лабезника, А. М. Ларина, П. Г. Марфинца, И. Л. Петрухина, С. М. Рахметова, А. Д. Трушева и многих других.

Анализ работ указанных авторов показывает, что наибольшие споры вызваны трактовкой термина «правосудие», как родового объекта для всех преступлений, содержащихся в главе 15 УК РК. Полемика по этому поводу, утихшая было к концу 1980-х годов, вспыхнула с новой силой после принятия 30 августа 1995 г. Конституции и в июле 1997 г. Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Противоречия в понимании правосудия как деятельности, осуществляемой согласно п. 1 ст. 75 Конституции Республики Казахстан, только судом, и реально существующее положение в УПК, допускающее возможность освобождения виновного следователем от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям обсуждаются как в уголовном праве, так и учеными-процессуалистами.

Данное противоречие видимо неразлично в ближайшем будущем. Если сейчас лишить следователя права освобождать от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям и предоставить это полномочие суду, то судебная система, и без того слишком перегруженная, просто «задохнется».

Мы считаем, что следует придерживаться точки зрения ученых, рассматривающих правосудие в широком и узком смыслах.

В узком смысле это вид государственной деятельности, присущей только суду как независимой ветви государственной власти, заключающийся в рассмотрении и разрешении соответствующих категорий дел.

В широком смысле — это общественные отношения, возникающие между любыми физическими, юридическими лицами и государством при рассмотрении и разрешении гражданских (в том числе и по разрешению экономических споров), административных и уголовных дел, а также при осуществлении государственными органами, юридическими и физическими лицами деятельности, содействующей суду в осуществлении правосудия, исполнения приговоров, решений, иных судебных актов, выполнении процессуальных поручений суда и органов предварительного расследования по решению тех или иных задач, связанных с осуществлением правосудия (эксперты, защитники, переводчики, понятые и т. д.) [40, с. 57]. Именно в широком смысле понимается правосудие как объект уголовной охраны.

Касаясь рассмотрения непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. ст. 347, 347-1 УК РК, считаем, что необходимо рассмотреть позиции ученых, вызывающие у нас принципиальное возражение.

Так, некоторые авторы предпринимают попытку определить единый непосредственный объект группы преступления, куда включены и нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки.

Например, И. Ю. Бунева считает, что основным объектом преступлений, совершаемых работниками правоохранительных органов, предусмотренных в главе «Преступления против правосудия» УК, является «неприкосновенность личности, понимаемая как защита от произвола правоприменителей, осуществляющих правосудие» [86, с. 87-89].

Мы солидарны с мнением Н. А. Попова, который считает, что «такая позиция ошибочна, так как, во-первых, за рамками рассмотренных автором преступлений главы “Преступления против правосудия” остается ст. 300 УК РФ (ст. 345 УК РК “Заведомо незаконное освобождение от уголовной ответственности”), в которой непосредственным объектом является установленный законом порядок освобождения от уголовной ответственности, а неприкосновенность личности никоим образом не затрагивается. Во-вторых, неверно искать непосредственный объект у целой группы преступлений, так как он перестает быть непосредственным.

Кроме того, автор не учла того, что вопрос о том, какой именно непосредственный объект является основным, а какой дополнительным, реша-

ется в зависимости не от важности правоохраняемого блага, а от его связи с родовым объектом» [40, с. 58].

Таким образом, вопрос о непосредственном объекте преступления можно рассматривать только применительно к одной статье Уголовного кодекса. Однако, несмотря на то, что при совершении нескольких посягательств, предусмотренных ст. ст. 347, 347-1 УК РК, их непосредственные объекты будут обладать строго индивидуальными чертами, можно утверждать, что внутренняя структура этих объектов одинакова.

Говоря о структуре непосредственного объекта, Б. С. Никифоров указывал, что элементами, входящими в его состав, являются: участники общественных отношений, отношения между ними и условия существования (реализации) отношений [87, с. 7].

Критикуя эту точку зрения, В. К. Глистин указывает, что методологически более правильным является «анализ непосредственного объекта через выявление субъектов, содержания и предмета отношения» [88, с. 14]. Аналогично рассматривает структуру Н. И. Коржанский [89, с. 33-48]. В работах, посвященных объекту преступления, существуют другие точки зрения на его структуру [77, с. 24-28; 31, с. 16; 90, с. 13], однако мы придерживаемся позиции, высказанной В. К. Глистиным

Анализируя непосредственный объект преступления, «во всех случаях необходимо выявлять и уяснять характеристику всех структурных элементов охраняемого общественного отношения» [91, с. 64]. Однако вначале следует сказать о сущности самих общественных отношений. Именно характер отношений обуславливает их структуру (участников, предмет (объект) и содержание).

Но, прежде чем представить структурный анализ отношений необходимо обратить внимание на одно очень важное положение, исходя из которого сделаем выводы, касающиеся объекта (потерпевшего и предмета) и субъекта преступных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний. В этой связи следует еще раз обратиться к истории нормы о принуждении к даче показаний.

Как показало исследование истории, норма создавалась для охраны участников процесса от субъектов расследования. При этом ею охватывался весь круг правоотношений вплоть до судебных стадий. До революции 1917 г. в России не существовало стадии возбуждения уголовного дела. Данной стадии нет и в большинстве современных стран мира (за исключением некоторых стран бывшего социалистического лагеря и СНГ), поэтому УК многих европейских стран относят все отношения, возникающие в ходе расследования дела, к отдельному объекту уголовно-правовой охраны — правосудию. В советском же уголовном процессе с появлением стадии воз-

буждения уголовного дела законодатель исключил из-под охраны данной главы правоотношения, возникающие до возбуждения уголовного дела как будто бы имеющие отношение к процессу осуществления правосудия, не способствующие его производству [40, с. 59].

Однако мы полагаем, что в качестве аргументов включения этих отношений в круг охраняемых ст. ст. 347, 347-1 УК РК можно привести следующие.

Законодатель сам допускает существование до возбуждения уголовного дела отношений, оказывающих непосредственное влияние на его рассмотрение в суде (несмотря на то, что возникать они могут лишь по определенной категории дел). Это дела, подготавливаемые в протокольной форме (ст. 122 УПК РК). Информация, получаемая от их участников и закрепленная в объяснениях, заявлениях, ложится в основу выводов суда аналогично информации, полученной в ходе предварительного следствия.

Информация, которая была получена до возбуждения уголовного дела, в ходе оперативно-розыскной деятельности, если она оформлена надлежащим образом, может быть принята судом как доказательства в качестве «иных документов», указанных в ч. 2 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РК.

Информация, полученная до возбуждения уголовного дела либо не облеченная в форму показаний (явка с повинной, заявления, справки, расписки), может оказать серьезное влияние на результаты расследования дела или рассмотрения сообщения о преступлении — на ее основе отказывается в возбуждении уголовного дела, возбужденное дело, как правило, прекращается. В результате этого лицу может быть отказано в праве на судебную защиту его законных интересов, а лицо, виновное в совершении преступления, уйдет от ответственности.

Утверждение о том, что полученные объяснения допустимы только для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и отличаются от показаний по содержанию и форме [31, с. 74; 92, с. 41-45] не совсем верно.

Как мы уже отмечали, явка с повинной, объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, могут быть использованы в процессе доказывания в качестве иных документов (ч. 2 ст. 115 УПК РК), а при досудебной подготовке материалов в протокольной форме все показания участников получают в форме объяснений. Если же мы станем отрицать подобное положение, то действия дознавателя, осуществляющего расследование в протокольной форме, должны расцениваться как непроцессуальные, не способствующие осуществлению правосудия.

Кроме того, в криминалистической тактике подчеркивается высокая информационная (поисковая) ценность сведений, полученных в форме объ-

яснений. Именно на основе подобной первоначальной информации строится процесс построения следственных версий и расследования уголовного дела в целом.

Возвращаясь к характеру общественных отношений, охраняемых ст. ст. 347, 347-1 УК РК, нужно отметить, что их главной особенностью является то, что они урегулированы правом и представляют собой уголовно-процессуальные правоотношения. Именно важность деятельности по получению показаний, которые ложатся в основу решения по уголовному делу, соответствующей требованиям Уголовно-процессуального кодекса РК, обусловила включение в уголовное законодательство такой нормы как попытки.

Семантический анализ понятий «свидетель», «потерпевший», «подозреваемый», «обвиняемый» и «эксперт» следует проводить на основе норм УПК РК.

Свидетелем, согласно ч. 1 ст. 82 УПК РК, является любое лицо, которому могут быть известны обстоятельства, имеющие значение для дела. То, что лицу что-либо известно (фактическое условие), еще не делает его свидетелем, он должен быть вызван на допрос, опознание или очную ставку (процессуальное условие). Лишь при наличии фактического и процессуального условий физическое лицо может считаться свидетелем [93, с. 7, 94, с. 115].

Следующий участник уголовно-процессуальных отношений — это потерпевший: по общему правилу, им признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический и имущественный вред (ч. 1 ст. 75 УПК РК). О признании гражданина потерпевшим лицо, производящее дознание, и следователь выносят постановление, а суд — определение, как только ими будет установлено причинение гражданину вреда.

По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права последнего имеют его близкие родственники (родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, бабушка, бабушка, внуки, а также супруг).

Вместе с тем и в уголовном производстве пострадавший от преступления выступает не только как потерпевший, но и как заявитель [95, с. 94]. Потерпевший-заявитель появляется в уголовном процессе в момент подачи заявления о преступлении прокурору, следователю, органу дознания и судье, которое является поводом к возбуждению уголовного дела. Далее потерпевший вправе рассчитывать на своевременное, не позднее трех суток, принятие по заявлению решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом и на уведомление о принятом решении (ст. 113 УПК РК).

Мы считаем, что уголовно-правовым понятием «потерпевший» в данном случае охватывается не только потерпевший по уголовному делу, так как информация, получаемая от потерпевшего заявителя, хотя и не является показаниями в процессуальном смысле, может влиять на вынесение решения по делу. Это позволит более полно реализовать интересы пострадавшего на стадии возбуждения уголовного дела.

Подозреваемые — самая многочисленная категория из числа потерпевших при принуждении к даче показаний и пытках.

Согласно ст. 68 УПК РК, подозреваемый — это: 1) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления; 2) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. В первом случае лицо считается подозреваемым после составления протокола о задержании, во втором — с момента фактического задержания. Следует подчеркнуть, что предусмотренными в Уголовно-процессуальном кодексе ситуациями необходимость появления подозреваемого на предварительном расследовании не исчерпывается.

Проведенный нами анализ материалов об отказе в возбуждении уголовных дел в прокуратуре Карагандинской области показал, что в каждом пятом случае виновные принуждали к даче показаний лицо, фиксируя показания в протоколе допроса подозреваемого, но в случаях когда получить необходимые сведения или признания не удавалось, то мера пресечения в отношении него не избиралась, и человека отпускали из отдела полиции.

Так, 7 июня 2003 г. в Молодежный филиал Осакаровской районной больницы обратились гр. Е. (с телесными повреждениями в виде закрытой черепно-мозговой травмы, сотрясением головного мозга, ушибом грудной клетки и поясничной области, тупой травмой живота) и гр. Р. (с жалобами на головные боли и снижение слуха). Согласно показаниям этих лиц, вред здоровью им был причинен сотрудниками Осакаровского РОВД в ночь с 5 на 6 июня 2003 г. в ходе опроса по факту обнаружения железных ограждений возле стана крестьянского хозяйства «Азнабай». Также было установлено, что в Осакаровский РОВД под угрозой применения огнестрельного оружия вместе с указанными лицами были доставлены другие работники хозяйства (всего 11 человек). После такого опроса сотрудниками полиции многие из них были попросту отпущены домой [95].

Таких лиц нельзя назвать в уголовно-процессуальном смысле подозреваемыми, но для защиты участника правоотношений решающим является не наличие процессуального условия, в связи с чем он приобретает тот или иной статус, а, во-первых, то, что целью виновного является получение угодных ему сведений или признаний. Во-вторых, то, что в результате та-

ких действий нарушены нормальные условия получения доказательственной информации и нанесен вред личности.

Наиболее приемлемая позиция была высказана профессором А. А. Чувиловым: «поскольку следственное действие всегда фиксируется в определенном процессуальном документе, этот документ будет одновременно представлять процессуальный акт, которым лицо ставится в положение подозреваемого. Такими актами могут быть: протокол задержания; постановление о применении меры пресечения до предъявления обвинения; протокол допроса в качестве подозреваемого; протокол об ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы, касающейся деятельности подозреваемого; постановление о производстве обыска; постановление о наложении ареста на имущество; постановление о производстве освидетельствования; протокол предъявления для опознания» [96, с. 15].

Так, 4 мая 2004 г. в УВД Восточно-Казахстанской области поступило заявление гр. Б. о противоправных действиях сотрудников Железинского РОВД с целью получения показаний. Выяснилось, что 22 апреля 2004 г. в 17⁰⁰ часов гр. Б. был устно опрошен участковым инспектором полиции В. о его причастности к хищению лошади у жителя с. Прииртышск гр. Л. с целью получения признательных показаний. В результате чего гр. Б. был подвергнут избиению (получено 5-6 ударов кулаками ему в лобную и теменную область головы). Около 23⁰⁰ часов гр. Б. был доставлен сотрудниками этого же РОВД М., Н. и В. в служебный кабинет последнего, где его подверг избиению М., уже для получения признательных показаний о причастности к краже 50 голов лошадей у жителей с. Екишок, при отсутствии регистрации данного факта. Около 01⁰⁰ часа ночи гр. Б. был доставлен к месту жительства, откуда В. и Н. без составления протокола выемки неправомерно изъяли из сарая две головы лошади. Затем он был доставлен сотрудниками М. и К. в Железинский РОВД, где удерживался до утра в спортзале. На следующий день после обнаружения 50 голов лошадей, утерьянных жителями с. Екишок гр. Б. был отпущен домой [97].

Следующим участником правоотношений является обвиняемый — лицо, в отношении которого в установленном законом порядке вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Согласно данным исследования, количество случаев, где потерпевшими являлись обвиняемые, обнаружено значительно меньше случаев принуждения и пыток подозреваемых.

Это объясняется тем, что субъектом преступления, как правило, являются сотрудники криминальной полиции, с точки зрения которых преступление раскрыто, когда установлены лицо и основания для его привлечения к участию в уголовном деле. Положение усугубляет и негласно действующий

щее требование о раскрытии преступления в дежурные сутки. Выход из этой ситуации для оперуполномоченного видится в получении явки с повинной, пусть даже не подкрепленной никакими доказательствами.

Для следователя же преступление считается раскрытым, когда он сочтет собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения, а признание обвиняемого — подкрепленным материалами дела. Кроме того, с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого в уголовный процесс обычно вступает защитник (за исключением предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом случая вступления в процесс защитника подозреваемого), чье участие также предотвращает незаконное давление при производстве следственных действий [40, с. 68].

В юридической литературе обсуждался вопрос о возможности принуждения к даче показаний подсудимого. Так, например, В. И. Динека и А. Ю. Епихин отвечают на него положительно, считая, что данное преступление может иметь место и в судебном заседании [93, с. 18; 98, с. 42]. Однако, респонденты, которым задавался вопрос: «На каком этапе может иметь место принуждение к даче показаний или пытки?», не дали ни одного ответа, который бы свидетельствовал о том, что они сталкивались с подобным принуждением. Среди возбужденных по фактам принуждения к даче показаний уголовных дел, изученных нами, а также в периодической печати не встречалось подобных случаев (Приложения А, Б).

Мы присоединяемся к точке зрения Ш. С. Рашковской, которая считает, что «сам характер судебного разбирательства, его гласность, присутствие участников процесса, как правило, исключает возможность совершения подобных действий» [99, с. 44]. Следовательно, в нормах об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки имеется в виду обвиняемый на стадии предварительного расследования.

Следующий участник судопроизводства, рассматриваемый в качестве потерпевшего, — эксперт. По общему мнению, это лицо, обладающее специальными познаниями в определенной отрасли знаний, привлеченное к выяснению обстоятельств уголовного дела следователем, органом дознания или судом и обязанное предоставить заключение [100, с. 179].

Интервьюирование 50 сотрудников экспертно-криминалистических подразделений в Северо-Казахстанской и Карагандинской областях не выявило ни одного случая принуждения последних к даче заключений, что, на наш взгляд, объясняется следующим.

Большинство экспертиз по уголовным делам проводится именно научно-техническими подразделениями, входящими в состав юстиции и здравоохранения, и это в значительной мере объясняет отсутствие в судебной

практике фактов принуждения к даче заключения: ни у следователя, ни у лица, производящего дознание, нет необходимости «выбивать» экспертное заключение.

По мнению проинтервьюированных, сотрудники органов внутренних дел не принуждают к даче необходимого заключения потому, что последние не являются для них представителями преступного мира, не пытаются скрыть какие-либо факты, а лишь констатируют их отсутствие либо наличие.

Названные же в ответах случаи телефонных звонков и указаний от руководителей МВД различного ранга и администрации (5 % респондентов) не следует принимать во внимание, так как указанные лица не относятся к субъектам рассматриваемого нами преступления. Их действия образуют состав, предусмотренный ст. 339 УК РК («Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования»).

Категория экспертов, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов, также достаточно обширна (как правило, лица, производящие судебно-медицинские, психиатрические, искусствоведческие, бухгалтерские и некоторые другие экспертизы). Они не состоят в ведомственной подчиненности (в ряде случаев это даже не работники государственных организаций). Психическое или физическое давление на них со стороны лиц, ведущих расследование, может привести к тому, что они откажутся от сотрудничества в дальнейшем, а найти другое компетентное лицо в данной области знаний нелегко либо вообще невозможно [40, с. 70].

Гораздо чаще давление на экспертов оказывается со стороны лиц, не являющихся субъектами преступлений, предусмотренных ст. ст. 347, 347-1 УК РК: родственников обвиняемых, подозреваемых или их друзей.

Итак, рассмотренные нами лица являются участниками уголовно-процессуальных правоотношений, однако аналогичные понятия обозначают и некоторых участников административно- и гражданско-процессуальных правоотношений. Гражданско-процессуальному кодексу известны свидетель и эксперт, а Кодексу об административных правонарушениях, помимо указанных лиц, известно и понятие «потерпевший» и даже более того — сведения, сообщаемые этими лицами, также именуется показаниями. Означает ли это, что нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки охраняют указанных лиц?

Нельзя не согласиться по этому поводу с мнением Н. А. Попова, который считает, что не означает, отмечая, что «поскольку законодатель, указав потерпевших, далее называет субъектов преступления, которыми могут быть лишь участники уголовно-процессуальных правоотношений. Кроме того, для вышеперечисленных форм судопроизводства нехарактерно про-

изводство предварительного расследования, а, следовательно, и наличие субъекта расследования. Исходя из этого, единственным назначением нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки является охрана уголовно-процессуальных правоотношений» [40, с. 71].

Следующим элементом правоотношения, являющегося объектом уголовно-правовой охраны, является предмет (объект), по поводу которого оно складывается. По мнению Ю. И. Кулешова, предметом данного правоотношения «являются права и законные интересы любого гражданина» [31, с. 18]. Однако, по нашему мнению, возникающее в данном случае отношение зарождается в связи с получением субъектом расследования конкретных фактических данных, т. е. сведений или признаний, и по поводу их получения.

Понятия «сведения» и «признания» можно отнести к понятию «показания», которому, к сожалению, в работах ученых, исследовавших проблему принуждения к даче показаний, не уделяется должного внимания, поэтому необходимо рассмотреть этот вопрос подробнее.

В ст. ст. 347, 347-1 Уголовного кодекса РК не содержится характеристики термина «показания», но в учебной и монографической литературе в настоящее время общепризнанно, что это сведения, полученные в надлежащей форме от любого участника уголовного процесса.

Точка зрения о том, что ст. ст. 347, 347-1 УК РК предполагают показания, полученные лишь при допросе потерпевших [101, с. 15; 102, с. 68] должна быть опровергнута, так как показания могут быть получены при производстве иных следственных действий (очной ставки, опознания и др.) [31, с. 44-46].

В поддержку нашего мнения можно привести положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. В нем указывается, что показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля — это сведения, сообщенные в устной или письменной форме. При этом информация подобного рода может быть получена не только в ходе допроса, но и очной ставки, опознания, проверки показаний на месте и следственного эксперимента.

Основываясь на решениях Верховного суда Республики Казахстан по конкретным делам, можно заключить, что показаниями могут быть данные, оформленные до возбуждения уголовного дела в виде протоколов явки с повинной, объяснений, расписок.

Аналогичного мнения придерживается 83 % сотрудников органов внутренних дел, 72 % адвокатов.

Здесь же мы рассмотрим еще один дискуссионный вопрос: следует ли считать показаниями данные, оформленные протоколом допроса, но полученные до возбуждения уголовного дела?

В данном случае налицо прямое нарушение требований уголовно-процессуального законодательства: полученные сведения не обладают доказательственной силой, и именовать их показаниями неверно, поскольку гражданин, от которого они были получены, не занимал соответствующего положения.

Вместе с тем полагаем, что квалификация действий виновного не должна изменяться, так как, принуждая, лицо рассчитывает возбудить уголовное дело, если получит нужные показания (иначе не стоило бы заполнять протокол допроса). Кроме того, составление протокола позволяет предупредить об уголовной ответственности по ст. 353 УК РК, то есть дает дополнительное психологическое преимущество над допрашиваемым. Однако если в этой ситуации принуждающему будет недостаточно уличающих данных, происходит так называемый «селективный» учет — преступление не регистрируется, никаких мероприятий по его раскрытию не осуществляется. Составленный протокол допроса уничтожают, т. к. это может отразиться на показателе раскрываемости. Сотрудники стремятся возбуждать дела о легко раскрываемых и тяжких преступлениях, уклоняясь от возбуждения дел в случаях, когда личность преступника неизвестна, а перспектива раскрытия не ясна [103, с. 127].

При этом нарушается установленная процессуальная форма и законные интересы граждан. С этим соглашается Ю. И. Кулешов, отмечая, что «для квалификации действий должностного лица ... не имеет значения, были ли им соблюдены положения процессуального законодательства о возбуждении уголовного дела» [31, с. 48].

Аналогичным образом действовал суд при назначении наказания участковому инспектору С., который без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела допросил ряд подростков и их родителей, применив к одному из несовершеннолетних насилие с целью получения признания в краже. Павлодарским городским судом действия виновного были квалифицированы как принуждение к даче показаний [104].

Подводя итог, следует указать, что в настоящее время учеными и судебной практикой в понятие «показания» включается значительный круг документов: от протоколов очных ставок, опознания, допроса до объяснений, явок с повинной, заявлений и даже протоколов, составляемых до возбуждения уголовного дела.

Полагаем, назрела необходимость принятия нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан, в котором бы разъяснялось, что следует считать показаниями.

Содержание охраняемых ст. ст. 347, 347-1 УК РК общественных отношений — это третий структурный элемент объекта уголовно-правовой охраны. Естественно, что оно предопределено первыми двумя элементами (участниками и предметом), и, так как данное отношение является по своей сути уголовно-процессуальным, его содержание образует права и обязанности гражданина — с одной стороны, и права и обязанности органов расследования — с другой.

Тема и объем диссертационного исследования не позволяют нам перечислить здесь все многообразие прав и обязанностей участников уголовного процесса. Мы лишь отметим, что основные из них содержатся в международных нормативных актах, Конституции Республики Казахстан, Уголовно-процессуальном кодексе РК, Законе РК «Об органах внутренних дел» и др.

На основе анализа существующих точек зрения ученых-юристов автор приходит к выводу о том, что родовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 347 и ст. 347-1 УК РК являются интересы правосудия. В качестве дополнительного объекта рассматриваемых преступлений следует выделять интересы личности. Вместе с тем, диссертант считает необоснованной точку зрения отдельных ученых-юристов о необходимости перенесения нормы, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний и пытки, в главу «Преступления против личности».

2.2 Объективная сторона противоправных действий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел с целью получения показаний

Объективная сторона преступления — это характеристика внешних признаков преступного деяния.

Преступное деяние представляет собой акт волевого поведения человека, который причиняет или может причинить общественным отношениям существенный вред. В таком акте сознательное и волевое (субъективное) отношение лица к совершаемому преступлению выражается в его конкретных действиях, образующих внешнюю (объективную) сторону деяния. Таким образом, внешние (объективные) и внутренние (субъективные) стороны преступного деяния существуют в тесном единстве и взаимосвязи. Их

разделение условно. Но раздельный анализ этих сторон, принятый в юридической науке, имеет важное практическое и познавательное значение. Признаки объективной стороны преступления составляют основное содержание диспозиций статей Особенной части УК РК. Глубокое уяснение этих указанных в законе признаков является необходимой предпосылкой правильной юридической квалификации конкретных преступлений.

К объективной стороне относятся: преступное деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия этого деяния, причинная связь между деянием и его общественно опасными последствиями, а также место, время, способ, средства и обстановка совершения преступления.

Законодательное описание объективной стороны конкретных составов преступлений различно. В связи с этим одни признаки объективной стороны (действие или бездействие) принято называть обязательными, другие (место, время, способ, средства, обстановка совершения преступления) — факультативными, т. е. имеющими значение для констатации не любого, а только некоторых составов преступлений.

Объективную сторону рассматриваемых преступлений образуют противоправные действия (психическое или физическое давление), совершаемые сотрудниками ОВД с целью получения показаний, т. е. принуждение к даче показаний и пытки.

Прежде всего, диссертант оценивает, какие действия составляют «дачу показаний», так как этому вопросу ранее в уголовно-правовой литературе внимания не уделялось.

Дачей показаний следует считать как устное, так и письменное предоставление допрашиваемым информации в ходе следственного действия.

В ст. 347 УК РК принуждение к даче показаний выражается в применении угроз, шантажа или иных незаконных действий, в ст. 347-1 УК РК — в применении пытки, т. е. умышленном причинении физических и психических страданий.

Именно путем принуждения следователь и лицо, производящее дознание, получают показания, но характеристики самого термина «принуждение» в Уголовном кодексе не содержится, а в юридической литературе нет единого взгляда на содержание данного понятия.

В связи с этим считаем, что здесь необходимо рассмотреть данный термин.

Прежде всего, следует отметить, что принуждение является предметом изучения различных наук.

В работах основоположников диалектического материализма оно отнесено, наряду с убеждением, к числу наиболее емких, глобальных категорий [105, с. 3]. В социологии и науке управления государственное принужде-

ние как метод регулирования общественных отношений подразделяется на экономическое, социальное, политическое, духовно-идеологическое [106, с. 149; 107, с. 8; 108]. Термин «принуждение» известен конституционному праву и используется в Конституции Республики Казахстан (ч. 2 ст. 17) для описания запрещенных действий. В Комментарие к Уголовному кодексу Республики Казахстан к ст. 347 принуждение означает, что допрашиваемого вынуждают к даче показаний, что он дает их не по своей собственной воле. Следовательно, в широком смысле принуждение охватывает все незаконные методы допроса, нарушающие принцип добровольности дачи показаний [37, с. 819].

Теория административного права и уголовного процесса достаточно глубоко исследует принуждение (и убеждение) как черту метода процессуального регулирования [37, с. 15-28; 109, с. 179]. Во всех работах ученых-процессуалистов оно в основном рассматривается как позитивная категория, соответствующая закону деятельности государственных органов.

В Уголовно-процессуальном кодексе РК также содержится запрет помогать показаний обвиняемого и других, участвующих в деле лиц путем насилия, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения (ч. 5 ст. 14 УПК РК), а также перечисляются основания и виды мер пресечения, которые могут применяться к указанным в законе лицам (глава 18 УПК РК).

Представляется, что поскольку отношения, охраняемые ст. ст. 347, 347-1 УК РК, относятся к уголовно-процессуальным, а уголовное судопроизводство оперирует понятием «меры принуждения», можно предпринять попытку выяснить содержание родового термина «принуждение», взяв за основу понятие уголовно-процессуального принуждения и положения теории уголовного процесса.

Процессуальное принуждение — это черта метода уголовно-процессуального регулирования, а значит, его использование — прерогатива государства.

Меры принуждения применяются к участникам процесса в конкретных случаях и с конкретной целью — обеспечить достижение задач судопроизводства. Их применение ведет к ограничению свободы выбора определенного варианта поведения, отдельных прав и свобод принуждаемого (тайны переписки, телефонных переговоров, неприкосновенности жилища и т. д.), осуществляется против его желания.

Примечательно, что категории участников уголовного процесса (свидетель, подозреваемый и пр.) и случаи применения мер принуждения, круг и содержание правоограничений строго регламентированы уголовно-процессуальным законодательством. Так, например, адвокат не может быть

допрошен об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе осуществления деятельности по защите своего клиента.

Таким образом, уголовно-процессуальное (правомерное) принуждение — это применяемая на основе закона должностными лицами, уполномоченными государством к определенному кругу лиц и в определенных случаях, помимо их воли, совокупность правоограничений, имеющая цель добиться правомерного поведения.

Понятие общественно опасного принуждения, следовательно, должно обладать некоторыми признаками, присущими родовому понятию принуждения, но, в отличие от правомерного, со знаком «минус».

Общественно опасное принуждение — это также воздействие. Кроме того, это воздействие, осуществляемое против желания лица, не предоставляющее ему свободы выбора определенного варианта поведения и нарушающее отдельные права и свободы.

Но, поскольку это воздействие преступное, оно не основано на законе, не подкреплено принудительной силой государства и применяется к любым лицам. Такое воздействие так же, как и правомерное, является императивным, но преследует цель добиться удобного (а не какого-либо другого) принуждающего поведения [40, с. 81].

В науке уголовного права содержание термина «принуждение» рассматривалось учеными, исследовавшими насильственные либо корыстно-насильственные преступления [110, с. 8; 111, с. 23; 112, с. 440-442]. В одной из работ при обсуждении незаконного принуждения к даче показаний авторы предлагают понимать под ним действие, не предусмотренное в законе как процессуальное [102, с. 67], но это не решает поставленной нами цели.

Толковый словарь В. Даля разъясняет, что принуждение — это «приневоливание, силованье, заставление», принудительный — «служащий для вынуждения» [72, с. 525]. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова раскрывают это понятие как действие с целью «заставить сделать что-нибудь, принудить к признанию» [113, с. 595]. Словарь синонимов русского языка указывает, что понуждение, принуждение, сила, давление, нажим — все это термины одного синонимического ряда [114, с. 418].

Однако необходимо заметить, что понятие «принуждение» не тождественно понятию «пытки», а значит и не является его синонимом. Объединяющей их особенностью является то, что они описывают воздействие одного лица на другое. В остальном эти действия, а, следовательно, и термины, которыми они обозначены, носят различный характер.

Например, причинение вреда здоровью из хулиганских побуждений (т. е. воздействие на организм) принуждением не является, так как не преследует цели добиться согласия потерпевшего.

По справедливому замечанию А. И. Марцева и А. В. Иващенко особенностью насилия «следует считать причинение вреда тому, чья свобода ограничивается, против чьей свободной воли происходит деяние» [115, с. 4].

Анализ различных форм воздействия показал, что не будет являться насилием:

- воздействие на человека, разрешенное законодателем (принудительные меры медицинского, воспитательного характера);

- воздействие одного лица на другое, которое состоит в умышленном введении его в заблуждение или поддержание уже имеющегося у него заблуждения путем передачи не соответствующей действительности информации или умолчания о различных фактах, вещах, действиях и т. д. с целью склонить это лицо к определенному поведению [116, с. 24-25];

- воздействие путем предоставления выгод имущественного характера с целью добиться совершения определенных действий или воздержаться от них [117, с. 7].

Вместе с тем указанные действия (последние два) могут охватываться понятием «понууждение», а в Уголовном кодексе содержится ряд норм (ст. ст. 113, 123, 153, 226), прямо или косвенно предусматривающих ответственность за такие деяния.

Систематизация мнений, высказанных в учебной и монографической литературе, позволяет нам заключить, что существует, по меньшей мере, шесть различных точек зрения на соотношение и содержание понятий «принуждение» и «понууждение».

Так, А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, С. В. Познышев считают, что принуждение — это только насильственное воздействие [118; 119; 120], которое имеет в виду Уголовный кодекс Республики Казахстан, описывая преступления, предусмотренные ст. ст. 113, 226, 354, 368 и некоторыми другими.

Н. Ф. Кузнецова и Б. А. Куринов понимают термин «принуждение» только как психическое воздействие [121, с. 119].

В. П. Малков, Т. В. Кондрашова и другие понимают его как незаконное воздействие, совершенное не только с использованием психического и физического насилия, но и обмана и подкупа [112, с. 441; 122, с. 6-7; 123, с. 634].

Настолько широкое понимание принуждения предопределяется в последнем случае тем, что законодатель при перечислении способов принуждения использует в тексте ст. 347 УК РК фразу «применение иных незаконных действий», а диспозиции других норм Особенной части, где предусмотрен термин «принуждение», такой фразы не содержат.

Четвертые авторы считают, что обман не охватывается понятием «принуждение» и может охватываться лишь термином «понуждение» (так как оно шире по объему) [116, с. 28-36; 124, с. 139-140], пятые раскрывают термин «принуждение» через «понуждение» [125, с. 274], шестые утверждают, что данные термины являются синонимами [126, с. 444].

Все это не может способствовать единообразному пониманию и применению терминов «принуждение» и «понуждение» в законодательстве и правоприменительной практике. Кроме того, понимание принуждения как не только насилия, но и подкупа и обмана вызывает появление в уголовно-правовой литературе предложений о создании общей нормы о принуждении [111; 127; 128], уже подвергавшихся обоснованной критике [129, с. 4].

Необходимо отметить, что принуждение, рассматриваемое наравне с убеждением в системе средств достижения целей уголовного процесса, осуществляется против желания участника процесса исключительно по поводу деяний, содержащих признаки преступлений.

Поскольку принуждение в уголовном процессе заключается в требованиях определенного поведения, оно предполагает сферу государственной деятельности, допускающую ограничение прав и свобод личности. При этом для принуждаемого очевидна реальная возможность ограничения его прав и свобод представителем власти.

Принуждение применяется не к каждому участнику процесса, а только к тем из них, кто не желает добровольно выполнять требования правоприменителя. В ходе принуждения лицо лишается свободы выбора, поскольку лишь при условии выполнения предъявленных требований не подвергается принудительному воздействию. Следовательно, ограничение или исключение свободы волеизъявления лица служит обязательным признаком принуждения, поскольку оно применяется вопреки желанию последнего.

Таким образом, родовое понятие принуждения следует определять как совокупность средств, используемых представителем власти для воздействия на волю участников процесса путем лишения или ограничения прав и свобод в случае невыполнения ими предъявленных требований. Принуждение может быть правомерным и неправомерным.

Производное от родового понятия правомерное принуждение имеет ряд элементов, учитывающих признаки, характерные для принуждения в целом, но отражающие при этом его специфику.

Так, один из признаков правомерного принуждения заключается в правовых требованиях поведения, соответствующего государственной воле, выраженной в уголовно-процессуальных нормах [130, с. 65].

Обычно меры правомерного процессуального принуждения подразделяют на обеспечивающие надлежащее поведение субъектов процесса и обеспечивающие сам процесс доказывания [131, с. 56]. Но чаще правомерное принуждение рассматривается в качестве элемента в механизме уголовно-процессуального регулирования, предполагающего деятельность государственных органов, направленную на принудительное исполнение участниками процесса обязанностей, не выполненных добровольно [132, с. 75]. Другими словами, правомерное принуждение, применяемое к участникам процесса в ходе расследования преступления, это — «превентивная мера, применяемая без вины в целях недопущения ожидаемых противоправных или просто нежелательных действий участника процесса» [109, с. 51]. Следовательно, отличительным признаком правомерного принуждения является адресность, обусловленная возможностью его применения исключительно к субъектам конкретной процессуальной обязанности, не желающим добровольно ее выполнять [133, с. 81].

Кроме того, одним из основных признаков правомерного принуждения как специфической формы воздействия на человека, по мнению И. И. Карпеца, является законодательно установленное ограничение или лишение принуждаемого отдельных прав и свобод [134, с. 32], в частности, личной свободы, телесной неприкосновенности, неприкосновенности жилища, тайны переписки [135]. При этом подобное ущемление прав и свобод допускается в отношении лица, еще не признанного судом виновным в совершении преступления [136, с. 59].

Следующий признак правомерного принуждения обусловлен фактором, определяющим его эффективность. Он выражается в допустимом воздействии на принуждаемого, добровольно не выполняющего возложенные на него обязанности, независимо от желания последнего.

Правомерное принуждение подразумевает такой баланс внешней и внутренней детерминации в поведении человека, при котором у последнего сохраняется возможность совершения наиболее предпочтительных, соответствующих закону действий.

Другой признак правомерного принуждения обусловлен спецификой его применения в рамках уголовного судопроизводства и заключается в обеспечении принудительной силой государства.

Следует также отметить, что правомерное принуждение, применяемое представителем власти в отношении лиц, вовлеченных в уголовный процесс, предполагает исключительное использование правомерных методов, содержание которых устанавливается в рамках уголовно-процессуального закона, где подробно исследуется их природа и формулируются соответствующие запреты и ограничения, сужающие сферу возможной реализации. Характерной чертой процессуальной формы подобных средств воздействия служит их детальная регламентация, определяющая допустимые варианты поведения правоприменителей [137, с. 32-33]. Поэтому важным признаком правомерного принуждения является его допустимость, предполагающая не только исключительное использование средств принуждения, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, но также обязательное их применение в соответствии с нормативно установленными основаниями реализации.

Таким образом, правомерное принуждение, осуществляемое в уголовном процессе, — это совокупность предоставленных правоприменителю законом допустимых средств, обеспеченных принудительной силой государства и воздействующих на волю путем ограничения или лишения отдельных прав и свобод тех субъектов конкретной процессуальной обязанности, которые не желают добровольно ее выполнять.

Поскольку неправомерное принуждение также производно от рассмотренного выше родового понятия, оно содержит ряд признаков, характерных для последнего.

Действительно, неправомерное принуждение применяется к определенным субъектам конкретной процессуальной обязанности в рамках уголовного процесса.

Оно предполагает ограничение или лишение принуждаемого отдельных прав и свобод. При этом принуждаемый фактически лишается свободы выбора, так как, стремясь избежать возникновения различных негативных последствий, он осознает, что не подвергнется принудительному воздействию только в случае выполнения требований представителя власти.

Однако, в отличие от правомерного неправомерное принуждение не обладает рядом признаков, определяющих законный характер совершаемых действий.

Прежде всего, неправомерное принуждение не обеспечено принудительной силой государства, поскольку правоприменителю не могут быть делегированы полномочия по осуществлению деятельности, противоречащей закону. В связи с этим неправомерное принуждение не обладает признаком допустимости конкретных его способов, предполагающим не только исключительное использование методов, установленных в уголовно-

процессуальном законе, но и определенный порядок их реализации, а также обязательное наличие конкретных оснований, позволяющих применять указанные методы.

Таким образом, неправомерное принуждение — это совокупность используемых представителем власти недопустимых средств воздействия на участников процесса, ограничивающих свободу их поведения и вынуждающих совершать требуемые действия вопреки их желанию под угрозой причинения вреда законным правам и интересам.

В определенной мере содержание таких средств может быть установлено путем анализа зафиксированного в тексте УПК РК запрета на использование представителем власти конкретных методов воздействия. В данном случае достаточно наглядна взаимосвязь и взаимозависимость уголовного и уголовно-процессуального законодательства, являющихся составными частями единого законодательного комплекса, имеющего единые задачи и социальные функции. Так в ч. 5 ст. 14 УПК РК содержится требование, запрещающее подвергать участвующих в уголовном процессе лиц насилию, жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Из сказанного можно сделать вывод, что наиболее очевидным вариантом неправомерного принуждения выступает совершение правоприменителем действий, прямо запрещенных в УПК РК.

Однако в указанном случае нерешенной остается проблема установления признаков неправомерного принуждения применительно к иным незаконным действиям, в частности, отнесение к ним обмана, подкупа и других вариантов противоправного поведения представителей власти.

Необходимо отметить, что нормы уголовного процесса позволяют установить не только императивный характер деяний, рассматриваемых в качестве конкретных форм противоправных действий, совершаемых должностными лицами с целью получения показаний, и круг лиц, в отношении которых допустимо указанное принуждение, но и другие условия, обязательные для определения признаков объективной стороны исследуемой нормы. В соответствии с прямым указанием ст. ст. 347, 347-1 УК РК таким условием является осуществление виновным противоправных действий в целях получения от принуждаемого сведений либо признаний.

Сравнительный анализ исследуемых норм и ст. 354 УК РК, устанавливающей наказуемость подобных действий для общего субъекта, позволяет сделать вывод, что законодательные конструкции указанных норм не унифицированы. В первую очередь это касается характеристики деяний, к совершению которых принуждается участник процесса, так как у свидетеля, потерпевшего могут потребовать не только дать показания, но и уклониться от их дачи.

Следует отметить, что не совсем понятна логика законодателя, установившего для общего субъекта уголовную ответственность за принуждение к уклонению от дачи показаний, но не предусмотревшего наказуемость принуждения к отказу от дачи показаний. Этот вопрос актуален еще и потому, что в ст. 353 УК РК установлена уголовная ответственность за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний.

Определенный интерес в связи с этим представляет мнение А. С. Горелика, рассматривающего понятие уклонения достаточно широко — и как уклонение от явки, и как отказ от дачи показаний [138, с. 29]. Однако сохраняющаяся в тексте УК традиция одновременного использования понятий уклонения и отказа позволяет предположить, что указанные термины имеют различное содержание.

По нашему мнению, диспозиции ст. ст. 347, 347-1 УК РК должны предусматривать наказуемость принуждения не только к совершению конкретных действий, но и к отказу, а также к уклонению от их совершения. Подобная формулировка позволит учесть дискуссионность понятий уклонения и отказа при их использовании в тексте уголовного закона. В этом смысле поучителен пример Уголовного кодекса ФРГ, который устанавливал уголовную ответственность должностных лиц как за принуждение к даче показаний, так и за принуждение к отказу от дачи показаний (ст. 343) [139, с. 192-193].

Исходя из структурно-логического анализа, мы считаем, что понятия «принуждение» и «понуждение» различны. Различия можно провести по нескольким признакам.

1. При принуждении потерпевший уже выразил свое несогласие поступать определенным образом либо его отношение известно виновному, и он стремится добиться необходимого поведения, невзирая на наличие согласия. При понуждении действия преступника направлены на получение согласия потерпевшего. На это обстоятельство обращает внимание Л. В. Сердюк [140, с. 31].

2. При принуждении воля потерпевшего игнорируется [140, с. 31], ему предоставляется единственная альтернатива — выполнить требования виновного. При понуждении выбор линии поведения зависит от потерпевшего.

3. При принуждении лицо не находится в какой бы то ни было зависимости от виновного. При понуждении потерпевший состоит в зависимости от преступника.

Принуждение это воздействие конкретизированное (виновный указывает цель своих незаконных действий, а принуждаемый сознает, каких действий требуют от него). Понуждение — не конкретизированное воздей-

ствие (цель не указывается, и потерпевший может лишь догадываться, выполнения каких действий желает виновный).

Таким образом понятием «понуждение» охватывается более широкий круг действий (обман, подкуп, уговоры).

Вопрос криминализации подкупа и обмана как способа получения показаний в юридической литературе решается неоднозначно.

Результаты проведенного нами опроса работников адвокатуры показали, что 89 % респондентов считает использование подкупа и обмана незаконными способами получения показаний (Приложение А). О недопустимости получения показаний таким путем говорит большинство криминалистов [141, с. 78; 142, с. 171-173; 143, с. 58; 144, с. 26].

Остановимся на оценке обмана как одного из незаконных способов получения показаний.

Обман в монографических исследованиях изучался в основном как способ совершения мошенничества, обмана покупателей, заведомо ложного доноса и некоторых других преступлений. Его анализ применительно к незаконным способам получения показаний встречается у Н. И. Загородникова [124, с. 139-140] и Р. А. Сабитова [116, с. 28-36], которые предлагают считать его уголовно наказуемым способом.

В работах русских криминалистов обосновывалась точка зрения, что обман не может касаться будущих событий [145, с. 89; 146, с. 248]. Обман, по мнению опрошенных, достаточно распространен и имеет место при получении показаний с использованием ложных обещаний — улучшить содержание под арестом, разрешить свидание, дать наркотики, чтобы прекратить «ломку» и других.

Обман может проявляться как в форме действия (слов и действий в узком смысле), так и бездействия (поддерживающий в заблуждении и вызывающий заблуждение) [147, с. 53-56].

Обман в зависимости от обстоятельств можно разделить на следующие основные виды: а) в отношении предметов; б) в отношении личности (обманывающего, обманываемого или третьих лиц); в) по поводу различных событий и действий; г) в намерениях (ложные обещания) [147, с. 45; 148, с. 34; 149, с. 28-29].

Для получения «нужных» показаний, по мнению опрошенных адвокатов, могут использоваться все перечисленные виды обмана.

Примером обмана в предмете может быть предъявление на допрос предмета, похожего на орудие убийства. Обман в отношении личности может иметь место, когда допрашивающий утверждает, что преступление видел свидетель, находящийся сейчас в соседнем кабинете. Обманом в отношении событий может быть ложное утверждение, что соучастники пре-

ступника уже задержаны. Обманом в намерениях могут быть ложные обещания изменить меру пресечения в отношении обвиняемого.

Анализируя вопрос о криминализации обмана, следует отметить его тесную связь с такими приемами допроса, как использование следственных хитростей и ловушек.

Сразу следует сказать, что содержание последнего термина очень широко и может включать неожиданные и условные вопросы, «косвенный допрос» и другие приемы. Вопросам допустимости подобных действий уделяется большое внимание в криминалистической тактике. Все ученые указывают на то, что подобные методы могут привести к даче правдивых показаний, а могут ничего не дать и даже затруднить следствие, поэтому считать их допустимыми можно только в случае, если у допрашивающего имеются веские доказательства вины [141, с. 149-151].

Применению следственных хитростей в тактике допроса также отводится серьезная роль. Недопустимыми приемами считаются действия, противоречащие закону и нормам морали (обман, использование низменных побуждений, религиозных чувств допрашиваемого и другие) [141, с. 115; 150, с. 120-134; 151, с. 171-173; 152, с. 163; 153, с. 58]. Но представляется, что ошибочным было бы считать любые провокационные, безнравственные и противоправные действия допрашивающего уголовно-наказуемыми. Во-первых, потому, что нельзя проводить прямую зависимость между безнравственностью и уголовной наказуемостью, во-вторых, потому, что не всякая противоправность является уголовной противоправностью. В связи с вышесказанным необходимо подчеркнуть, что применение безнравственных, неэтичных тактических приемов должно влечь за собой признание доказательств, полученных в ходе такого следственного действия, недопустимыми, а также может наказываться в дисциплинарном порядке или «влечет передачу уголовного дела другому следователю» [154, с. 59-71]. Кроме того, поведение допрашиваемого при обмане зависит от того, насколько он осведомлен о полноте информации, которой обладает орган расследования, при этом обман не лишает потерпевшего свободы выбора (допрашиваемый может не поддаться обману) и направлен именно на получение согласия у последнего, то есть не обладает признаками принуждения.

Нередко получение показаний может быть сопряжено с ложным обещанием выполнить незаконные действия (дать наркотики, алкогольные напитки). На возможность использования подобного рода обмана указали 63 % респондентов из числа адвокатов.

Опрос показал, что зачастую сами допрашиваемые высказывают при производстве следственного действия условия, при которых они сообщат

необходимую информацию, то есть, по сути, являются инициаторами обмана, осознавая, что в подобном «торге» не может быть никаких гарантий выполнения их требований. Но следует заметить, что даже если обещания должностного лица звучат правдоподобно, допрашиваемый, как и следователь, должен и может воспринимать их как незаконные либо необязательные, а значит — они не должны наказываться в уголовно-правовом порядке [40, с. 89].

По мнению Ю. И. Кулешова, не сообщение сведений, которые допрашивающий в конкретной ситуации обязан был сообщить (то есть, по сути, обман путем бездействия), противоправно и отнесено им к числу «иных незаконных действий» [31, с. 52]. Полагаем, что это не так.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан предусматривает лишь обязанность следователя знакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы (ст. 244 УПК РК) и заключением эксперта (ст. 254 УПК РК). Однако ее нарушение, как и случаи незнакомления свидетелей (и других лиц) с протоколами следственных действий, произведенными с их участием, не влекут уголовную ответственность. Подобное несоблюдение процессуальных требований может лишь являться основанием признания результатов данных действий недействительными.

Все сказанное позволяет утверждать, что при криминализации обмана учитываться должны не просто действия, но и их цель. Как мы уже указывали, целью действий виновного может быть получение как ложной, так и правдивой информации. Представляется, что преступным должно быть получение только заведомо ложных сведений. В отрыве же от цели, без ее учета, будет невозможно отличить уголовно-наказуемое получение показаний путем обмана от процессуально недопустимого или от дисциплинарного проступка.

Анализируя необходимость криминализации подкупа с целью получения показаний, следует подчеркнуть, что данное понятие шире содержания подкупа как конструктивного элемента других составов преступлений (например, ст. ст. 146, 201, 231 УК РК). Большинство авторов понимает под подкупом предоставление или обещание материального вознаграждения или других выгод имущественного характера [117, с. 7]. Но криминалисты, исследующие содержание подкупа в ст. 347 УК, предлагают дополнить его указанием на предоставление или возможность предоставления иных выгод (обещание прекратить уголовное преследование или изменить квалификацию преступления [99, с. 133], закрыть глаза на преступление или иное правонарушение [123, с. 634]).

Результаты проведенного нами анкетирования членов адвокатских коллегий приведены ниже (таблица 1) и позволяют дополнить этот список

обещанием изменить меру пресечения (72,4 % респондентов) и разрешить свидание или передачу посылки (44,8 %). На наш взгляд, данная проблема поднимается вследствие того, что в казахстанском уголовном процессе не применяются транзакция и другие подобные процедуры. Процедура транзакции широко используется в судопроизводстве США. Где органы, осуществляющие уголовное преследование, отказываются от него, если это лицо доплатит в казну установленную в каждом конкретном случае сумму либо лицу, виновному в совершении преступления, предлагают дать показания, уличающие его соучастников, в обмен на вменение в вину этому человеку менее тяжкого преступления. Заключение подобных «сделок», по нашему мнению, способно реально сэкономить время и средства, затрачиваемые на расследование, и является стимулом для дачи показаний.

Таблица 1 — Виды подкупа, применяемые, по мнению адвокатов, для получения показаний

Виды подкупа	%
Обещание прекратить уголовное преследование или изменить квалификацию преступления	69 %
Обещание дать чай, алкогольные напитки, наркотические средства	62 %
Обещание изменить меру пресечения	73 %
Обещание разрешить свидание или передачу посылки	45 %
Обещание улучшить содержание под стражей	35 %

Сумма в ответах превышает 100 %, поскольку респондентам было предложено перечислить все известные им виды подкупа.

По справедливому мнению Н. А. Попова, законодатель совершенно обоснованно разделил понятия «подкуп» и «принуждение» в названии смежной по отношению к ст. 347, ст. 354 УК РК, так как отличительной особенностью подкупа является то, что он направлен на получение согласия, еще не выразившего свое отношение к желаемым действиям лица, и при этом не лишает последнего свободы выбора, не диктует ему единственно возможную линию поведения, тогда как принуждение применяется к лицу, уже выразившему свое несогласие поступить желаемым образом, и направлено на подчинение его воли [40, с. 92].

Выяснив, что подкуп как и обман не носит признаков, присущих принуждению, считаем, что его криминализация должна быть поставлена в за-

висимость от содержания действий, которые обязуется выполнить виновный, и преследуемых им целей.

Так, например, осужденный Ю. обратился с жалобой о необоснованности приговора и назначенного наказания в части наркотических средств, так как данное преступление было сфабриковано сотрудниками Тюлькубасского РОВД.

Прокуратурой Южно-Казахстанской области было установлено, что 28 февраля 2002 г. сотрудник полиции Б. в связи с подозрением Ю. в совершении кражи в Тюлькубасском районе, из специального приемника УВД Жамбылской области принял последнего для этапирования в ИВС Тюлькубасского РОВД. По пути следования, на границе между Жамбылской и Южно-Казахстанской области, на посту «Шакпак», с целью искусственного завышения показателя по выявлению и раскрытию преступлений, воспользовавшись тем, что Ю. находится в зависимом от него положении, уговорил его признать вину в приобретении, хранении и перевозке наркотических средств в крупном размере и с этой целью отдал Ю. 340 грамм марихуаны. Затем, пригласив водителя автомашины марки ВАЗ 2106 А., его пассажиров Н. и Д. в качестве понятых, в присутствии последних составил подложный протокол обнаружения и изъятия наркотического средства, где указал, что гр. Ю. незаконно перевозил данное наркотическое средство из Республики Кыргызстан.

28 февраля 2002 г. сотрудник полиции Б. собранный материал передал в следственный отдел Тюлькубасского РОВД для возбуждения уголовного дела в отношении Ю. В тот же день следователем Х. в отношении последнего возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 3 ст. 259 УК РК. Следователь Х., в ходе расследования данного уголовного дела, без участия вышеуказанных понятых, составил подложные протоколы их допроса в качестве свидетелей, а также протоколы очных ставок между ними и обвиняемым Ю. Обещал не возбуждать уголовного дела по краже, если Ю. поставит подписи в протоколах. По окончании расследования уголовное дело в отношении Ю. было направлено в суд, в дальнейшем он был осужден к лишению свободы на длительный срок.

По результатам проверки обращения осужденного, проведенной прокуратурой области, 13 марта 2003 г. в отношении старшего оперуполномоченного Тюлькубасского РОВД Б. и следователя Х. были возбуждены уголовные дела по признаку в их действиях составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 307 и ст. 314 УК РК [155].

Как видно из приведенных выше примеров, действия могут быть как законного, так и незаконного характера, а целью виновного может быть при-

нуждение к даче правдивых и ложных показаний. Отсюда можно выделить четыре различные ситуации:

1. Когда лицо, осуществляющее расследование, предлагает дать правдивые показания, обещая выполнить законные действия. В этом случае поведение субъекта расследования не нарушает каких-либо правил, а значит, не должно наказываться. Его примером может быть предоставление свиданий с родственниками и иными лицами, разрешение передач и посылок подозреваемому или обвиняемому.

2. Когда допрашивающий предлагает дать правдивые показания, обещая выполнить действия, не разрешенные законом. Примером может послужить обещание организовать свидание с женщинами, передать спиртное, безосновательно изменить меру пресечения либо прекратить уголовное дело. Такие действия могут самостоятельно наказываться как в дисциплинарном порядке (в случае передачи спиртного либо изменении меры пресечения на более мягкую), так и по статье Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за заведомо незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 345 УК РК).

3. Когда лицо предлагает дать ложные (иногда не конкретные ложные, а нужные ему) показания, обещая выполнить разрешенные законом действия. Примером данной ситуации может быть обещание улучшить условия содержания под арестом.

4. Когда лицо предлагает дать ложные показания, обещая выполнить незаконные действия. Если незаконные действия допрашивающего образуют самостоятельное преступление (распространение наркотиков и т. п.), им следует давать уголовно-правовую оценку.

В двух последних ситуациях имеет место случай совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354 УК РК, специальным субъектом. Его особенностью является также то, что оно может совершаться в отношении подозреваемого и обвиняемого, а не только лиц, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 354 УК РК. Кроме того, субъект расследования, действующий таким образом, согласно ч. 4 ст. 28 Общей части Уголовного кодекса, может считаться подстрекателем к совершению преступления, предусмотренного ст. 352 УК РК, но, только в случае, если его действия осуществляются в отношении свидетеля, потерпевшего и эксперта.

Подкуп подозреваемого и обвиняемого с целью дачи ложных показаний не наказуем по ст. ст. 347, 347-1 УК РК, так как не отвечает признакам, характерным принуждению. Наказать виновное лицо за подстрекательство данных участников уголовного процесса к даче заведомо ложных показаний мы также не можем по описанной в предыдущем абзаце причине. Квалификация действий должностного лица, ведущего расследование, воз-

можно по ст. 308 УК РК, однако в этом случае должно быть установлено существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства. Кроме того, такая квалификация не будет отражать специфики нарушенного объекта — правоотношений по расследованию преступления.

Представляется, что в целях устранения указанного пробела следует предусмотреть уголовную ответственность за подкуп подозреваемого и обвиняемого с целью дачи ложных показаний в ч. 1 ст. 354 УК РК, дополнив диспозицию указанием на данных участников судопроизводства.

В некоторых случаях обман тесно сопряжен с подкупом, так как его содержанием также является обещание предоставить выгоды имущественного или иного характера. Отграничение указанных способов следует проводить по объективной стороне и направленности умысла виновного. В случае, если лицо намеревалось выполнить обещанное, предприняло меры к выполнению необходимых действий, их следует считать подкупом. Когда же виновный высказывает обещание, не намереваясь его выполнить в дальнейшем, либо не предпринимает мер к выполнению действий, — такие действия являются обманом.

Обман и подкуп с целью дачи ложных показаний окончены в момент высказывания соответствующих обещаний или передачи ложной информации.

Но чтобы подвести окончательный итог анализу обмана и подкупа, совершаемых с целью получения показаний, необходимо, по нашему мнению, рассмотреть и способы принуждения, которыми, по мнению законодателя, являются угрозы, шантаж и иные незаконные действия. Рассмотрим каждый из них.

Необходимо отметить, что до принятия законодателем ст. 347-1 УК РК, количество уголовных дел, возбужденных по признакам ч. 2 ст. 347 УК РК, было гораздо больше, чем возбужденных по ч. 1. Жалобы на неправомерные действия сотрудников органов внутренних дел поступали в основном только в связи с применением физического насилия. Однако в заявлениях наряду с физическим насилием указывалось и на применение угроз. Отсутствие заявлений о фактах применения к допрашиваемым одних лишь угроз не говорит о том, что они не имеют место в реальной жизни. Скорее наоборот — высказанные угрозы обладают высокой искусственной латентностью.

В материалах об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам принуждения к даче показаний содержалось немало заявлений, в которых сообщалось об использовании сотрудниками ОВД различных угроз. Это угрозы избитием и физической расправой, угрозы совершения акта муже-

ложства, помещения допрашиваемых в «пресхату» СИЗО, угрозы арестом или вменением преступления, которого допрашиваемый вовсе не совершал, также сообщалось об угрозах устроить неприятности семье, привлечь жену к уголовной ответственности.

Впервые такой способ совершения принуждения к даче показаний, как применение угроз, был законодательно закреплен в ч. 1 ст. 190 УК КазССР 1959 г., а затем, без конкретизации возможных вариантов, продублирован в ч. 1 ст. 347 действующего уголовного закона. Указанное обстоятельство обусловило необходимость установления объема и содержания исследуемого термина.

В «Словаре русского языка» угроза толкуется как «обещание причинить какое-либо зло, неприятность», а также «возможность, опасность какого либо бедствия, несчастья, неприятного события» [156, с. 462]. В тексте УК РК 1997 г. законодатель использовал различные формулировки уголовно-наказуемых угроз в качестве конструктивных элементов составов преступлений, называя, в частности, такие их виды, как угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; угрозу уничтожением, повреждением или изъятием имущества; угрозу применения насилия. Полагаем, что перечисленные угрозы, традиционные для уголовного закона, составляют содержание рассматриваемого способа преступления, но не исчерпывают его. В противном случае, механическое перечисление отдельных видов угроз не позволит в полной мере учесть возможные варианты преступного воздействия на принуждаемого к даче показаний. В словаре по уголовному праву угроза определяется как психическое насилие над жертвой, как правило, в целях изменения ее поведения в интересах угрожающего, отмечая, что как самостоятельное преступление она выступает в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом [157, с. 625].

Представляется, что данные определения приемлемы и для угрозы в ст. 347 УК РК, тем более что споров по этому поводу в юридической литературе не возникает. Однако по сравнению с другими составами преступлений содержание угрозы при принуждении к даче показаний имеет одну существенную особенность — оно не ограничивается традиционными для уголовного права видами угроз и может включать, кроме угрозы убийством, нанесением вреда здоровью, повреждением или уничтожением имущества, угрозу, обусловленную спецификой деятельности виновного в сфере осуществления правосудия и его принадлежностью к правоохранительным органам.

В тексте УК РК, как нами уже было отмечено выше, законодатель использовал различные формулировки уголовно-наказуемых угроз в качестве конструктивных элементов ряда составов преступлений, называя, в частно-

сти, такие их виды, как угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; угрозу уничтожением, повреждением или изъятием имущества; угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья; угрозу причинением вреда здоровью. Полагаем, что перечисленные угрозы, традиционные для уголовного закона, составляют содержание рассматриваемого способа преступления, но не исчерпывают его. В противном случае, механическое перечисление отдельных видов угроз не позволит в полной мере учесть возможные варианты преступного воздействия на принуждаемого к даче показаний.

Как отмечает Г. К. Костров, в том случае, если закон не содержит указаний на конкретный вид угрозы, ее наказуемость определяется исходя из конкретной ситуации, главным образом, характером и ценностью защищаемых благ [158, с. 52].

В связи с этим полагаем, что угрозы могут касаться совершения действий или бездействия, которые виновный намеревается совершить, если требуемые действия не будут выполнены. По мнению А. А. Пионтковского, бездействие можно разделить на упущение или чистое бездействие и смешанное бездействие. Первое предполагает несовершение предписанных законом действий, а второе наступление в результате бездействия виновного вредных последствий [159, с. 152]. Примечательно, что виновный может угрожать совершением как незаконных, так и законных действий. Сущность таких угроз была подмечена еще профессором Францем фон Листом, писавшим, что противоправность имеет место тогда, когда противоправны либо цель принуждения, либо средство, с помощью которого оно совершено [7, с. 62].

Поэтому угроза законными действиями не является принуждением, поскольку не соответствует признакам указанного родового понятия, и поэтому должна наказываться только в том случае, если преследует цель получения ложных показаний. Например, решение следователя избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы, зависит от того, насколько обвиняемый искренен и раскаивается в совершенном преступлении. Любое разъяснение следователем создавшейся на момент допроса ситуации в виде фразы «у меня есть все основания арестовать Вас, если Вы не пойдете навстречу следователю и не дадите правдивые показания» может быть расценено как угроза. Признание таких действий принуждением означало бы криминализацию повышения голоса на потерпевшего, хлопков ладонью по столу, любой обстановки, создающей психологическое напряжение.

Считаем справедливой точку зрения Г. К. Кострова, который утверждает, что «угроза, не являющаяся противоправной, в равной мере воздействует на угрожаемое лицо, обусловлено ли ее осуществление выполнением за-

конных или незаконных требований угрожающего. Очевидно, однако, что такая угроза, сопровождая законное требование, не может в совокупности с ним составить общественно опасное деяние ... Иное положение при использовании угрозы в целях выполнения незаконного требования» [160, с. 14].

Форма выражения угрозы не имеет значения. Она может быть устной, письменной или в виде определенных действий. Иногда принуждающие демонстрируют специальные средства, табельное оружие или даже производят выстрелы над ухом допрашиваемого лица.

Угроза при принуждении к даче показаний может быть открытой и завуалированной, «не исключается, что даже для присутствующих при этом лиц, помимо угрожающего, факт угрозы останется неизвестным» [160, с. 10].

По адресату угроза может касаться как самого принуждаемого, так и третьих лиц. Содержание угроз может быть самым разнообразным, касаться личности, близких, имущества, каких-либо жизненных обстоятельств.

Наибольшую сложность представляет выделение признаков угрозы, в частности, ее реальность. По мнению одних ученых, реальность является основным конститутивным признаком [140, с. 19; 157, с. 625; 161, с. 36; 162, с. 13-14]. С. Х. Мазуков же указывает на то, что реальность является необходимым признаком только одного состава преступления — ст. 112 УК РК [163, с. 13], а основным для угрозы является признак наличности, который означает, что угроза действительно выражена виновным и существует как явление объективного мира [163, с. 12].

Думается, что это предложение не совсем удачно, так как, несмотря на то, что наличность угрозы представляется автором как объективный критерий, ее существование вовне должно быть обязательно оценено людьми, поскольку все проявления действий или явлений являются предметом оценки сознания, субъективны. Форма угрозы, ее характер и содержание, сопутствующая обстановка, интенсивность выражения, характеристика личности виновного оказывают значительное влияние на то, как она будет оценена.

Высказанная угроза может быть предметом оценки не только виновным и потерпевшим, но и третьими лицами. Если все они и каждый из них в отдельности не опасаются ее осуществления, то она не должна наказываться. На данное обстоятельство обращалось внимание русскими учеными еще в конце XIX в. Так, С. Будзинский писал, что «у людей необразованных угроза в споре является обыкновенною прибавкою к оскорблению ... Такие угрозы ненаказуемы, так как ... их вызывает гнев, а уничтожает рассудок» [164, с. 86].

Угроза как деяние, входящее в объективную сторону какого-либо состава преступления, характерна тем, что она гораздо меньше, чем то деяние, которое является ее содержанием [160, с. 6-7]. Именно с этим мы сталкиваемся, когда угрозой нарушаются уголовно-процессуальные отношения, призванные обеспечить установленный законом порядок сбора доказательственной информации и принятия на ее основе обоснованного решения.

Важность общественных отношений, составляющих объект ст. 347 УК РК, обуславливает наказуемость не только угрозы жизни и здоровью их участников, но и всех остальных угроз, если только они могут создать опасность нарушения общественных отношений в сфере правосудия.

Отождествление реальности только с наличием у потерпевшего опасаться высказанной угрозы [140, с. 19] неправильно. Анализ данного критерия в настоящее время позволяет утверждать, что он играет подчиненную роль, и вовсе не обязательно, чтобы угроза стала предметом отражения в сознании адресата, потому что зачастую не способен воспринять ее органами чувств. Восприятие потерпевшим высказанной информации как осуществимой усиливается наличием у субъектов принуждения к даче показаний права на применение мер уголовно-процессуального принуждения, однако оно не должно ставиться во главу угла. В этой связи справедливо замечание о том, что окончательное решение вопроса о реальности угрозы должно предполагать учет всех обстоятельств, при которых она высказывается [157, с. 625-626]. Тем более что есть опасность злоупотребления подсудимыми значимостью восприятия ими действий следователя, оценки их как шантажа, других видов угроз. На факты подобного рода обратили внимание А. Васин и С. Нафиев: «... когда обвиняемый с целью поставить под сомнение уличающие его доказательства делает заведомо ложное заявление о незаконных методах ведения следствия, сопряженное с обвинением работников полиции в совершении преступления, его действия принято считать противоправными, хотя на практике такая правовая оценка дается не всегда» [165, с. 5-7].

Считаем, что в данной ситуации должно возбуждаться уголовное дело, и всем фактам ложных заявлений следует давать необходимую правовую оценку.

О реальности угрозы может свидетельствовать ряд факторов — конкретная ситуация, обстановка, место, время, характеристика виновного, его тип поведения, прежняя судимость и другие [166, с. 71].

К числу угроз, достаточно традиционных для уголовного права, относится угроза уничтожением или повреждением имущества, использованная законодателем для формулировки объективной стороны ряда составов пре-

ступлений, предусмотренных ст. ст. 123, 181, 341, 354 УК РК, а также угроза изъятием имущества, упоминание о которой содержится в ст. 123 УК РК.

Угрозы совершения неправомерных действий в отношении имущества могут использоваться сотрудниками ОВД в ходе принуждения к даче показаний. Как правило, под угрозой повреждением имущества понимается совершение действий, обуславливающих дальнейший его ремонт, без которого невозможно восстановление потребительских свойств имущества и последующее использование. Угроза уничтожением имущества предполагает совершение действий, влекущих утрату имуществом потребительских свойств, определяющую невозможность его дальнейшего восстановления. Считаем, что угроза изъятием имущества должна расшифровываться как информация о действиях, совершение которых лишит принуждаемого возможности осуществлять правомочия по владению, пользованию или распоряжению конкретным имуществом. Определение данного вида угрозы не должно сужаться указанием на изъятие исключительно как на одну из форм хищения, поскольку в рамках исследуемой нормы содержание рассматриваемого термина может подразумевать различные способы, в частности, незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 357 УК РК), включающие его растрату, отчуждение, сокрытие, незаконную передачу, различные варианты временного удержания. Таким образом, критерием, определяющим расширительное толкование угрозы изъятием имущества, должна быть не предполагаемая утрата принуждаемым права собственности на данное имущество, а лишение собственника указанных выше правомочий, позволяющих реализовать данное право. При этом необходимо отметить, что правовой статус самого имущества, принадлежащего как лично принуждаемому, его родственникам и близким, так и иным лицам, передавшим данное имущество в его ведение или под охрану, не имеет значения, поскольку фактором, определяющим незаконность подобного деяния, является негативное воздействие на психику потерпевшего, обусловленное страхом за сохранность имущества, независимо от его принадлежности. Способ уничтожения, повреждения или изъятия имущества, которым угрожает виновный, также не имеет значения для квалификации.

Как указывалось, в тексте ст. 347 УК РК отсутствуют четкие критерии, наличие которых позволило бы рассматривать конкретные угрозы в качестве способа ограничения или подавления волеизъявления лица, принуждаемого к даче показаний.

По мнению Л. Д. Гаухмана, любая угроза только тогда является элементом конкретного состава преступления, когда она характеризуется той или иной степенью интенсивности, предусмотренной соответствующей уголов-

но-правовой нормой [167, с. 96]. Однако в исследуемой норме интенсивность угрозы применительно к вариантам преступного воздействия на принуждаемого законодательно не определена, что предполагает установление ее степени самим правоприменителем. Таким образом, для оценки угрозы как способа принуждения в рамках ст. 347 УК РК необходимо выработать совокупность критериев, позволяющих рассматривать ее в качестве варианта неправомерного принуждения.

Как указывалось выше, одним из факторов, позволяющих оценить опасность подобной угрозы, является ее реальность, обусловленная особым характером воздействия — подавлением свободы волеизъявления принуждаемого. Сказанное относится ко всем вариантам угроз, включая угрозы убийством и различными формами насилия.

Л. В. Сердюк отмечает, что реальность угрозы отождествляется с наличием у потерпевшего оснований опасаться ее осуществления, предполагающих такие элементы как серьезность вызвавших ее причин; личность виновного; внешняя активность проявления угрозы и возможность ее осуществления [140, с. 19]. По нашему мнению, указанный подход нельзя назвать бесспорным, однако предложенная система признаков, определяющих содержание реальности угрозы, представляется достаточно продуманной и может быть аргументирована следующим образом.

На восприятие принуждаемым угрозы как реальной и, следовательно, действительно выполнимой, в немалой степени влияет серьезность вызвавших ее причин. Таким образом, сфера уголовного судопроизводства, характеризующаяся специфическими целями и средствами их достижения, обуславливает достаточную серьезность восприятия принуждаемым угроз со стороны правоприменителя.

На осознание угрозы как реальной влияет также оценка принуждаемым личности виновного, имеющего статус должностного лица. Безусловно, уголовно-процессуальная деятельность, направленная на расследование уголовного дела, представляя собой сложную систему отношений, предполагает конфликтные ситуации, для разрешения которых сотрудники органов внутренних дел наделяются соответствующими властными полномочиями в порядке, предусмотренном законом. Лицо, вовлеченное в уголовный процесс, осознает, что независимо от его желания и воли оно может быть подвергнуто мерам процессуального принуждения, реализация которых — одно из проявлений правовых полномочий лица, их осуществляющего. Указанное обстоятельство усиливает реальность угрозы, поскольку вызывает у принуждаемого достаточные опасения относительно возможности ее реализации.

Наряду с перечисленными факторами, внешняя активность проявления и возможность осуществления угрозы также определяют ее реальность. Для создания у принуждаемого уверенности в неременной реализации высказанной угрозы виновный может использовать характерные жесты, демонстрировать оружие, различные приспособления и предметы, кричать на потерпевшего, создавать угнетающую того обстановку, т. е. любыми способами формировать условия, свидетельствующие о готовности к совершению конкретных действий. При этом виновный, рассчитывая на имеющиеся объективные обстоятельства, подтверждающие выполнимость действий, и свои личностные качества, продемонстрированные специально для устрашения принуждаемого, должен быть убежден в адекватной их оценке последним, допускающим возможную реализацию угрозы, которая в противном случае теряет, по его мнению, всякий смысл. Поэтому достаточно спорным представляется мнение Ю. И. Кулешова, полагающего, что реальный характер угрозы определяется осознанием потерпевшим того факта, что высказанная угроза будет реализована в случае его отказа дать требуемые показания [168, с. 84]. Данная позиция сориентирована на восприятие угрозы самим потерпевшим и может рассматриваться как вариант объективного вменения, поскольку не учитывает субъективную оценку виновным характера высказываемых угроз и возможности их дальнейшей реализации.

С позиции же субъективного вменения, фактором, определяющим реальность угрозы, должен быть расчет самого виновного на восприятие потерпевшим угрозы как бесспорно выполнимой, а не только оценка ее потерпевшим как реальной.

Полагаем, что во многом обозначенное разночтение в определении реальности угрозы обусловлено двuasпектным отображением исследуемого понятия в тексте уголовного закона, где угроза представлена или как самостоятельное оконченное преступление, или в виде деяния, входящего в объективную сторону конкретного состава преступления в числе различных способов его совершения.

Так, С. М. Рахметов рассматривает угрозу как общественно опасное деяние в рамках ст. 112 УК РК, устанавливающей уголовную ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. При этом отмечая, что вопрос о реальности угрозы должен решаться с учетом субъективного представления потерпевшего о личности виновного и его способности привести угрозу в исполнение. Это означает, что потерпевший воспринимает угрозу не как пустую декларацию или шутивное заявление, а как реальное намерение реализовать эту угрозу. Реальность угрозы определяется рядом факторов: конкретной ситуацией, обстановкой, местом, вре-

менем, характеристикой виновного, его типом поведения, прежней судимостью и другими [148, с. 286].

Анализируя содержание оснований, определяющих реальность осуществления угрозы в рамках ст. 112 УК РК, можно сделать вывод, что, воспринимая угрозу, потерпевший должен иметь основания для опасения за свою безопасность, но при этом для окончательного решения вопроса о реальности угрозы, кроме названного субъективного, оценке подлежит также объективный фактор, предполагающий учет всех обстоятельств произошедшего. В какой-то мере также считают В. В. Ераксин и Б. А. Куринов. Где первый подчеркивает при определении реальности угрозы в рамках ст. 112 УК РК важность установления совокупности объективных и субъективных обстоятельств дела, включающих, в частности, субъективное восприятие угрозы потерпевшим [125, с. 189], а второй указывает, что необходимо учитывать как субъективный критерий, т. е. оценку угрозы потерпевшим и его близкими, так и объективный критерий, предполагающий анализ обстановки произошедшего [169, с. 425].

Полагаем, что приведенные мнения, отражающие спектр возможных точек зрения о соотношении объективных и субъективных критериев реальности угрозы, в большей степени актуальны для ситуаций, когда, высказывая угрозу, служащую способом запугивания потерпевшего, возможным убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, виновный не преследует никаких других целей, кроме причинения психической травмы. Действительно, когда речь идет об угрозе совершением конкретных действий как об отдельном составе преступления, наказуемость последнего во многом обусловлена субъективным фактором, предполагающим восприятие потерпевшим угрозы как реальной опасности. Только в этом случае содержание угрозы четко определено в тексте УК РК за счет конкретизации отдельных ее видов, и законодательно прописана необходимость установления оснований, позволяющих опасаться реализации этой угрозы. Существующая практика применения указанного состава также сориентирована на субъективное восприятие угрозы потерпевшим, поскольку гипотетически сложно представить возникновение уголовного преследования в случае, когда потерпевший игнорирует высказанные угрозы и безразлично к ним относится.

В то же время использование угрозы для принуждения к даче показаний предопределяет иной подход к соотношению объективных и субъективных факторов, обуславливающих ее наказуемость, нежели в ст. 112 УК РК. Причиняемая потерпевшему психическая травма является для виновного не результатом, а лишь средством получения показаний. Возможно, поэтому законодатель отказался от конкретизации видов угрозы в ст. 347 УК РК.

На наш взгляд, в ст. 347 УК РК реальность угрозы не определяется содержанием конкретных ее видов, поскольку факт использования угрозы, независимо от содержания последней, сам по себе является преступлением, на наказуемость которого не влияют индивидуальные особенности потерпевшего, например, безразличие к угрозам или плохой слух, не позволяющий ему в полном объеме фиксировать поступающую от других лиц информацию.

Несмотря на то, что реальность восприятия угрозы принуждаемым необходимо устанавливать и доказывать, это обстоятельство вторично. Независимо от содержания угрозы, не имеет значения и степень интенсивности возможной опасности, даже если последняя по-разному оценивается потерпевшим. Фактором, исключающим объективное вменение и определяющим оценку угрозы как способа принуждения к даче показаний, является расчет самого виновного на возникновение у принуждаемого опасений осуществления неправомерных действий.

Следует согласиться с Р. А. Левертовой, полагающей, что для установления реальности угрозы не обязательно стремление виновного к осуществлению конкретных действий [161, с. 37], поскольку угроза, как правило, выступает лишь средством запугивания потерпевшего, не предполагающим готовности правоприменителя к действительному ее выполнению. В рамках данного утверждения достаточно актуальным представляется мнение Н. С. Таганцева, отмечавшего, что для установления ответственности за угрозу не имеет значения, мог ли угрожавший выполнить то, чем он угрожал, поэтому написавший из шутки письмо с угрозой сжечь чей-либо дом подлежит наказанию, даже если докажет нежелание или невозможность поджога [170, с. 292].

Представляет интерес вопрос о том, может ли угроза в рамках ст. 347 УК РК выражаться в передаче информации о возможном несовершении виновным определенных действий, т. е. в его предполагаемом бездействии. В науке уголовного права бездействие традиционно рассматривается как пассивный вариант поведения человека, при котором лицо не выполняет определенные действия, которые оно было обязано и могло совершить. Бездействие как преступное деяние, по мнению А. А. Пионтковского, можно разделить на две группы. Первая представлена упущением или чистым бездействием, предполагающим несовершение виновным тех или иных действий, предписанных законом, например, оставление лица в опасности. Вторую группу составляет так называемое смешанное бездействие, наказуемое в уголовном порядке в тех ситуациях, когда для состава преступления необходимо наступление конкретных вредных последствий в результате бездействия лица [162, с. 152]. Например, виновный, принуждая к даче по-

казаний, сообщает потерпевшему о непредоставлении необходимой тому при ранении срочной медицинской помощи. Такое информационное воздействие должно рассматриваться в качестве уголовно-наказуемой угрозы в рамках ст. 347 УК РК. Однако в ряде случаев принуждающий может использовать иные варианты сообщений о предполагаемом бездействии, в частности, угрожать потерпевшему неисполнением незаконных действий. Иллюстрацией подобного утверждения является следующий пример. Правоприменитель, установив, что в материалах дела отсутствуют объективные данные, подтверждающие виновность лица, привлеченного к уголовной ответственности, а также условия, позволяющие прекратить уголовное преследование по нереабилитирующим основаниям, потребовал от обвиняемого дать признательные показания, угрожая в противном случае не выносить постановления о прекращении уголовного дела по указанным основаниям. Здесь прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям при наличии признаков, обуславливающих незаконность подобного решения, в частности, с учетом тяжести совершенного преступления, не сопровождается причинением ущерба законным интересам принуждаемого к даче показаний. По сути, информация, сообщаемая потерпевшему о бездействии такого рода — есть вариант подкупа, содержание которого не ограничивается предоставлением только имущества или иных выгод материального характера и подробнее рассматривается в соответствующем параграфе диссертационного исследования.

Полагаем, что аналогичным образом должны оцениваться действия виновного и в тех случаях, когда, требуя определенных показаний, он угрожает потерпевшему невыполнением действий, которые в одинаковых ситуациях могут иметь альтернативный характер. Так, применительно к упомянутым основаниям освобождения от уголовной ответственности законодательно закреплено указание, что данные основания могут применяться в отношении конкретного лица, однако их применение не является обязанностью должностного лица. Следовательно, при наличии всех требуемых условий окончательное решение о возможности прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям принимает сам правоприменитель, чей отказ в выполнении подобного действия не может расцениваться как причинение ущерба законным интересам принуждаемого к даче показаний.

Перейдем к анализу следующего способа принуждения к даче показаний — шантажа. Этимологически данное понятие заимствовано из французского языка [171, с. 405] и обозначает запугивание, угрозу разглашения позорящих, компрометирующих сведений с какой либо определенной

целью, преступление состоящее в использовании подобных действий [172, с. 687].

В российском законодательстве впервые шантаж упоминался в Уголовном уложении 1903 г., однако, он был помещен в отдельной от вымогательства главе. Термин «шантаж» включен в диспозиции ряда норм Особенной части УК РК (ст. ст. 123, 354). В других нормах используются приписанные ему признаки (ст. ст. 181, 226 УК РК), но, несмотря на это, традиционно его анализ производится учеными, исследующими проблемы уголовной ответственности за вымогательство [129; 173].

Следует подчеркнуть, что шантаж в комментариях к преступлениям против правосудия некоторыми авторами понимается неоправданно широко, как любое запугивание потерпевшего (увольнением с работы, исключением из института и т. п.) [174]. Подобная точка зрения расходится с пониманием указанного термина как угрозы разглашения какой-либо информации и должна быть признана неверной.

Другие авторы, раскрывая содержание рассматриваемого понятия, также отмечают, что оно выходит за рамки угрозы оглашения позорящих сведений [110, с. 20; 175, с. 13-14]. Данное утверждение вполне обоснованно, так как оценка сведений как позорящих напрямую зависит от потерпевшего и игнорирует то обстоятельство, как относится к ним виновный. В этой связи А. И. Санталов и И. Г. Филановский сделали справедливый вывод о том, что позорящий характер сведений дает неполное представление о содержании шантажа. В него кроме субъективного (оценка потерпевшим и виновным) должен включаться еще и объективный критерий (оценка сведений с точки зрения морали, нравственности и правосознания) [176, с. 454].

Для более точного определения термина «шантаж» рассмотрим признаки, выделяемые учеными, занимавшимися данной проблемой.

Общим для всех предложенных в литературе дефиниций является определение шантажа через родовое понятие «угроза».

Второй общий момент, являющийся в то же время признаком, выделяющим этот вид угроз из всех других, — это то, что такая угроза должна состоять именно в распространении каких-либо сведений (информации).

Третий признак — это способность информации, будучи распространенной, нанести вред потерпевшему или его близким, а также возможность причинения урона «имиджу» какого-либо предприятия или организации, и мы полагаем, что с этим следует согласиться.

Какие-либо другие признаки шантажа учеными могут признаваться либо не признаваться, однако мы считаем их факультативными.

Анализ определения термина «шантаж» в науке уголовного права позволяет предположить, что традиционно его содержание отождествляется с соответствующим признаком ст. 181 УК РК, предусматривающую уголовную ответственность за вымогательство. В частности, авторы Юридического энциклопедического словаря прямо указывают, что шантаж является преступлением, аналогичным вымогательству [177, с. 409]. По мнению З. А. Незнамовой, понятие шантажа определяется в вымогательстве, и нет оснований рассматривать его иначе [123, с. 471].

А. И. Чучаев термин «шантаж» рассматривает в широком смысле как одну из форм угрозы, выражающейся в запугивании потерпевшего с целью создания обстановки, под влиянием которой тот будет вынужден совершить конкретные действия [178, с. 34]. С ним солидарен А. С. Михлин, указывающий (применительно к ст. 309 УК), что шантаж может быть связан с угрозой любого характера — уволить с работы, исключить из института, выселить из занимаемой квартиры и т. п. [178, с. 552]. Считаем высказанные положения достаточно спорными. Следует подчеркнуть несоответствие характера перечисленных действий совокупности ключевых слов, традиционно иллюстрирующих терминологическое содержание шантажа, предполагающего в обязательном порядке угрозу разглашения сведений компрометирующего характера. В контексте данного определения угроза увольнения с работы и т. п. диссонирует с угрозой разглашения сведений как базовым понятием рассматриваемого термина. Возможно, мнение о распространительном толковании шантажа обусловлено отсутствием указания в диспозиции ст. 354 УК РК на иные виды угроз как на способ совершения данного преступления, что выводит подобные действия из сферы уголовно-правового воздействия в рамках названной нормы.

Для выявления объема и содержания понятия шантажа необходимо установить составляющие его признаки. Ретроспектива определений шантажа, включая предложенное законодателем, позволяет выделить в качестве обязательного элемента позорящий характер сведений, распространением которых угрожает виновный. Сказанное обуславливает важность установления признаков, по которым можно признать сведения позорящими.

В Комментарий к ст. 181 УК РК отмечено, что вымогательство путем угрозы распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред интересам потерпевшего или его близким, принято именовать шантажом. Однако уголовное законодательство не пользуется этим термином.

Угроза распространения позорящих сведений о лице, в введении или под охраной которого находится чужое имущество, — это угроза сообщить такие сведения лицу, их не знающему. При этом угроза не должна обязательно предполагать сообщение этих сведений неопределенному количеству лиц. Для состава оконченного преступления достаточно угрозы сообщить такие сведения хотя бы одному лицу, если подобное сообщение нежелательно для потерпевшего (например, угроза сообщить жене лица, во введении которого находится чужое имущество, позорящие его сведения, подробности интимного характера и другое) [37, с. 430].

В литературе распространено мнение, высказанное в свое время А. А. Пионтковским, что оценка того, насколько указанные сведения являются позорящими и в какой степени их разглашение способно причинить вред потерпевшему, зависит от его субъективного восприятия [162, с. 403-404]. Если ориентироваться на предложенное толкование, следует признать позорящими также сведения, являющиеся таковыми исключительно в понимании потерпевшего. В этом случае использование указанного критерия в качестве единственно возможного обуславливает ситуацию объективного вменения, поскольку не учитывает оценку самим виновным характера сведений, распространением которых он угрожает. В связи с этим наиболее предпочтительным представляется высказывание А. И. Санталова и И. Г. Филановского, учитывающим, наряду с субъективным, также объективный критерий, подразумевающий оценку позорящего характера сведений с позиции морали, нравственности и сформированного на их основе правосознания правоприменителя [176, с. 454].

Приведенное выше определение понятия «позорящие сведения» обуславливает необходимость рассмотрения вопроса, касающегося информативной, содержательной стороны тех сведений, распространением которых угрожает виновный. Сам термин «сведения» традиционно расшифровывается как правдивая или ложная информация, содержащая указание на определенные факты жизни и деятельности лица, на совершение им конкретного поступка. В понятие сведений не входят обобщенные оценочные суждения, предполагающие обвинения в различных пороках и недостатках, позволяющие негативно оценивать личность. Однако высказанная в отношении потерпевшего угроза распространения информации, не содержащей, например, перечисления конкретных случаев совершенных им хищений, но характеризующей его как kleптомана, также способна причинить потерпевшему серьезную психическую травму и повлиять на свободу его волеизъявления. В связи с изложенным полагаем, что информационное воздействие при шантаже включает угрозу не только разглашения как правдивых, так и вымышленных фактов, но и распространения общей нелестной оцен-

ки потерпевшего, а также приписывания ему безнравственных, отрицательных качеств и свойств. Таким образом, при характеристике шантажа верным представляется указание на угрозу распространения информации, поскольку данное понятие шире по объему, чем содержащееся в легальном определении понятие «сведения».

Установление наказуемости в рамках ст. 181 УК РК, наряду с угрозой распространения позорящих сведений, угрозы распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред законным интересам потерпевшего или его близких, свидетельствует о законодательном закреплении сложившейся практики распространительного толкования понятия «позорящие сведения». Однако использованные формулировки нельзя признать удачными, поскольку они требуют дополнительной расшифровки. Поэтому некоторые авторы, определяя шантаж, идут по пути перечисления возможных способов его совершения.

Так, Р. А. Левертова полагает, что шантаж может быть нескольких видов, и относит к ним: угрозу распространения сведений, которые не позорят ни потерпевшего, ни его близких, но потерпевший не желает их оглашения; угрозу распространения вымышленных позорящих сведений; угрозу распространения позорящих, не соответствующих действительности сведений; угрозу разоблачением, т. е. сообщением о совершенном преступлении; угрозу, сопровождающуюся обманом [161, с. 76-77]. Такой же метод перечисления при определении исследуемого понятия предлагает И. Я. Козаченко, указывая такие виды шантажа, как угрозу распространения компрометирующих сведений; угрозу распространения любой информации, которую потерпевший желает сохранить в тайне; угрозу распространения клеветнических измышлений.

В то же время авторы, признающие распространительное толкование исследуемой угрозы, в том числе В. П. Малков [125, с. 302], В. И. Радченко [178, с. 212], напротив, пытаются объединить все составляющие ее варианты, поэтому характеризуют шантаж, используя обобщающее понятие — компрометирующие сведения, поступки или документы. Полагаем, что указанное определение страдает относительной информативной расплывчатостью, поскольку глагол «компрометировать», означающий «вредить кому-либо в чьем-либо мнении; подрывать чью-либо репутацию, доброе имя, порочить» [179, с. 242], аналогичен понятию шантаж.

По мнению Г. Н. Борзенкова, не имеет значения, насколько позорящими являются данные сведения, вымышлены они или соответствуют действительности, касаются лично потерпевшего или его близких. Главное, что потерпевший стремится сохранить эти сведения в тайне, чем пользуется виновный, принуждая к совершению определенных действий [178, с. 266].

С. И. Никулин также выделяет в качестве признака шантажа нежелательность для потерпевшего оглашения компрометирующих его сведений [178, с. 212]. И. В. Шмаров подчеркивает, что независимо от характера информации лицо желает сохранения этих сведений в тайне, что и используется для принуждения к даче показаний [178, с. 543].

А. С. Михлин представляет шантаж как угрозу оглашения любых сведений, которые потерпевший хочет сохранить в тайне, поскольку не имеет значения, позорят ли они потерпевшего, соответствуют ли действительности, касаются ли иных лиц [178, с. 552].

Действительно, позорящие и подобные им сведения могут быть лишь частью той информации, разглашения которой не желает потерпевший. Таким образом, основным признаком шантажа является не характер сведений, распространением которых угрожает виновный, а расчет последнего на то, что потерпевший будет стремиться сохранить их в тайне, поскольку предание определенной информации огласке настолько нежелательно для потерпевшего, что может побудить его к совершению вынужденных действий для предотвращения такого разглашения. Поэтому, расшифровывая данное понятие, следует отказаться от включения в его содержание перечня возможных сведений, с указанием характера последних.

С учетом изложенного логически верным представляется следующее определение рассматриваемого термина в ст. 347 УК РК: шантаж — это угроза распространения информации, которую потерпевший или близкие ему лица желают сохранить в тайне. Подобная редакция шантажа, как способа совершения вымогательства закреплена в УК Туркмении, Таджикистана и Республики Беларусь.

Сформулированное выше определение термина «шантаж», произведенное с использованием наиболее рационального методического приема работы юридического понятия через род и видовое различие, имеет объем, достаточный для его идентификации и отграничения от других терминов, поскольку в нем содержатся как признак, общий для группы родственных понятий, поскольку речь идет об угрозе, так и отличительный признак, выделяющий его из указанной группы с помощью специфических черт данной угрозы, предполагающей распространение информации, которую потерпевший или близкие ему лица желают сохранить в тайне.

Анализируя в целом необходимость включения термина «шантаж» в диспозицию нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний, следует отметить, что его упоминание в одном ряду с родовым понятием «угроза» не отвечает правилам построения правовых норм. В противном случае при конструировании норм об открытом хищении чужого имущества, соединенном с насилием не опасным либо опасным для

жизни или здоровья, следовало бы признавать правильным после указания на насилие какого-либо характера перечисление отдельных его составляющих. Например, после фразы «грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья», дополнительно указать на побои и издевательства. Это, на наш взгляд, противоречит правилам юридической техники и, таким образом, нарушает принцип экономии текста уголовного закона, поэтому мы предлагаем исключить «шантаж» из ст. 347 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Следующим способом, закрепленным в ст. 347 УК РК, являются иные незаконные действия.

Авторами проекта Уголовного уложения указывалось, что вымогательство показаний может быть осуществлено как посредством наказуемого деяния (насилия, угроз), так и иных недозволенных средств, под которыми понимались угроза лишить обвиняемого свидания с женой или детьми, обещание освободить его из-под стражи; ежедневные вызовы свидетеля к допросу или обещание полицией начать преследование против свидетеля [8, с. 228-229].

Примерный перечень действий, составляющих содержание исследуемого термина таков: обман допрашиваемого; оскорбления и унижения; нарушение норм УПК о продолжительности допроса; угрозы увольнения с работы, выселения из общежития, лишения каких либо прав и ограничения законных интересов; предъявление фальсифицированных доказательств; воздействие экстрасенсов; содержание под стражей в ненадлежащих условиях и изменение условий содержания в нарушение требований закона; создание особой обстановки допроса, воздействующей на допрашиваемого в силу его суеверности. Следует обратить внимание на то, что большинством ученых в указанном объеме перечисление не производилось, поэтому правоприменитель, заинтересованный объемом деяний, включаемых в «иные незаконные», обнаружит в комментариях к ст. 347 УК РК лишь некоторые из них. Кроме того, данный перечень не может считаться исчерпывающим.

Провести классификацию «иных незаконных действий» по каким-либо критериям несложно, но, на наш взгляд, нет никакой практической необходимости, поскольку не будет получен ответ на вопрос о том, в каком случае действия принуждающего должны квалифицироваться по данному признаку.

Некоторые ученые помимо способа перечисления предпринимают попытки выделить общие критерии, по которым те или иные действия следует понимать как «иные незаконные действия». Так, В. К. Глистин, М. Н. Голоднюк, Б. В. Чучаев приводят критерий провокационности мето-

дов расследования [79, с. 353; 123, с. 634; 126, с. 442], но не расширяют его, а лишь приводят примеры подобных действий.

В науке уголовного права сформулированы альтернативные определения иных незаконных действий, содержащие обобщающие признаки, наличие которых, независимо от формы выражения, позволит оценить конкретные варианты воздействия на допрашиваемого как способы уголовно-наказуемого принуждения к даче показаний.

Так, с точки зрения В. П. Малкова, под иными незаконными действиями следует понимать любые безнравственные и противоправные действия в отношении принуждаемого с целью получения от него соответствующей информации по делу [125, с. 475].

М. И. Ковалев, конкретизируя содержание запрета, предлагает включать в содержание рассматриваемого понятия любые способы и приемы воздействия на допрашиваемого, существенным образом нарушающие конкретные нормы УПК, регламентирующие порядок следственных действий, направленных на получение показаний [180, с. 311].

При этом отмечается, что следует оценивать иные незаконные действия, как любые возможные провокационные методы расследования, традиционно включающие обман допрашиваемого [126, с. 408]. Так, В. П. Малков и М. И. Ковалев подчеркивают, что от иных незаконных действий следует отличать рекомендуемые криминалистикой тактические приемы допроса, а также разработанные судебной психологией методы воздействия на личность допрашиваемого, которые оставляют за последним свободу выбора поведения при допросе.

Анализ данной группы определений исследуемого термина позволяет выделить в качестве признаков, единых для различных незаконных действий как способа принуждения к даче показаний, их безнравственность и противоправность; существенность нарушений конкретных норм УПК, регламентирующих порядок ряда следственных действий, а также провокационность применяемых методов расследования.

Однако информативность указанных критериев не исключает их оценочного характера, обусловленного неопределенностью использованных при формулировке понятий, таких, в частности, как безнравственность, существенность, провокационность.

По нашему мнению, достаточно спорным представляется использование безнравственности, подразумевающей отсутствие нравственности как таковой, в качестве универсального признака, устанавливающего содержание иных незаконных действий. Понятие нравственности, отождествляемое с понятием морали, рассматривается многопланово и неоднозначно, предполагая как особую форму общественного сознания и вид общественных от-

ношений (моральные отношения), так и один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм, где, в отличие от права, исполнение требований морали санкционируется лишь формами духовного воздействия (общественной оценки одобрения или осуждения) [181, с. 84]. Аморфность указанного понятия очевидна, что не позволяет раскрыть содержание термина «иные незаконные действия».

Не менее спорным, на наш взгляд, является использование в качестве системообразующего критерия признака существенности нарушений конкретных норм УПК, регламентирующих порядок получения показаний. Оценить, насколько существенны допущенные нарушения, достаточно сложно, учитывая характер содержащихся в указанных нормах предписаний, определяющих как объем информации, подлежащей установлению по делу, так и соответствующее ее оформление. При этом сами ученые, классифицируя нарушения уголовно-процессуального закона на существенные и несущественные, отмечают очевидную условность термина «несущественность», учитывая значение той сферы, в которой они допускаются [182, с. 11].

Законодатель относит к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона такие, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора. По нашему мнению, воспроизведенные формулировки существенности нарушений, содержащиеся в УПК, не позволяют в полном объеме определить границы иных незаконных действий применительно к принуждению к даче показаний.

Предлагаемый в качестве основного унифицирующего критерия признак противоправности действий, применяемых для получения показаний, также не позволяет сделать это. Традиционно противоправность (противозаконность) рассматривается как юридическое выражение конкретного запрета, устанавливающего ответственность за совершение определенных деяний. Однако указать нормативные источники, законодательно закрепляющие подобные запреты и содержащиеся в конституционном, уголовном праве можно лишь в отношении некоторых способов незаконного принуждения, таких, в частности, как угрозы, перечисленные в ст. 347 УК РК за рамками иных незаконных действий. В свою очередь, действующий уголовно-процессуальный закон, содержащий предписания о порядке осуществления конкретных следственных действий, направленных на получение показаний различных участников процесса, устанавливает в отношении правоприменителя запрет домогаться показаний обвиняемого и других

участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер, также, не расшифровывая содержание иных незаконных действий. Ученые-процессуалисты предлагают уточнить понятие «иные незаконные меры», в частности, относя к последним психическое внушение [183, с. 43].

Признак противоправности лишь в некоторых случаях, достаточно фрагментарно, дает возможность отнести к иным незаконным действиям неправомерное поведение виновного. В. Н. Кудрявцев в качестве вариантов неправомерного принуждения выделяет любые акции, хотя и не запрещенные УПК, но не обоснованные материалами дела, например, перевод потерпевшего в камеру, где содержатся опасные преступники, или помещение в карцер без достаточных для этого оснований [184, с. 718]. Сказанное позволяет предположить, что в отдельных случаях признак противоправности действительно может использоваться для характеристики содеянного как иных незаконных действий, совершаемых с целью принуждения к даче показаний, однако не будет единственным унифицирующим критерием, определяющим содержание исследуемого термина.

Необходимо подчеркнуть, что криминалистическая тактика и судебная психология вообще не имеют юридического закрепления, когда рассматриваются в качестве способов воздействия на допрашиваемого. Кроме того, следует отметить, что понятийные категории противоправности (противозаконности) и незаконности исследуемых действий синонимичны по своей сути, поэтому их использование в качестве элементов единого смыслового ряда представляется нам вариантом тавтологии.

Полагаем, что процесс установления содержания иных незаконных действий должен осуществляться по нескольким направлениям. Прежде всего, следует определить их соотношение с неправомерным принуждением, выступающим в роли базового понятия, и выработать единые критерии, позволяющие оценивать возможность отнесения конкретных деяний к рассматриваемой категории. Затем необходимо выделить из указанного понятия такие способы воздействия на участников процесса, которые сформировались и существуют как достаточно автономные, обладающие специфическими признаками варианты противоправного поведения, а именно — подкуп и обман допрашиваемого.

Совершенно справедлива точка зрения И. Ш. Борчашвили, который отмечает, что иными незаконными действиями следует считать любые провокационные методы допроса, использование фальсифицированных доказательств, неправомерное задержание свидетеля с целью получения показания, ложные обещания прекратить дело, изменить меру пресечения, разрешить свидание и так далее [37, с. 819].

Следует учесть характер запретов, закрепленных в УК РК и составляющих содержание конкретных норм. Это связано с тем, что различные преступления, не относящиеся к насилию или угрозам, тем не менее, могут выступать в качестве отдельных способов принуждения к даче показаний, не конкретизированных в рамках ст. 347 УК РК. Так, в ст. 346 УК РК установлена уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание, заведомо незаконное заключение под стражу и заведомо незаконное содержание под стражей. Перечисленные действия преступны и подлежат квалификации по указанной норме, независимо от целей совершения. Однако в случае использования в качестве средств принуждения их следует оценивать как иные незаконные действия в рамках ст. 347 УК РК.

Таким образом, если установлено, что конкретный способ воздействия на лицо с целью получения показаний, не включающий угрозы, шантаж или пытки, рассматривается в УК как самостоятельное преступление и в этом качестве приобретает признаки, характерные для неправомерного принуждения в целом, его следует оценить как недопустимый и отнести к иным незаконным действиям в ст. 347 УК РК.

Продолжая рассматривать проблему соотношения родового понятия неправомерного принуждения и такого его вида, как иные незаконные действия, следует отметить, что недопустимость применения различных способов принуждения, составляющих содержание указанных действий, устанавливается не только путем анализа прямых запретов, закрепленных в текстах уголовного и уголовно-процессуального законов.

Исследуя меры принуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, можно сделать вывод, что в ряде случаев, несмотря на отсутствие прямого запрета на совершение правоприменителем конкретных действий, пределы законности принуждения устанавливаются в зависимости от их характера, назначения и лиц, к которым они применяются, в связи с чем и подразделяются на две группы: меры пресечения и иные меры процессуального принуждения [185, с. 118].

Так, пределы возможного в отношении конкретного лица четко определяются законодателем в соответствии с процессуальным положением последнего по уголовному делу [186, с. 36]. Поэтому свидетели в отличие от обвиняемых не могут быть арестованы, а последние, в свою очередь, не могут быть привлечены к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний. В связи с этим следует подчеркнуть, что меры пресечения (например, арест и другие) изначально по своему характеру выступающие вариантами правомерного процессуального принуждения, в случае их применения к свидетелю или потерпевшему с целью получения определенных показаний приобретают черты незаконного принуждения, поскольку применены не к

тем участникам процесса. Отдельные меры процессуального принуждения, не относящиеся к мерам пресечения, такие, например, как уголовно-процессуальное задержание в порядке ст. 132 УПК РК, также могут применяться только к определенным участникам процесса. Их умышленное использование в качестве средства воздействия в отношении иных лиц с целью получения требуемых показаний должно оцениваться как неправомерное принуждение.

Но незаконный характер действий правоприменителя устанавливается не только в случае нарушения им содержащегося в уголовно-процессуальном законе правила о возможном применении конкретных мер принуждения к определенному кругу лиц. Принуждение будет незаконным и тогда, когда отдельные его меры, непосредственно предусмотренные в законе, используются правоприменителем для получения показаний в отношении установленного круга лиц, но не по основаниям, указанным в законе. В этом случае незаконность мер принуждения будет определяться их необоснованностью [187, с. 64], поскольку они используются без точного соблюдения процессуальных гарантий, являющихся обязательным признаком правомерного принуждения [188, с. 145]. Так, правоприменитель, стремящийся получить правдивые показания у лица, подозреваемого в преступлении, за совершение которого не предусмотрено лишение свободы и с этой целью производящий задержание в порядке ст. 132 УПК РК, очевидно, использует данную меру принуждения незаконно.

Также, неправомерным должно признаваться принуждение, не обладающее признаком допустимости из-за отсутствия в тексте уголовно-процессуального закона нормативного закрепления примененного метода воздействия [189, с. 62], например, гипноза. В рамках уголовного процесса неоднократно высказывались предложения о детальной регламентации деятельности субъектов уголовного судопроизводства и обстоятельств закрепленных в законе процедур [190, с. 93]. Подобное закрепление является гарантией правомерности применяемого принуждения, поскольку детальная регламентация в законе допустимости приемов и средств, применяемых в процессе осуществления следственных действий, обуславливает характер и пределы правомерного принуждения, позволяя ограничивать его от принуждения неправомерного [191, с. 45-47].

Изложенное позволяет сделать вывод, что такой элемент родового понятия неправомерного принуждения, как иные незаконные действия, прежде всего, должен предусматривать в качестве обязательного признака преодоление воли допрашиваемого путем создания условий, при которых выполнение требований правоприменителя является единственной осознаваемой принуждаемым возможностью избежать противоправных ограниче-

ний и лишений. Обладая указанным обязательным признаком, иные незаконные действия кроме того должны содержать признак недопустимости и в обобщенном виде как: 1) способы воздействия, закрепленные в УК в качестве самостоятельных преступлений (кроме угроз и шантажа, которые не относятся к иным незаконным действиям, поскольку прямо перечислены в ст. 347 УК РК); 2) предусмотренные законом, но примененные сотрудником органов внутренних дел ненадлежащим образом: либо не к тем участникам процесса, либо без соблюдения порядка и условий их использования; 3) не имеющие никакого нормативного закрепления.

Следует отметить, что использованная законодателем обобщенная формулировка «иные незаконные действия» предполагает в отличие от угроз и шантажа фактическое совершение представителем власти деяний, непосредственно направленных на создание условий, ущемляющих права и интересы принуждаемого. Таких, например, как лишение подозреваемого или обвиняемого передач, содержание под стражей в ненадлежащих условиях, изменение условий содержания в нарушение требований закона, создание особой обстановки допроса, воздействующей на допрашиваемого в силу его суверенности. Подобные действия сотрудника органа внутренних дел, примененные к лицу с целью получения показаний, должны рассматриваться как недопустимые и, следовательно, незаконные способы воздействия в рамках иных незаконных действий изложены в ст. 347 УК РК.

Правовому исследованию насилия в юридической литературе уделяется внимание как в специальных исследованиях (уголовно-правового и криминологического характера) [115; 168; 192; 193], так и в исследованиях, затрагивающих лишь некоторые стороны данного феномена [194; 195].

Законодатель, закрепив в качестве одного из признаков ст. 347-1 УК РК «физические и психические страдания», имел в виду его конкретный вид — физическое и психическое насилие.

Приведем классификацию насилия, предложенную в конце XIX в. В. Д. Спасовичем, выделившим в зависимости от влияния на поведение лица безусловное и условное насилие [196, с. 145].

В первом случае применение физической силы превращает лицо как бы в неодушевленный предмет, орудие в руках другого, во втором — лицо главным образом воздействует на волю другого, заставляя его подчиниться. Именно насилие, связанное с особенностями субъективной стороны, свойственно пыткам.

Л. Д. Гаухман определял физическое насилие как «общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека, совершенное против его воли» [167, с. 3]. Однако в настоящее время исследователи физического насилия отмечают, что в ряде случаев виновный действует

скрытно от потерпевшего (например, наносит удар сзади), то есть воздействует не против, а помимо его воли. Р. Д. Шарапов, отметив данное обстоятельство, закрепил в определении физического насилия его умышленный характер, причинение вредного физического последствия другому человеку, а также способ воздействия [193, с. 7].

Полагаем, что указание на причинение вредного физического последствия не вполне верно, так как в составах насильственных преступлений, сконструированных по типу формальных, наступления каких-либо последствий для признания преступления окончанным не требуется. Кроме того, физическое последствие вообще может не наступить по не зависящим от виновного обстоятельствам, однако это не свидетельствует о том, что насилие не имело место.

Физическое насилие может представлять собой действие либо бездействие, что можно наглядно увидеть на примере.

Так, 2 ноября 2004 г. оперуполномоченные 1-го отдела полиции УВД г. Петропавловска Р. и К. с целью получения признательных показаний от гр. П. применили к нему физическое насилие. Р. нанес потерпевшему удар ногой в живот, К. кулаком ударил П. по голове, затем головой о стену, а также нанес несколько ударов по шее. После того, как потерпевший упал, виновные вдвоем стали наносить ему удары ногами и руками, требуя признательных показаний. Через некоторое время К. пристегнул потерпевшего наручниками к решетке и совместно с Р. продолжили его избиение. Получив отказ гр. П. сознаться в инкриминируемом преступлении, Р. вышел из кабинета, а К. продолжил избиение пристегнутого потерпевшего [197].

В данном случае объективная сторона представлена действиями К. и Р., носящими сложный характер (в виде множественных ударов руками и ногами, пристегивания наручниками), направленными на причинение вреда здоровью.

На наш взгляд, не вызывает сомнения и существование физического насилия в форме бездействия, хотя Т. В. Кондрашева полагает, что насилие всегда представляет собой действие [198, с. 12] — гипотетически возможно представить ситуацию, когда с целью получения необходимых показаний лицо лишают воды, пищи, ограничивают свободу передвижения.

По поводу ограничения свободы в литературе существует три различных мнения: 1) ограничение свободы потерпевшего не признается насилием; 2) ограничение свободы признается насилием [140, с. 6]; 3) насилием признается не всякое, а лишь соединенное с непосредственным воздействием на тело потерпевшего ограничением свободы [192, с. 11-12].

Мы придерживаемся второй точки зрения, так как в случае лишения свободы человек физически ограничен в возможности действовать по своей

воле, кроме того, в результате лишения свободы, исходящего от обличенного властью должностного лица, представляющего собой в этот момент всю мощь государственного органа, лицу причиняются очень серьезные психические и физические страдания.

В городском отделе полиции г. Петропавловска был факт, когда допрашиваемый, оставленный в кабинете для того, чтобы «подумать», выбросился из окна четвертого этажа. Позже окна городского отдела полиции были закрыты решетками.

Лишение пищи и воды, необходимой медицинской помощи, чтобы получить показания от допрашиваемого лица, также следует квалифицировать как пытки (по ч. 1 ст. 347-1 УК РК).

Продолжая рассматривать пытки, следует затронуть вопрос уголовно-правовой оценки действий лица, применяющего в целях получения сведений или признаний сильнодействующие, ядовитые, одурманивающие вещества.

Их применение может осуществляться либо путем насильственного введения потерпевшему либо обманным или тайным путем.

В. В. Ераксин полагает, что в последнем случае в основу признания либо непризнания действий насилем должно быть положено наступление либо ненаступление последствий [194, с. 45-46].

Мы считаем, что содеянное вне зависимости от последствий следует рассматривать как пытки, поскольку потерпевший не осознает факт принятия веществ, а также возможные последствия этого. Под влиянием растормаживающих веществ человек теряет способность контролировать свое поведение (поскольку он не осознает возможности выбора вариантов поведения), действия лица, задающего вопросы, вследствие этого приобретает характер императивности, а значит, они являются, по сути, пытками.

Оценка не изменится и в случаях, если имела место ошибка в средствах либо потерпевший оказался невосприимчив к ним или обучен приемам противодействия.

Кроме того, ситуацию с обманным введением потерпевшему средств, облегчающих дачу показаний, следует отличать от не наказуемого по данной норме подкупа предоставлением наркотических средств, алкоголя. В последнем случае сотрудники правоохранительных органов оговаривают условия, при котором лицо даст показания, за ним остается свобода выбора того либо иного варианта поведения. В первой же ситуации существо показаний не оговаривается, однако виновные надеются, что в состоянии наркотического или алкогольного опьянения лица от него возможно будет получить необходимые данные. В данном случае нельзя вести речь о наличии у лица свободы волеизъявления.

Нельзя признавать насильственным и допрос лица, находящегося в беспомощном состоянии (например, в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, болевого шока, иного болезненного состояния), при условии, что виновные не выполняли никаких действий для приведения лица в данное состояние. Последнее рассматривается как неспособность лица в силу своего физического или психического состояния понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление виновному.

Полагаем, что если бы законодатель рассматривал подобные действия как пытки, то он сконструировал бы диспозицию нормы по аналогии с первыми частями ст. ст. 120 и 121 УК РК, где наряду с насилием закреплено и совершение данных преступлений с использованием беспомощного состояния.

Таким образом, *под физическим и психическим страданием по смыслу ст. 347-1 УК РК следует понимать не только непосредственное причинение виновным физического насилия, вреда здоровью потерпевшему, но и лишение его свободы, применение психотропных, лекарственных, наркотических средств, гипноза и близких к гипнотическому воздействию низкочастотных, ультразвуковых, других генераторов*. Не должно, на наш взгляд, квалифицироваться как пытки оскорбление действием (нанесение пощечин), в котором, по справедливому мнению Л. Д. Гаухмана, умысел виновного направлен на причинение физической боли потерпевшему [167, с. 13].

По мнению ученых, основными признаками пытки являются: а) причинение человеку сильной боли или страданий, физических или нравственных; б) цель — получить признание, наказать, запугать или принудить к каким-либо действиям или сообщениям; в) субъект — государственное должностное лицо или иное лицо, выступающее в официальном качестве (в нашем случае субъектом выступает сотрудник ОВД, производящий расследование или дознание).

Систематичность нанесения вреда здоровью не может быть признаком определения пытки, поскольку данный способ характеризует истязания. Помимо этого, истязания, как и предлагаемые дефиниции пытки, могут заключаться и в однократном применении насилия при определенных условиях, если они характеризуются интенсивным и продолжительным воздействием на человеческий организм, и потерпевшему при этом причиняются особые физические или психические страдания.

Обозначение разными словами одинаковых понятий (синонимия), наблюдаемое в данном случае, по замечанию Н. Ф. Кузнецовой, затрудняет квалификацию и нарушает требования законодательной техники [199, с. 26-27].

В случаях, когда нормы международного права становятся источником национального права, средством имплементации нормы становится метод трансформации, допускающий различия норм в силу своеобразия уголовной политики каждого государства [200, с. 14-15]. Это означает, что определенные конструктивные признаки нормы могут иметь иное, нежели в международном праве, содержание, а правила законодательной техники и принцип экономии текста закона допускают применение одного, более широкого по смыслу, понятия вместо нескольких узких.

Диспозиция нормы об уголовной ответственности за пытки не включает указание на так называемые факультативные признаки объективной стороны преступления, однако, исследование судебной практики и материалов об отказе в возбуждении уголовных дел, свидетельствует о распространенности фактов пыток с использованием табельного оружия, специальных средств (палок резиновых, наручников, спецсредства «Черемуха»), средств индивидуальной защиты (противогазов), электроприборов (92 % изученных случаев).

Наиболее распространенными являются случаи применения наручников и резиновых палок (3/5 от числа материалов об отказе в возбуждении уголовного дела). Остальную часть составляют факты использования электроприборов и табельного оружия, а также других подручных средств (мешков, наполненных песком, ножей, горячей воды, механических печатных машинок, тисков и др.).

Полагаем, что использование орудий и средств значительно повышает общественную опасность пыток, поэтому должно обязательно учитываться при назначении наказания.

Следует отметить, что в виду важности деятельности по получению доказательственной информации от участников уголовного процесса состав сконструирован как формальный. Так, Г. В. Тимейко отмечал, что, помимо всего прочего, «разграничение материальных и формальных составов преступлений имеет важное значение для определения объективных границ приготовления и покушения» [201, с. 105].

Действительно, в составах, где обязательным признаком является наступление последствий, действия, не повлекшие таковых, будут являться покушением. В формальных составах, где наступление последствий не обязательно, само выполнение действий, составляющих объективную сторону, означает наличие оконченного состава преступления.

Моментом окончания состава, предусмотренного ст. 347-1 УК РК, признается момент умышленного причинения физических и психических страданий. Однако мы полагаем, что данное высказывание нуждается в уточнении: преступление окончено не просто с момента причинения физических

и психических страданий к потерпевшему, а именно с применения указанных действий в связи с получением от него каких-либо показаний. Иначе, т. е. в отрыве от цели, без нее, действия виновного следует рассматривать, как насилие и надлежит квалифицировать по ст. 308 УК РК.

Приготовление к пыткам наказуемо постольку, поскольку предусмотренный ст. 347-1 УК РК состав отнесен законодателем к категории тяжких преступлений, а в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РК за данные действия наступает уголовная ответственность.

Приготовление может выражаться как в приискании, изготовлении либо приспособлении лицом средств или орудий совершения преступления, так и в иных, предусмотренных ч. 1 ст. 24 УК РК, действиях.

Подводя итог юридического анализа объективной стороны ст. ст. 347, 347-1 УК РК отметим следующее.

1. Угроза совершением правомерных действий, обман и подкуп с целью получения «нужных» показаний как способы, не обладающие императивным характером и предполагающие определенную свободу волеизъявления потерпевшего, должны наказываться лишь в том случае, когда с их помощью получают ложные показания. Нет сомнения, что в результате такого поведения наносится вред интересам правосудия, но глава 15 УК РК не содержит норм, предусматривающих ответственность за подобные действия со стороны должностных лиц.

2. Для устранения образовавшегося в настоящее время пробела в уголовном законодательстве в ч. ч. 2, 3 и 4 ст. 354 УК РК следует предусмотреть ответственность общего субъекта за принуждение к даче правдивых показаний.

3. Кроме того, установив круг потерпевших в ст. 347 УК РК (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и эксперт), законодатель не включил обвиняемого и подозреваемого в число потерпевших в ст. 354 УК РК. Считаю, что необходимо включить перечисленных лиц под охрану данной статьи, поскольку, работая в оперативном отделе УВД г. Петропавловска, диссертант сталкивался в фактами давления со стороны соучастников подозреваемого, заставлявших последнего взять на себя вину в совершенном преступлении.

4. Основными признаками пытки являются: а) причинение человеку сильной боли или страданий, физических или нравственных; б) цель — получить признание, наказать, запугать или принудить к каким-либо действиям.

5. Проведенный анализ действующего уголовного законодательства свидетельствует о том, что ответственность за преступления, предусмотренные ст. 347 УК РК и ст. 347-1 УК РК, возможна лишь в случае психиче-

ского либо физического воздействия на лицо с целью получения показаний, т. е. выдачи какой-либо информации. Вместе с тем, в судебно-следственной практике имеют место факты принуждения к выдаче вещественных доказательств, предметов и документов, запрещенных к обращению, которые в настоящее время квалифицируются правоприменителями по ст. 308 УК РК, что, по мнению диссертанта, не соответствует требованиям законности и справедливости, поскольку при совершении подобного рода деяний, в первую очередь, затрагиваются интересы правосудия.

В этой связи, предлагаем в главе «Преступления против правосудия» УК РК предусмотреть ответственность за подобные действия и изложить в следующей редакции:

«Статья 347-2. Принуждение к выдаче вещественных доказательств или предметов и документов, запрещенных к обращению

1. Принуждение к выдаче вещественных доказательств или предметов и документов, запрещенных к обращению, со стороны лица, производящего предварительное расследование, путем использования угроз или иных незаконных действий, — наказывается ...

2. То же деяние, соединенное с применением пытки, — наказывается ...».

2.3 Субъект преступлений, предусмотренных статьями 347, 347-1 УК РК

Переходя к анализу субъекта преступлений, предусмотренных ст. ст. 347, 347-1 УК РК, следует отметить, что указание на следователя, как субъекта принуждения к даче показаний и пыток впервые появилось в ст. 462 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Редакция Уложения 1866 г. расширила перечень субъектов, включив в него лицо полиции, производящее дознание. Данные положения были без изменений восприняты законодательством Советской России, а далее и КазССР и сохранились в действующих нормах. Уголовный кодекс 1997 г. называет субъектами принуждения к даче показаний следователя и лицо, производящее дознание, ст. 347-1 УК РК помимо указанных лиц называет и иное должностное лицо. Согласно примечанию 3 к ст. 307 УК РК, должностными лицами признаются лица постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного са-

моуправления, а также в Вооруженных Силах Республики Казахстан, других войсках и воинских формированиях Республики Казахстан.

Понятие представителя власти законодательно закреплено в примечании 1 к ст. 320 УК РК, согласно которому таковым признается должностное лицо государственного органа, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Это могут быть депутаты Парламента и местных представительных органов, члены Правительства, акимы, прокуроры, судьи, следователи, работники правоохранительных и фискальных органов и др.

Выполнение организационно-распорядительных функций означает в самом общем смысле этого понятия управление людьми, то есть руководство служебной деятельностью подчиненных сотрудников, коллективом, участком работы и пр. Это может выражаться в подборе и расстановке кадров, определении основных направлений работы, даче конкретных служебных поручений, контроле над исполнением решений, поддержании трудовой дисциплины и т. п. Такого рода функции выполняют руководители и заместители руководителей государственных органов (органов местного самоуправления) и их структурных подразделений, военачальники, иные лица, имеющие в подчинении сотрудников государственных органов (органов местного самоуправления), имеющие право отдавать распоряжения, обязательные для исполнения сотрудниками данных органов.

К должностным лицам относятся и такие сотрудники государственных органов или органов местного самоуправления, которые, хотя и не имеют в подчинении других лиц, но наделены полномочиями совершать юридически значимые (способные порождать, изменять или прекращать правовые отношения) действия. Такие действия, как правило, по своему содержанию являются организационно-распорядительными. Например, выдача от имени государственного органа документа, подтверждающего наличие какого-либо юридического факта. Что касается сотрудника государственного органа (органа местного самоуправления), выполняющего чисто профессиональные (например, консультационные) или технические обязанности, даже если он является государственным служащим, такой сотрудник не может быть признан должностным лицом. Точно также не может быть признан должностным лицом рядовой военнослужащий, если он не наделен специальными полномочиями.

Административно-хозяйственные функции состоят в распоряжении и управлении имуществом государственных органов, органов местного государственного управления, воинских подразделений. Как правило, такого рода функциями наделены руководители и ответственные работники фи-

нансовых, снабженческих и других структур указанных органов и воинских подразделений, то есть лица, имеющие право принимать решения, связанные с распоряжением и управлением имуществом. Не могут быть признаны должностными лица, использующие имущество в процессе своей производственной, служебной деятельности (шоферы, секретари-референты, программисты и пр.), даже если с ними заключены договоры о материальной ответственности. Определяющим здесь является не наличие материальной ответственности, а наличие правомочия на распоряжение, управление имуществом.

Согласно закону исполнение функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций может осуществляться как постоянно, так и временно или по специальному полномочию. Иными словами, для признания лица должностным не имеет значения, назначен ли субъект на связанную с выполнением указанных функций должность в государственном органе, замещает ли ее по другим основаниям или исполняет обязанности временно. При этом выполнение указанных функций может быть как возмездным, так и безвозмездным. Например, должностными лицами могут быть признаны руководители различных консультативно-совещательных органов при главе государства или Правительстве, внештатные помощники (советники) акимов, депутатов и пр., при выполнении полномочий организационно-распорядительного характера.

Как уже отмечалось выше, для признания лица должностным необходимо чтобы оно выполняло перечисленные функции в государственных органах, органах местного государственного управления или в Вооруженных Силах, других воинских формированиях Республики Казахстан. Исключением составляют представители власти, которые могут работать только в государственном органе. Если указанные функции лицо выполняет в общественном объединении, частном предприятии или в государственном учреждении (не органе), например, учебном или лечебном заведении, то оно может быть признано приравненным к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций.

Теория уголовного права относит перечисленных лиц к специальным субъектам.

А. Н. Трайнин выделяет из круга специальных субъектов, круг которых очерчен широко (должностные лица, военнослужащие), конкретных субъектов [202, с. 191-194].

Б. С. Орлов именует их специально-конкретными, указывая, что термин «конкретные субъекты» предполагает реально существующее явление. Предусмотреть заранее в законе, кто конкретно может явиться субъектом

данного преступления, естественно, не представляется возможным. Наименование «специально-конкретные» указывает, что субъектом может быть не любой человек, совершивший преступление в связи с неисполнением специальных обязанностей вообще, а лишь человек, совершивший преступление в связи с нарушением конкретно определенных специальных обязанностей [203, с. 178-179].

В соответствии с УК РК, нами было дано понятие должностного лица (примечание ст. 307 УК РК). В других случаях законодательство указывает лишь отдельные, наиболее характерные признаки специальных субъектов: прокурор, следователь, свидетель, потерпевший, эксперт.

В целом, разделяя понятие, предложенное Р. Орымбаевым [204, с. 24], В. А. Владимировым, Г. А. Левицким [205, с. 8], С. А. Семеновым [206, с. 8] и другими, мы не будем затрагивать вопросы, связанные с обширной категорией специальных субъектов и уяснением понятия «специальный субъект».

Нами уже высказывалось предложение о расширении круга отношений, охраняемых главой 15 УК РК. Однако тщательное изучение проблемы квалификации противоправных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний, основанное, прежде всего, на анализе уголовно-процессуальных терминов «следователь», «лицо, производящее дознание», указало, что круг субъектов принуждения к даче показаний необходимо расширить. Чуть ниже мы более подробно остановимся на данном предложении.

Результаты опроса работников прокуратуры, которым задавался вопрос: «Сотрудники каких подразделений наиболее часто применяют пытки с целью получения показаний или принуждают к даче показаний?», содержатся в приведенной ниже диаграмме (рисунок 1).

Как видно из приведенной ниже диаграммы большинство респондентов указало на сотрудников криминальной полиции и следователей МВД, как субъектов данных преступлений 34 %, соответственно. На втором месте — дознаватели МВД — 12 %. На сотрудников подразделений по борьбе с организованной преступностью (сотрудники ОП) — 11 %. На сотрудников финансовой полиции указало 9 % респондентов.

Данные анкетного опроса подтверждает и анализ материалов об отказе в возбуждении уголовного дела: в 96,5 % материалов субъектом выступали сотрудники криминальной полиции. Оставшиеся 3,5 % составили участковые инспектора, осуществляющие дознание, и следователи (Приложения Б, В).

Рисунок 1 — Субъекты принуждения к даче показаний и пыток по данным опроса работников прокуратуры (в %)

Известно, что основная работа по раскрытию преступлений лежит на сотрудниках службы криминальной полиции. Частые контакты последних со свидетелями и подозреваемыми, груз ответственности за раскрытие каждого зарегистрированного на обслуживаемой территории преступления, низкий профессиональный уровень делают их самой распространенной категорией субъектов принуждения к даче показаний и пыток.

По справедливому мнению ученых, затрагивающих проблемы уголовной ответственности за принуждение к даче показаний, субъектом преступления является не любое лицо перечисленных выше органов, занимающее должность следователя или работника органа дознания, а лицо, производящее предварительное следствие по конкретному уголовному делу [40, с. 140].

В отношении ст. 347 УК РК дискуссионным является вопрос о том, может ли признаваться субъектом исследуемого преступления любой оперативный работник органа дознания, принимающий участие в процессе получения показаний у различных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Оперативные работники органов дознания будут признаваться субъектом пыток либо принуждения к даче показаний лишь в том случае, когда, во-первых, они проводят дознание по конкретному уголовному делу. Во-вторых, эти оперативные работники могут не проводить полностью дознание по делу, а выполнять отдельные поручения следователя или лица производящего дознание. В-третьих, действия оперативных работников органов дознания должны содержать признаки объективной стороны состава принуждения к даче показаний либо состава пыток. В этих случаях мы можем признать оперативных сотрудников органов дознания субъектами вышеуказанных преступлений.

Как было указано выше, следователь или лицо, производящее дознание, имеет право давать отдельные поручения другому органу дознания на выполнение отдельных следственных действий. При этом субъектом принуждения к даче показаний или пыток кроме оперативных работников могут быть и другие сотрудники органа дознания. К ним можно отнести: начальников отделений и их заместителей, дознавателей, участковых инспекторов, оперативных дежурных, инспекторов по делам несовершеннолетних и т. д., — всех тех сотрудников ОВД, которые имеют право производить до-

знание по уголовным делам. Если данные сотрудники органа дознания выполняют следственные действия на основании отдельного поручения и применяют противоправные действия с целью получения показаний к допрашиваемому, то эти лица мы вправе признавать субъектами принуждения к даче показаний либо пыток.

Данную проблему, как отмечает Б. М. Курманбаев [207], необходимо рассматривать с двух позиций. Во-первых, о квалификации действий нескольких должностных лиц, наделенных правом производства предварительного следствия или дознания, и, во-вторых, о юридической оценке принуждения к даче показаний, совершенного лицом, производящим следствие или дознание, и другим лицом, не являющимся должностным.

Рассматривая вопрос о соучастии нескольких должностных лиц при принуждении к даче показаний, необходимо исходить из следующего положения, что непосредственным исполнителем этого преступления будет являться лицо, которое персонально проводит следствие или дознание по конкретному уголовному делу. Действия остальных должностных лиц следует квалифицировать со ссылкой на ст. 28 УК РК. Признавая их в зависимости от совершенных деяний либо организаторами, либо пособниками, либо подстрекателями принуждения к даче показаний. Данное положение исходит из требования закона о том, что противоправные действия должны непосредственно исходить от следователя или лица, производящего дознание, которое на момент совершения принуждения производило следствие или дознание по уголовному делу, в связи, с которым давались показания. Это лицо и следует признавать исполнителем преступления. В то же время для расследования сложных преступлений, как известно, создаются следственные группы, и если несколько следователей, совместно расследующих одно уголовное дело, одновременно оказывают незаконное давление на лицо с целью получения показаний по этому делу, то мы полагаем, что следователи являются соисполнителями принуждения к даче показаний, и при квалификации их действий ссылка на ст. 28 УК РК не требуется.

В случае непосредственного совершения преступления лицами, одно из которых обладает юридическими признаками субъекта преступления, действия последнего подлежат квалификации как действия исполнителя по соответствующей статье Уголовного кодекса. Действия иных субъектов должны оцениваться как пособничество в совершении принуждения к даче показаний. Однако не все авторы согласны с предлагаемым вариантом квалификации. В связи с этим определенным интерес представляет мнение С. А. Семенова, предлагающего ввести в теорию и практику понятие соисполнителя, как самостоятельного вида соучастников, под которым следует понимать лицо, выполняющее преступное деяние совместно с исполните-

лем, но не обладающее специальными признаками, свойственными последнему [206, с. 22-24].

Когда лицо, обладающее юридическими признаками субъекта преступления, не принимает непосредственного участия в совершении принуждения к даче показаний либо пыток, а привлекает для этого иное лицо, не являющееся специальным субъектом, действия специального субъекта, по мнению ряда авторов, следует рассматривать как один из вариантов посредственного исполнения, под которым понимается преступная деятельность субъекта, умышленно использующего для своей преступной цели при выполнении объективной стороны состава преступления в качестве орудия другое физическое лицо, не обладающее общими или специальными признаками субъекта преступления [208, с. 10-11].

Известно, что при посредственном исполнении действия виновного, побудившего иное лицо, не являющееся специальным субъектом, совершить принуждение к даче показаний либо пытки, следует квалифицировать как фактическое исполнение данного преступления, а действия лица, непосредственно выполнившего принуждение к даче показаний или пытки, как пособничество в его совершении. Так, в ч. 2 ст. 28 УК РК прямо указывается, что исполнителем признается лицо, в том числе совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим кодексом, а в ч. 3 ст. 29 УК РК отмечено, что лицо, не являющееся субъектом преступления специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

Предложенный законодателем вариант квалификации «посредственного исполнения» по сути своей не оригинален. Еще в конце 50-х годов прошлого столетия П. И. Гришаев и Г. А. Кригер, анализируя проблемы квалификации соучастия в должностных преступлениях и соответствующую судебную практику, указывали, что в тех случаях, когда действия, образующие состав преступления, выполняются только частным лицом, а должностное лицо склоняет его к совершению или создает условия для осуществления данного преступления, должностное лицо должно привлекаться к уголовной ответственности в качестве исполнителя должностного преступления, а частное лицо — в качестве пособника [209, с. 235].

На наш взгляд, подобный вариант квалификации действий виновных, несмотря на его законодательное закрепление, представляется достаточно спорным. Очевидно, что случаи использования лиц, не обладающих при-

знаками специального субъекта, должны оцениваться иначе, отличаясь по квалификации от традиционных вариантов посредственного исполнения, предполагающих использование лиц, не обладающих такими признаками общего субъекта, как вменяемость или достижение определенного возраста. Иной вариант квалификации допускается иногда и сторонниками позиции посредственного исполнения, предлагающими в ряде случаев отличную от традиционной квалификацию действий виновных. Например, В. С. Прохоров указывает, что в случае посредственного исполнения, сопровождающегося психическим принуждением, не вызвавшем состояния крайней необходимости, принуждавший является подстрекателем, а принуждаемый — исполнителем соответствующего преступления [210, с. 613]. Полагаем, однако, что предложенный вариант квалификации действий виновных противоречит институту специального субъекта, нивелируя значение последнего.

По нашему мнению, проблема заключается в самой идее посредственного исполнения, рассматривающей лицо, непосредственно выполняющее объективную сторону преступления, в качестве орудия его совершения. Безусловно, лица, манипулирующие невиновными (невменяемыми, лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности), подлежат ответственности так же, как если бы они использовали технические средства, орудия для достижения своих преступных целей. Но может ли аналогичным образом рассматриваться ситуация и в тех случаях, когда для совершения преступления используется лицо, обладающее необходимыми признаками общего субъекта, т. е. не являющееся невиновным [211, с. 474-475]?

Полагаем, ответ должен быть отрицательным. По мнению В. И. Ткаченко и А. М. Царегородцева, в том случае, если представителем власти к выполнению действий по принуждению к даче показаний привлечалось лицо, не имеющее признаков специального субъекта, в зависимости от выполненной последним роли, содеянное им должно квалифицироваться как принуждение к даче ложных показаний или ложному заключению [212, с. 42]. С предложенным вариантом квалификации действий виновного, не обладающего признаками специального субъекта, нельзя согласиться, так как из сферы уголовно-правового воздействия исключаются случаи принуждения к даче правдивых показаний, не предусмотренные указанной нормой. Наиболее целесообразной представляется квалификация действий подобных лиц в зависимости от наступивших последствий, например, как преступлений против личности.

Не менее дискуссионным является вопрос, касающийся уголовной ответственности специального субъекта. А. А. Пионтковский, рассмотрев по-

добные случаи применительно к ряду преступлений, предложил вменить виновному лицу совокупность злоупотребления должностными полномочиями и соучастие в преступлении, совершенном исполнителем [159, с. 484]. Полагаем, однако, что создание у лица, не обладающего признаками специального субъекта, решимости совершить преступление не может рассматриваться как осуществление должностным лицом определенных функций в рамках предоставленных ему полномочий. В данном случае речь должна идти о превышении специальным субъектом должностных полномочий. Полагаем, что в случае, если лицо, обладающее юридическими признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 347 УК РК, не принимает непосредственного участия в совершении указанного преступления, а привлекает для этого иное лицо, не являющееся специальным субъектом, действия представителя власти должны квалифицироваться как превышение должностных полномочий и подстрекательство общего субъекта, в зависимости от наступивших последствий, к соответствующему преступлению против личности.

В части 2 ст. 347-1 УК РК предусмотрена ответственность за совершенные пытки группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Данные квалифицирующие признаки будут рассмотрены нами ниже в подразделе, посвященному квалифицирующим признакам ст. 347-1 УК РК.

2.4 Субъективная сторона принуждения к даче показаний и пыток

Проблеме субъективной стороны в формальных составах (к которым относятся составы, предусмотренные ст. ст. 347, 347-1 УК РК) в уголовно-правовой литературе уделяется значительное внимание. Наибольшее количество споров при этом возникает при рассмотрении обязательного признака объективной стороны.

Большинство авторов полагает, что в таких преступлениях вина возможна лишь в форме прямого умысла [78, с. 335; 79, с. 134; 213, с. 39], однако существуют и другие высказывания, которые считают возможным совершение данных преступлений с косвенным умыслом. Такого мнения, например, придерживались русский профессор Э. Я. Немировский, а позднее Г. А. Злобин, В. Н. Кудрявцев, Б. С. Никифоров и Б. С. Утевский [214, с. 404; 215, с. 167; 216, с. 188; 217, с. 238].

Профессор П. С. Дагель считает, что раз в формальных составах «последствие не является элементом состава, психическое отношение к нему либо отсутствует вообще, либо не влияет на форму вины и квалификацию

преступления ... Деление умысла в формальных составах на прямой и косвенный лишено смысла. В формальных составах правильное просто говорить об умысле» без его деления на виды [218, с. 74].

В юридической литературе как аксиома воспринимается утверждение, что понятие прямого и косвенного умысла сформулировано в Уголовном кодексе для материальных составов. Мы придерживаемся точки зрения профессора А. И. Марцева, согласно которой «формулировка умысла ... полностью охватывает структуру психического отношения, как при материальном составе преступления, так и при формальном» [219, с. 42].

В качестве аргументов данной позиции можно привести то, что так называемое «формальное» преступление, хотя и не содержит в качестве признака объективной стороны указания на последствия, все же влечет их. Это означает, что вне зависимости от конструкции состава преступления у виновного формируется психическое отношение к возможным последствиям. Причинами же конструирования составов преступлений по типу формальных являются не только высокая степень опасности уже самих действий, направленных на объект уголовно-правовой охраны и неизбежно влекущих последствия, но и многообразие последних, а также сложность их оценки [220, с. 67-68].

Понятие умысла содержится в ст. 20 УК РК, согласно которой преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело возможность или неизбежность общественно опасных последствий и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично. Таким образом, в УК РК содержится указание на два элемента умысла:

1) сознание общественно опасного характера действия или бездействия и предвидение возможности или неизбежности общественно опасных последствий;

2) желание наступления общественно опасных последствий, их сознательное допущение или безразличное к ним отношение.

Первый элемент умысла, включающий сознание общественно опасного характера деяния и предвидение общественно опасных последствий, относится к интеллектуальной сфере психики виновного. Следует при этом иметь в виду, что, характеризуя интеллектуальный момент при умысле, закон пользуется двумя различными показателями: сознание и предвидение. Лицо, умышленно совершающее преступление, сознает общественно опасный характер своего действия или бездействия и предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий. Сознание общественной опасности характера своего действия присуще всем без

исключения умышленным преступлениям и относится к моменту совершения виновным самого действия. В случае предварительной преступной деятельности, когда умысел является заранее обдуманым, лицо осознает общественную опасность своего деяния еще до совершения преступления. Предвидение общественно опасных последствий предполагает понимание виновным возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий. «Предвидение» в отличие от «сознания» относится к сфере будущего, к тому, что могут наступить общественно опасные последствия в результате совершения деяния. Предвидение, как необходимый признак интеллектуальной стороны умысла, присуще лишь умышленным преступлениям, при описании состава которых в законе указывается на причинение или возможности причинения конкретных общественно опасных последствий.

Второй элемент умысла, где указывается на желание наступления общественно опасных последствий или сознательное допущение их наступления, а равно безразличное к ним отношение, относится к волевой сфере психики виновного. Закон указывает на два вида этого волевого момента умысла. При первом из них лицо, предвидя общественно опасные последствия своего действия или бездействия, желает их наступления. При другом из них лицо, предвидя общественно опасные последствия своего действия или бездействия, сознательно допускает возможность их наступления или относится к ним безразлично.

Таким образом, ст. 20 УК РК не только дает общее понятие умысла, но и содержит определение двух видов умысла: прямого и косвенного.

Прямой умысел характеризуется тем, что лицо, совершившее преступление, осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность или неизбежность общественно опасных последствий и желало их наступления.

При описании интеллектуального элемента умысла законодатель прежде всего указывает на сознание общественно опасного характера своего деяния. Сознать — это значит не только знать о фактических обстоятельствах совершенного преступления, но и воспринимать их [71, с. 684].

Если знание больше всего принадлежит к области памяти, то сознание характеризует процесс восприятия, осмысливания. Именно в этом качестве, надо полагать, законодатель применил слово «сознание» для характеристики интеллектуального момента умысла.

Для того чтобы признать, что лицо осознавало общественно опасный характер своих действий (бездействия), достаточно установить факт осознания последним причиняемого его поведением вреда не детально, а лишь в общих чертах.

В содержание умысла законодатель не включает осознание лицом уголовной противоправности совершаемых им действий. Если лицо понимает, что его действия (бездействие) причиняют вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, то оно не может не осознавать, что подобное деяние запрещено уголовным законодательством.

Предвидение общественно опасных последствий означает представление лица о результатах своих действий (бездействия), а также предвидение не только фактических признаков наступивших последствий, но и понимание их социального значения, то есть их вредности для личности, общества и государства.

При прямом умысле лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий. Стреляя в упор в жизненно важные органы другого человека, виновный предвидит неизбежность смерти этого человека. Если виновный стреляет в другого человека, находясь на значительном расстоянии от него, то он предвидит лишь возможность наступления смерти потерпевшего. Таким образом, предвидение общественно опасных последствий может выражаться в сознании лица не только в предвидении неизбежности, но и в предвидении возможности наступления таких последствий.

Для прямого умысла необходимо также, чтобы виновный желал наступления предвиденных им последствий его действий. Желание в психологической науке определяется как целенаправленное стремление. Достигнутый при этом преступный результат является или единственной целью, преследуемой виновным (например, убийство из мести), или необходимым средством для достижения какой-либо другой цели (например, убийство с целью скрыть следы другого преступления).

Таким образом, лицо, принуждающее к даче показаний, осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и может как желать их, так и относиться к ним безразлично.

В субъективную сторону преступления, наряду с обязательным признаком виной, входят также мотив и цель преступления.

Поскольку прямое указание на мотивы содержится не во всех конкретных составах преступления Особенной части УК, эти признаки являются факультативными.

Мотив преступления — это внутренние побуждения, которыми руководствовался субъект при совершении преступления. Уголовно-правовое значение мотива преступления может быть различным.

При конструкции отдельных составов преступлений мотив вводится как обязательный признак состава преступления. Так, например, в составе

убийства, предусмотренного п. «и» ч. 2 ст. 96 УК РК, обязательным признаком является мотив, наличие хулиганских побуждений. Когда речь идет о таких преступлениях, где обязательным признаком их субъективной стороны является тот или иной мотив, отсутствие требуемого мотива при совершении виновным деяния означает либо отсутствие состава преступления вообще, либо наличие другого состава преступления.

Но и в тех случаях, когда мотив не предусмотрен в качестве обязательного признака субъективной стороны того или иного состава преступления, т. е. является факультативным признаком, выявление мотива совершенного преступления имеет большое значение для определения степени общественной опасности деяния и степени общественной опасности лица, совершившего преступление. Тот или иной мотив может быть либо отягчающим обстоятельством, либо смягчающим обстоятельством при определении наказания виновному. Мотивы очень важны для практической работы. Устранение этих мотивов может предотвратить общественно опасные поступки.

Отдельные составы преступлений сконструированы таким образом, что субъективная сторона их предполагает не только наличие вины в форме умысла, но и специальные цели совершения преступления.

В психологии под целью понимается то будущее, которого желает человек и которого он стремится достичь своей деятельностью. Поэтому цель объединяет в себе представление о желаемом будущем, и активную устремленность к нему.

Целью преступления следует считать то, что хочет достичь лицо, к чему стремится при совершении общественно опасного деяния.

Для одних составов преступлений она является обязательным признаком субъективной стороны, для других — находится за пределами состава.

Также в качестве обязательного признака во многих составах преступлений названа цель. Например, в составах преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства — ст. 165 УК РК «Государственная измена» (цель — подрыв или ослабление внешней безопасности и суверенитета); ст. 179 УК РК — разбой (цель завладения имуществом); ст. 206 УК РК — фальшивомонетничество (цель сбыта); ст. 233 УК РК — терроризм (цель нарушение общественной безопасности, устрашение населения либо оказание воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией). Указание законодателем в диспозициях статей на цель преступления означает, что при отсутствии названных целей нет субъективной стороны состава преступления, а, следовательно, нет и

соответствующего состава преступления. Таким образом, в подобных составах цель преступления влияет на его квалификацию.

Мотив и цель — взаимосвязанные и взаимообусловленные признаки субъективной стороны преступления. Мотив порождает цель деяния, и цель, в свою очередь, укрепляет мотив деяния. Например, мотивом изготовления поддельных денег является корысть, целью же изготовления поддельных денег является их сбыт, мотивом ложного доноса может быть ненависть, месть, целью же доноса — желание привлечения к уголовной ответственности лица, в отношении которого учиняется ложный донос.

Целью рассматриваемых преступлений, по единодушному мнению ученых, является получение от допрашиваемого «нужных» сведений. При этом для квалификации не имеет значения, какие показания «выбивают» виновные. Главное — чтобы допрашивающий рассчитывал в дальнейшем использовать полученные сведения для принятия на их основе решения «в соответствии с УПК».

Цель, как мы уже отмечали, позволяет отграничить попытки, принуждение к даче показаний от превышения должностных полномочий.

В диспозиции ст. 347-1 УК РК указаны наиболее распространенные цели совершения данного преступления:

- а) получить от пытаемого или третьего лица сведения;
- б) добиться признания в совершении какого-либо деяния;
- в) наказать за действие, которое совершили пытаемый или третье лицо;
- г) принудить пытаемого или третье лицо признаться в совершении определенных действий;
- д) запугать пытаемого или третье лицо чем-либо.

Перечисленные цели не являются обязательными признаками состава рассматриваемого преступления и поэтому при их отсутствии возможно применение ст. 347-1 УК РК. Об этом свидетельствует следующая формулировка закона: «... или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера». Это означает, что для состава попыток не имеет значения, совершено ли это преступление с указанными в законе целями или по любой иной причине. Например, желая унижить из хулиганских побуждений, из мести.

Анализ материалов об отказе в возбуждении уголовных дел и судебной практики показывает, что в 98 % случаев виновные принуждали к признанию в совершении того или иного преступления и лишь в 2 % — к даче сведений, уличающих в совершении преступления другое лицо. Полученные данные вполне закономерны, если принять во внимание круг потерпевших, большинство из которых являлось заподозренными либо обладало процессуальным статусом подозреваемого.

Мотивы совершения данных преступлений, как и мотивы преступлений, вообще, в зависимости от конкретного содержания можно разделить на несколько групп.

Среди группы *общественно опасных мотивов* можно выделить: стремление удовлетворить садистские наклонности, самоутвердиться таким образом; карьеризм; корысть.

В группу *общественно положительных мотивов* входят: ложно понятые интересы службы; защита государственных или общественных интересов от общественно опасного посягательства.

Помимо этого, в большинстве случаев в основе преступного поведения лежит не один, а несколько различных мотивов, один из которых является доминирующим — это так называемая полимотивация.

Но, поскольку мотивы совершения данного деяния не являются обязательным элементом состава преступления, они не влияют на классификацию действий виновного, однако должны учитываться при назначении наказания.

Субъективная сторона принуждения к даче показаний и пыток характеризуется прямым умыслом, что не вызывает разногласий в юридической литературе. Интеллектуальный момент прямого умысла складывается из осознания лицом общественно опасного характера своего деяния и предвидения его общественно опасных последствий. Необходимо отметить, что немаловажным фактором служит осознание виновным именно общественной опасности, а не противоправности совершаемого.

Указанное обстоятельство имеет определенное значение. В последнее время получили распространение случаи производства дознания и предварительного следствия лицами без соответствующего образования. Но в любом случае лицо, не обладающее специальными познаниями, позволяющими установить противоправность ряда используемых в процессе дознания и следствия методов получения показаний, тем не менее, может оценить общественно опасный характер таких способов воздействия на участников процесса, как угрозы, пытки и т. п.

Рассматривая место таких деяний, как принуждение к даче показаний и пытки, в системе преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, следует особо остановиться на его мотивации. Несомненно, она весьма различна, в связи с чем в большей степени можно установить признаки так называемой полимотивации, характеризующейся наличием нескольких мотивов, один из которых — доминирующий. Такой мотив проявляется не только в достижении той или иной цели, в частности, получении необходимых показаний, но и в стремлении к удовлетворению иных потребностей, например, потребности в насилии определенной степени, обусловленном в ряде слу-

чаев желанием наведения страха, как на потерпевшего, так и иных лиц, а также для повышения престижа виновного как личности. Таким образом, противоправные действия, совершаемые сотрудниками ОВД с целью получения показаний, — это не только способ получения желаемого, но и агрессивная реакция на потерпевшего, в отношении которого совершаются действия, выходящие за предел жестокости, вполне достаточные в конкретной ситуации для достижения целей преступления [221, с. 29-30].

2.5 Квалифицирующие признаки пыток

В частях 2 и 3 ст. 347-1 УК РК предусмотрены квалифицирующие признаки совершения пыток. Рассмотрим каждый из них подробнее.

В пункте «а» ч. 2 ст. 347-1 УК предусмотрена ответственность за совершение пыток группой лиц или группой лиц по предварительномуговору.

Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Когда преступление совершается не одним, а несколькими взаимодействующими лицами, оно приобретает своеобразную форму, которая не в полной мере согласуется с описанием действий одного лица, представленным в Особенной части УК РК. В связи с этим возникает вопрос, как правильно оценивать и квалифицировать действия соучастников. Назначение норм о соучастии как раз и состоит в разрешении этих вопросов.

Соучастие имеет три юридических признака:

- 1) два и более лица (является объективным);
- 2) совместность их деятельности (содержит как объективные, так и субъективные моменты);
- 3) умышленный характер действий соучастников (характеризует субъективную сторону соучастия).

1. Под лицами в данном случае предполагаются физические вменяемые лица, достигшие возраста уголовной ответственности. Если один из участников достиг возраста ответственности, а другой нет, скажем, в преступлении участвуют взрослый и несовершеннолетний, то следует считать, что преступление совершено одним взрослым лицом. Аналогичная ситуация складывается, когда один из участников является невменяемым.

2. Совместность означает, что лица совершают преступления сообща (вместе). Совместность по-разному проявляется в преступлениях с материальным и формальным составами. В преступлениях с материальными составами совместность выражается в наличии причинной связи между действиями каждого участника и общим результатом. В преступлениях с фор-

мальными составами совместность заключается в совершении каждым участником хотя бы части действий, образующих объективную сторону деяния. Возможен вариант, когда участники совершают все действия вместе от начала и до конца.

3. Умышленный характер действий соучастников означает, что каждый из участников должен осознавать как социальный смысл совершаемых действий, так и то обстоятельство, что эти действия совершаются им не одним, а вместе с другими лицами. Таким образом, умыслом соучастника должны охватываться следующие обстоятельства: 1) фактический и социальный смысл совершаемых им действий (сознание общественной опасности деяния); 2) понимание, что эти действия (хотя бы часть их) совершаются другим лицом; 3) понимание, что другое лицо, совершающее часть или все действия, сознает свое взаимодействие с ним.

Пытки считаются совершенными группой лиц, если в процессе пыток участвовало два или более соисполнителя, которые действовали без предварительного сговора. Например, одно должностное лицо начало пытать потерпевшего, а другое должностное лицо присоединилось к зачинщику пыток и они вдвоем согласованными, совместными действиями причинили потерпевшему физические и психические страдания.

Пытки считаются совершенными группой лиц по предварительному сговору, если между соучастниками этого преступления до начала посягательства имел место предварительный сговор. Данный вид совершения преступления, предусмотренного ст. 347-1 УК РК, представляет повышенную общественную опасность для общества. Группа заранее объединяется с преступной целью пытать потерпевшего (уточняется место, время, способ, орудие совершения пыток). Раскрытие данного вида пыток — сложный процесс. При этом должно быть установлено участие каждого члена группы в преступном деянии. Рассматривая вопрос о соучастии нескольких должностных лиц при пытках, необходимо исходить из следующего положения, что непосредственным исполнителем этого преступления будет являться лицо, которое персонально проводит следствие или дознание по конкретному уголовному делу. Как нами уже было отмечено, действия остальных должностных лиц следует квалифицировать со ссылкой на ст. 28 УК РК. Признавая их в зависимости от совершенных деяний либо организаторами, либо пособниками, либо подстрекателями пыток. В то же время для расследования сложных преступлений, как известно, создаются следственные группы, и если несколько следователей, совместно расследующих одно уголовное дело, одновременно оказывают незаконное давление на лицо, с целью получения показаний по этому делу, то мы полагаем, что

следователи являются соисполнителями пыток, и при квалификации их действий ссылка на ст. 28 УК РК не требуется.

Пункт «б» ч. 2 ст. 347-1 УК РК предусматривает ответственность за неоднократное совершение пыток. Согласно ст. 11 УК РК, неоднократностью преступлений признается совершение двух или более деяний, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи Особенной части Уголовного кодекса РК. Неоднократность преступлений в широком смысле слова — это совершение одним и тем же лицом двух или более преступлений, независимо от того, было ли лицо за них осуждено или нет. В теории и практике различают два вида неоднократности: общую и специальную.

Под общей неоднократностью понимается любое повторение преступлений независимо от их характера и степени общественной опасности. Общая неоднократность не влияет на квалификацию преступлений, но может учитываться судом при назначении наказания как отягчающее ответственность обстоятельство (п. «а» ч. 1 ст. 54 УК РК).

Под специальной неоднократностью понимается совершение виновным двух и более тождественных или однородных преступлений. Именно о такой неоднократности идет речь в ч. 1 ст. 11 УК РК: «неоднократностью преступлений признается совершение двух или более деяний, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи Особенной части Уголовного кодекса».

Понятием неоднократности охватываются как преступления, за которые виновный уже был судим (в этом случае понятие неоднократности смыкается с понятием рецидива), так и деяния, за которые он еще не привлекался к уголовной ответственности. Деяния признаются неоднократными независимо от того квалифицированы ли они как оконченные или неоконченные преступления, был ли виновный исполнителем этих преступлений или выступал в качестве соучастника.

Не составляют неоднократность преступлений деяния, являющиеся административными правонарушениями, дисциплинарными проступками, гражданско-правовыми деликтами, а также действия или бездействия, не являющиеся в силу ч. 2 ст. 9 УК РК преступными. Не будут входить в неоднократность преступлений и деликты, по которым истекли сроки давности уголовного преследования или погашена (снята) судимость. На это прямо указывается в ч. 3 ст. 11 УК РК, а также не раз обращал внимание Пленум Верховного суда Республики Казахстан.

Не образуют неоднократность также деяния, совершенные при других обстоятельствах, исключаящих уголовно-правовые последствия. Речь идет о случаях, когда лицо освобождалось или подлежит освобождению от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 65 УК РК),

при превышении пределов необходимой обороны (ст. 66 УК РК), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 67 УК РК), на основании акта амнистии (ч. 2 ст. 76 УК РК), либо в силу обстоятельств, указанных в статьях Особенной части УК (примечания к ст. ст. 125, 165, 231, 233, 312 и др.).

Сущность этой разновидности множественности состоит в том, что лицо совершает одинаковые преступления, обнаруживая закономерность в своем поведении или даже профессионализм. Выделение неоднократности при квалификации состоит, очевидно, в стремлении законодателя противодействовать этой тенденции. Неоднократным будет, например, убийство после ранее совершенного убийства.

В специально оговоренных в законах случаях неоднократно могут признаваться и однородные преступления. Так, любое хищение после ранее совершенного хищения рассматривается как совершенное неоднократно.

Для неоднократности не имеет значения, было ли лицо судимо за первое преступление или нет. Однако, как и на всякий вид множественности на неоднократность распространяется правила истечения срока давности и утраты юридического значения преступления по другим основаниям (снятия судимости, амнистии и т. п.). Поэтому, если за первое преступление лицо было осуждено, а судимость снята или погашена (применен акт амнистии и т. п.), то неоднократность отсутствует.

Если неоднократность не предусмотрена в составе, то при квалификации она специально не фиксируется, но учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание.

Особенность юридической оценки неоднократности состоит в том, что она квалифицируется как одно преступление независимо от количества фактически совершенных. Например, виновный совершил шесть отдельных самостоятельных краж, после чего был привлечен к ответственности. Его действия должны быть квалифицированы как кража, совершенная неоднократно. Отдельно каждая из краж не квалифицируется, поскольку признак неоднократности как раз и отражает факт совершения нескольких отдельных преступлений.

Пункт «в» ч. 2 ст. 347-1 УК РК предусматривает ответственность за совершение попыток с причинением средней тяжести вреда здоровью.

Согласно положению ст. 104 УК РК, а также в соответствии с главой 7 Правил организации и производства судебно-медицинской экспертизы от 20 декабря 2004 г. № 875/1, к вреду здоровью средней тяжести следует относить: отсутствие критериев тяжкого вреда здоровью; длительность расстройства здоровья — на срок свыше 3-х недель (более 21 дня) или значительная стойкая утрата общей трудоспособности в размере от 10 до 33 %.

К вреду средней тяжести относят потерю слуха на одно ухо, пальца руки или ноги, переломы мелких костей, одного-двух ребер и др.

Средней тяжести вред здоровью потерпевшего при пытках может быть причинен как умышленно, так и по неосторожности. Причинение такого вреда не требует дополнительной квалификации содеянного по статьям УК РК о преступлениях против личности.

Пункт «г» ч. 2 ст. 347-1 УК РК предусматривает ответственность за совершение пыток в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, или несовершеннолетнего.

Личность беременной женщины в силу ее положения как человека, готовящегося дать жизнь другому человеку, требует особой заботы о ее здоровье, о физической и психической полноценности потомства. И если лицо, достоверно зная ее положение, совершает в отношении ее преступление, то это повышает опасность такого лица.

Для применения данного пункта ст. 347-1 УК РК обязательным условием является осведомленность виновного о беременности потерпевшей. В Постановлении Пленума Верховного суда Республики Казахстан «О применении судами законодательства, регламентирующего ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан» от 23 декабря 1994 г. отмечено, что «достаточно установления, что виновный знал о беременности потерпевшей на момент ее убийства, при этом не имеют значения сроки беременности, жизнеспособность плода, нахождение женщины на учете по поводу беременности и соответствующем лечебном учреждении» [222, с. 281]. Если учесть, что данное постановление **утратило силу в соответствии с [Нормативным постановлением Верховного суда Республики Казахстан «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» от 11 мая 2007 г. № 1](#), то можно констатировать, что данный пункт выглядит следующим образом: «... необходимо устанавливать, что виновный на момент совершения убийства заведомо знал о беременности потерпевшей. При этом срок беременности, состояние потерпевшей по поводу беременности на учете в лечебном учреждении, жизнеспособность плода и т. п. значения для квалификации убийства не имеют» [223].**

Осведомленность виновного может базироваться на внешних данных потерпевшей или ее сообщении, либо на основании ознакомления с медицинскими документами. В любом случае сведения о состоянии беременности должны быть достоверными. Лицо, не знавшее о состоянии беременности, в случае пыток беременной женщины по данному пункту не несет уго-

ловной ответственности. В случае прерывания беременности потерпевшей содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 347-1 УК РК.

В случаях, когда виновный совершает попытки, ошибочно полагая, что потерпевшая беременна, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 347-1 и по п. «г» ч. 2 ст. 347-1 УК РК. Такой же должна быть квалификация при ошибке в личности потерпевшей (вместо беременной женщины виновный по ошибке пытается другую, не находящуюся в таком состоянии, ошибочно полагая, что она беременна).

Несовершеннолетними должны считаться лица, не достигшие 14-летнего возраста, в частности, те, которые физически не способны оказать сопротивление преступнику. Закон Республики Казахстан «О браке и семье» от 24 декабря 1998 г. обязывает родителей и иных лиц, на которых возложены эти обязанности, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии детей. Вместе с тем он устанавливает, что при осуществлении родительских прав родители и иные лица, на которых возложена обязанность по воспитанию детей, не должны причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Тем более совершение попыток должностным лицом в отношении несовершеннолетнего недопустимо по всем нормам и принципам общества в правовом государстве. Общественная опасность данного квалифицированного состава состоит в том, что попытки в отношении несовершеннолетнего могут привести к ухудшению здоровья, нарушению нормального психического развития ребенка и формирования его личности.

Часть 3 ст. 347-1 УК РК предусматривает ответственность за совершение попыток, которые повлекли причинение тяжкого вреда здоровью или по неосторожности смерть потерпевшего.

В соответствии со ст. 103 УК РК и руководствуясь Правилами организации и производства судебно-медицинской экспертизы от 20 декабря 2004 г. № 875/1, тяжкий вред здоровью характеризуется различными признаками. Основанием для признания вреда тяжким для здоровья может служить любой из следующих признаков последствий: а) опасность для жизни человека; б) потеря зрения; в) потеря речи; г) потеря слуха; д) потеря органа или утрата его функций; е) неизгладимое обезображивание лица; ж) причинение иного вреда здоровью, опасного для жизни; з) расстройство здоровья, соединенное со значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть или с заведомо для виновного полной утратой профессиональной трудоспособности; и) прерывание беременно-

сти; к) психическое расстройство; л) заболевание наркоманией или токсикоманией.

Понятие тяжкого вреда здоровью как опасного для жизни определено Правилами организации судебно-медицинской экспертизы: «Опасным для жизни вредом здоровью следует считать как телесные повреждения, так и патологические состояния, которые сами по себе угрожают жизни потерпевшего в момент причинения или при обычном их течении могут привести к смерти. Предотвращение смертельного исхода, обусловленного оказанием медицинской помощи, не должно приниматься во внимание при оценке опасного для жизни».

К вреду здоровья, опасному для жизни, относятся, например: проникающее ранение черепа, в том числе и без повреждения мозга; проникающее ранение позвоночника, в том числе и без повреждения спинного мозга; ранения живота, проникающие в полость брюшины, в том числе и без повреждения внутренних органов. Исчерпывающий перечень медицинских критериев вреда здоровью, опасного для жизни, определен в главе 6 Правил организации и производства судебно-медицинской экспертизы от 20 декабря 2004 г. № 875/1. Потеря зрения, слуха или какого-либо органа либо утрата органом его функций являются неопасными для жизни повреждениями, но и относящимися к тяжкому вреду здоровью по последствиям (исходу). Под потерей зрения следует понимать полную стойкую слепоту на оба глаза или такое состояние, когда имеется поражение зрения до счета пальцев на расстоянии двух метров и менее (острота зрения 0,04 и ниже); потеря зрения на единственный глаз. Если потеря зрения на один глаз влечет за собой стойкую утрату трудоспособности свыше одной трети (свыше 33 %), то это является причинением тяжкого вреда здоровью. В главе 6 вышеприведенных Правил определены двенадцать медицинских признаков тяжкого вреда здоровью, неопасного для жизни.

Судебно-медицинский эксперт не устанавливает факта неизгладимого обезображивания лица, т. к. это понятие не медицинское. Эксперт устанавливает только характер и степень тяжести вреда здоровью, исходя из обычных признаков. При этом эксперт определяет изгладимость последствий травмы, под которой понимают значительное уменьшение или возможность исчезновения видимых последствий травмы (выраженность рубцов, деформаций, нарушения мимики и др.) с течением времени без хирургического вмешательства. Если для устранения требуется оперативное вмешательство (косметическая операция), то повреждения на лице считаются неизгладимыми. Вопрос о том, обезображивает ли эта травма лицо потерпевшего, решается органами предварительного расследования и судом.

Прерывание беременности независимо от ее срока является тяжким вредом здоровью, если оно не связано с индивидуальными особенностями организма, а состоит в прямой причинной связи с деянием виновного. Судебно-медицинская экспертиза в этих случаях производится с участием акушера-гинеколога.

К признакам тяжкого вреда здоровью относится психическое расстройство, заболевание наркоманией или токсикоманией. Диагностика душевного заболевания осуществляется психиатрической экспертизой, но душевное заболевание должно быть обусловлено полученной травмой в результате пыток. Также заболевание наркоманией или токсикоманией как признак тяжкого вреда здоровью определяется комиссией экспертов с участием нарколога, токсиколога. Причинением тяжкого вреда здоровью, например, можно признать насильственное введение в организм человека наркотических средств путем инъекции или случаи, когда потерпевшего убеждают принять указанные средства путем обмана, скрывая, что они являются наркотическими. Если в такого рода случаях у потерпевшего будут обнаружены признаки заболевания «наркомания», будет иметь место основание для привлечения виновного к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 347-1 УК РК.

Пытки, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, могут иметь место в случаях, если смерть потерпевшего непосредственно причиняется во время пыток в связи с преодолением сопротивления потерпевшим. Вина по отношению к этим последствиям должна быть выражена в форме неосторожности. Например, вследствие причиненных телесных повреждений во время пыток потерпевший от обильного кровотечения умирает. Смерть потерпевшего может наступить и после пыток из-за резкого обострения какого-либо заболевания. Также возможно это последствие и в результате неосторожного поведения самого потерпевшего, который, например, спасаясь от виновного, падает с большой высоты и погибает.

Для квалификации по ч. 3 ст. 347-1 УК РК необходимо наличие причинной связи между преступным деянием виновного и смертью потерпевшего, т. е. смерть по неосторожности наступила от действий, направленных на совершение пыток, или из-за совершенных пыток. Если будет установлен умысел виновного к смерти потерпевшего (например, виновный душил потерпевшего до тех пор, пока он не перестал дышать), то квалификация действий виновного по ч. 3 ст. 347-1 УК РК исключается. В таких случаях будет иметь место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 347-1 и ст. 96 УК РК.

В примечании к ст. 347-1 УК РК сказано, что не признаются пыткой физические и психические страдания, причиненные в результате законных

действий должностных лиц. Статья 13 главы III Закона Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» от 21 декабря 1995 г. предусматривает право применения специальных средств и физической силы сотрудниками ОВД:

1. Сотрудники органов внутренних дел имеют право применять физическую силу и специальные средства, в том числе боевые приемы борьбы, наручники, резиновые палки, слезоточивые вещества, светозвуковые устройства отвлекающего воздействия, устройства для вскрытия помещений, принудительной остановки транспорта, водометы, служебных животных, бронемшины и другие специальные и транспортные средства, перечень которых определяется Правительством, для:

1) отражения нападений на граждан, сотрудников органов внутренних дел и иных лиц, выполняющих служебный или общественный долг по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и борьбе с преступностью;

2) освобождения заложников, пресечения массовых беспорядков и групповых нарушений общественного порядка;

3) отражения нападения на здания, помещения, сооружения, транспортные средства, земельные участки, принадлежащие гражданам, организациям и государственным органам, а равно для освобождения их от захвата;

4) задержания правонарушителей, если они оказывают неповиновение или сопротивление сотрудникам органов внутренних дел, иным лицам, выполняющим возложенные на них обязанности по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, для их доставления в органы внутренних дел, конвоирование и охраны задержанных, заключенных под стражу лиц, подвергнутых административному аресту, либо если имеются достаточные основания полагать, что они могут совершить побег или причинить вред окружающим или себе, а также в отношении лиц, умышленно препятствующих сотрудникам органов внутренних дел в осуществлении возложенных на них законом обязанностей.

2. Запрещается применять специальные средства и приемы в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, кроме случаев совершения ими нападения, угрожающего жизни и здоровью окружающих, группового нападения либо оказания вооруженного сопротивления.

К примеру вышеуказанного примечания также можно отнести лишение свободы на длительный срок, в случае совершения лицом преступления.

Рассматривая квалифицирующие признаки пыток, по нашему мнению, особое внимание необходимо уделить и вопросу соучастия.

Следует отметить, что значение института соучастия в науке уголовного права трактовалось учеными-юристами неоднозначно. На страницах печати М. Д. Шаргородский отрицал соучастие, как обстоятельство всегда повышающего общественную опасность преступления. Он писал, что соучастие не усиливает и не ослабляет ответственность и вообще оно «не является квалифицирующим или отягчающим обстоятельством» [210, с. 496].

Сторонниками рассмотрения соучастия как обстоятельства, повышающего общественную опасность совместно совершенного деяния, выступили П. И. Гришаев и Г. А. Кригер, которые указывали, что «соучастие рассматривается уголовным правом как особая форма совершения преступления, характеризующаяся более высокой степенью общественной опасности» [224, с. 37]. В качестве аргументов названные авторы приводили следующие обстоятельства:

- объединяются усилия нескольких лиц, что придает деятельности новое качество;
- наносится более серьезный ущерб общественным отношениям, чем в результате действий одного человека;
- в конфликт с обществом вступает большее количество лиц, чем при совершении преступлений в одиночку;
- соучастие делает возможным совершение таких преступлений, которые не могут быть совершены в одиночку;
- увеличивается возможность сокрытия следов преступления и уклонения от уголовной ответственности.

Наконец, третье мнение, которое в настоящее время преобладает, и которое можно назвать компромиссным, заключается в том, что соучастие повышает общественную опасность преступления, хотя и не при всех обстоятельствах. А. А. Пионтковский считал, что соучастие повышает общественную опасность лишь при «определенных условиях». К таковым он относил преступления, где соучастие является либо конструктивным признаком, либо предусмотрено в качестве квалифицирующего признака [159, с. 43].

Опасность совместной преступной деятельности складывается из трех блоков:

- временного превосходства;
- возбуждения «производительной энергии» соучастника;
- большего психологического давления на жертву.

Эти три блока, различно варьируясь в конкретном случае преступного поведения, делают возможным вывод о повышенной опасности совместной преступной деятельности во всех случаях ее проявления.

Повышенная общественная опасность групповой преступной деятельности характеризуется увеличением вероятности возникновения общественно опасного посягательства, а также причинением большего вреда (ущерба), чем при совершении преступления одним лицом. Поэтому вполне очевидно включение законодателем в состав преступлений в качестве квалифицирующих обстоятельств — совершение преступлений группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), предусмотренных ч. ч. 1-4 ст. 31 УК РК. В этой связи совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества, а также особо активная роль в совершении преступления, в соответствии со ст. 54 УК РК, признаются обстоятельствами, отягчающими уголовную ответственность и наказание. Следует при этом учитывать положение, закрепленное в ч. 2 ст. 54 УК РК, где сказано, что если обстоятельство, указанное в ч. 1 данной нормы предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК в качестве признака преступления, то оно не может повторно учитываться как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность и наказание.

Для отдельных же составов преступлений законодатель рассматривает формы соучастия в качестве квалифицирующих признаков. Таким образом, соучастие согласно нормам уголовного закона влияет либо на квалификацию, либо учитывается при назначении наказания как отягчающее обстоятельство.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что в некоторых преступлениях в одной части конкретной статьи законодатель указывает сразу две и более формы соучастия, как «группой лиц или группой лиц по предварительному сговору» — в одном составе (ст. 347-1 УК РК); «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» — в восемнадцати составах; «организованной группой или преступным сообществом» — в двух составах (ст. ст. 214, 259 УК РК); и, наконец, в одной части статьи предусмотрено сразу три формы соучастия — это «группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» — в десяти составах преступлений (ст. ст. 96, 120, 121, 257, 275, 276, 367, 368, 369, 370 УК РК).

В соответствии с ч. 1 ст. 31 УК, преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. Эта форма соучастия получила в теории уголовного права несколько названий: простая форма соучастия, соисполнительство, совиновничество. В каждом из названий отражается та или иная грань, составляющая сущность данной формы соучастия. Все со-

участники при этой форме соучастия выполняют хотя бы определенную часть объективной стороны деяния, которую они совместно осуществляют. Так, при групповом совершении преступления предварительного распределения ролей между участвующими в деле лицами не происходит.

При соисполнительстве участвующие в совершении преступления лица обязательно должны выполнять объективную сторону деяния (часть ее либо полный объем), то есть они должны быть соисполнителями. Степень участия каждого из соисполнителей в выполнении объективной стороны различна, поскольку преступление совершается совместно. Например, при краже с незаконным проникновением в жилое, служебное, производственное помещение или хранилище (п. «в» ч. 2 ст. 175 УК РК) один преступник взламывает входную дверь, а второй, проникнув внутрь, выносит из нее чужое имущество. В этой связи эту форму соучастия отдельные авторы называют совиновничеством. Вместе с тем, нередко один участник группового преступления совершает деяние, содержащее все признаки состава преступления, а другие совершают действия, которые содержат лишь часть признаков объективной стороны [225, с. 53-54]. Например, при убийстве один субъект преодолевает сопротивление жертвы, а второй наносит ему удары. Пленум Верховного суда РК в Постановлении «О применении судами законодательства, регламентирующего ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан» от 23 декабря 1994 г. (с изменениями от 20 декабря 1996 г.) отмечал, что «при совершении убийства несколькими лицами суды должны устанавливать степень участия в преступлении каждого из соучастников». [Нормативным постановлением Верховного суда Республики Казахстан «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» от 11 мая 2007 г. № 1 указывается:](#) «При совершении преступления несколькими лицами необходимо выяснить, имелся ли между ними предварительный сговор на совершение преступления, были ли распределены роли, какие действия при совершении преступления выполнены каждым из них, а также все иные обстоятельства, на основании которых можно сделать вывод о совершении деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, определить форму соучастия каждого из привлеченных к ответственности лиц, индивидуально квалифицировать их действия и назначить справедливое наказание».

Таким образом, группу лиц как форму соучастия характеризуют следующие признаки:

- наличие двух или более соисполнителей, то есть совместное выполнение объективной стороны деяния двумя или более лицами;
- практически равная степень участия каждого из них в совершении преступления;
- отсутствие предварительного сговора, то есть до совершения преступления указанные лица не сговаривались между собой совместно совершить преступление.

Часть 2 ст. 31 УК РК определяет, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. В Особенной части УК законодателем предусмотрено в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение преступления «группой лиц по предварительному сговору» в 31 составах преступлений.

Группа лиц по предварительному сговору отличается от группы лиц по дополнительному показателю опасности (наличие предварительного сговора). Для данной формы совместного совершения преступления характерно своеобразное сочетание критериев, когда с целью достижения результата участники берут на себя определенные роли по созданию условий для непосредственного ущемления социально значимых интересов потерпевшего. Индивидуальную определенность анализируемой форме придает и характер психического отношения участников к содеянному. Все они обычно сознают, что совершают одно преступление. При сопоставлении преступлений, совершенных вышеназванными формами соучастия, отчетливо прослеживается тенденция возрастания опасности преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Так, например, при сопоставлении изнасилования, совершенного лицами, заранее договорившимися о его совершении, и изнасилования без сговора группой лиц видно, что при прочих равных условиях, первая форма соучастия характеризуется большей степенью общественной опасности. Опасность возрастает в силу того, что посягательство осуществляется путем прямого воздействия на потерпевшую совокупными соединениями усилий нескольких лиц. Такое воздействие практически сводит на нет возможность потерпевшей оказать сопротивление и сохранить в неприкосновенности свои интересы. Оно обычно влечет более серьезные последствия, и, следовательно, глубже затрагивает объект охраны.

В пункте 15 Постановления Пленума Верховного суда Республики Казахстан «О соблюдении судами законности при назначении уголовного наказания» от 30 апреля 1999 г. разъяснено, что совершение преступления в группе лиц, в группе лиц по предварительному сговору влечет за собой более строгое наказание, поэтому судам следует правильно определять

форму соучастия и соучастников преступления. В соответствии с ч. ч. 1 и 2 ст. 31 УК РК, квалификация преступления и назначение наказания по статье (части статьи) Особенной части УК, предусматривающей в качестве квалифицирующего признака преступления совершение его группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, возможна лишь в тех случаях, когда в совершении преступления совместно участвовали 2 и более лица, которые, в соответствии с ч. 2 ст. 28 УК РК, признаны соисполнителями. Участие в преступлении организатора, подстрекателя или пособника при совершении преступления (выполнении его объективной стороны) одним исполнителем, кроме совершения преступления организованной группой, преступным сообществом, не дает оснований квалифицировать деяние как совершенное группой лиц и назначать наказание по статье (части статьи) УК, предусматривающей в качестве квалифицирующего признака преступления совершение его группой лиц или группой лиц по предварительному сговору [222, с. 179-180].

Действия организатора, подстрекателя и пособника не содержат признаков конкретного преступления, т. к. их участие образует лишь вспомогательную роль при выполнении исполнителем обусловленного преступления. При квалификации действий организатора, подстрекателя и пособника — помимо статьи Особенной части УК, определяющую наказуемость их действий, необходима ссылка на соответствующую часть ст. 28 УК РК [225, с. 55].

Признаками группы лиц по предварительному сговору является наличие:

- 1) участия в ней двух и более лиц;
- 2) предварительного сговора между соучастниками, то есть до совершения преступления они заранее договариваются о совместном его совершении.

Основу данной формы соучастия составляет сговор о совместной преступной деятельности до начала совершения преступления. Предварительное соглашение имеет место вплоть до начала выполнения объективной стороны состава преступления. Сам же сговор по своему характеру может быть различным, как всеобъемлющим, охватывающим все аспекты совершаемого преступления, так и касающимся отдельных моментов планируемого посягательства, сокрытия следов преступления и так далее. При этом важно отметить, что сам факт предварительного соглашения о совершении преступления существенно повышает общественную опасность преступления.

Исследование судебно-следственной практики, анонимный опрос практических работников показывает, что принуждение к даче показаний не-

редко совершается в соучастии, в частности, в таких его формах как группа лиц и группа лиц по предварительному сговору. Однако, учитывая то, что данные признаки не предусмотрены в законе в качестве квалифицирующих, правоприменительные органы и суды вынуждено квалифицируют содеянное по ст. 347 УК РК, в рамках основного состава преступления, что, безусловно, не отражает степень общественной опасности совершенного деяния.

На основании изложенного диссертант предлагает ввести в ст. 347 УК РК ч. 2, где найдут отражение в качестве квалифицирующих обстоятельств такие формы соучастия как группа лиц и группа лиц по предварительному сговору. Дополнительным аргументом, свидетельствующим о правильности постановки вопроса, выступает то, что в ч. 2 ст. 347-1 УК РК в перечне квалифицирующих обстоятельств предусмотрены данные признаки.

2.6 Отграничение принуждения к даче показаний и пыток от смежных составов

Решающее значение в процессе разграничения преступлений имеет количество признаков, которыми они выделяются из общей группы. По мнению профессора В. Н. Кудрявцева, исходя из количества таких признаков, можно выделить три основных случая: составы не имеют между собой ни одного общего признака (кроме вменяемости и возраста); составы имеют малое число общих признаков и, наконец, составы имеют все общие признаки, за исключением одного [226, с. 148].

В данном параграфе мы преследуем цель рассмотреть именно последние составы.

Согласно правилам квалификации при конкуренции общей и специальной нормы, разработанным наукой уголовного права, применению подлежит специальная норма [226, с. 12; 227, с. 251; 228, с. 176]. Аналогичное правило в настоящее время закреплено и в ч. 3 ст. 12 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Наибольшие проблемы представляет собой отграничение нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки от превышения власти или должностных полномочий.

Можно утверждать, что за последние пятнадцать лет в кассационной практике Верховного суда Республики Казахстан не наметилось единого решения проблемы квалификации при конкуренции ст. ст. 347, 347-1 и 308 УК РК:

– различный подход к оценке субъектов ст. ст. 347, 347-1 УК РК. В одном случае сотрудники, применяющие насилие для получения необходимой информации до возбуждения уголовного дела, т. е. являющиеся должностными лицами органа дознания, признаются субъектами, в другом — не признаются;

– различный подход к оценке термина «показания». По мнению некоторых ученых, явка с повинной не признается показаниями по смыслу ст. ст. 347, 347-1 УК РК, однако Верховный суд признает таковыми не только явку с повинной, но даже простое получение устного признания, независимо от того, составлялись ли какие-либо процессуальные документы.

Таким образом, в ряде случаев суд исходит из расширительного толкования закона, тогда как анализ отказных материалов и материалов служб собственной безопасности показывает, что органы расследования исходят из буквального толкования норм и неохотно возбуждают уголовные дела по ст. ст. 347, 347-1 УК РК, несмотря на формальное наличие признаков данного состава.

Полагаем, что назрела необходимость принятия Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан, который бы дал толкование терминов «лицо, производящее дознание», «показания», «пытка», в целях ее однозначного применения и устранения возможных ошибок.

До разрешения этого вопроса мы, в свою очередь, предлагаем встать на позицию тех решений Верховного суда, в которых термин «показания» толкуется расширительно, а также расширительно толкуется и субъект принуждения к даче показаний — любое лицо, которое в силу должностных полномочий имеет право на производство действий, носящих уголовно-процессуальный характер. Основопологающим для квалификации действий сотрудников правоохранительных органов по ст. ст. 347, 347-1 УК РК должен быть именно процессуальный характер действий (что и будет означать посягательство на интересы правосудия), а также направленность умысла виновных на использование полученной информации для раскрытия и расследования уголовного дела.

Кроме того, ст. 308 расположена в главе 13 УК РК «Преступления против интересов государственной службы», тогда как ст. ст. 347, 347-1 в главе 15 УК РК «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний», что свидетельствует о различных объектах данных норм.

Таким образом, основным ограничительным признаком является объект преступления. Кроме того, как мы уже упоминали, простое применение пыток лицом, производящим дознание или следствие, к допрашиваемому

образует состав превышения полномочий, т. е. обязательным элементом ст. ст. 347, 347-1 УК РК является цель получения необходимых показаний.

Вполне обоснованно поступил Северо-Казахстанский областной суд в деле следователя УВД г. Петропавловска К., который, применив насилие в отношении З., получил от него признательные показания в совершении изнасилования И., а затем, угрожая привлечь к уголовной ответственности, стал требовать от потерпевшего деньги в сумме 57 тыс. тенге за освобождение. Суд отказался от обвинения виновного в принуждении к даче показаний, поскольку он изначально не преследовал цели возбуждения и расследования уголовного дела, совершил преступные действия по просьбе родственницы И. с целью «попугать» гр. З., а затем, попытался таким образом обогатиться [229].

Однако специальная цель (получение необходимой информации, способной оказать влияние на разрешение и рассмотрение дела) может присутствовать и в ситуации принуждения к даче заявления, явки с повинной либо объяснений.

В уголовно-правовой литературе предлагается квалифицировать подобные действия должностных лиц органа дознания по статье, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 308 УК РК).

В. И. Динека полагает, что главное отличие признаков объективной стороны должностного превышения власти от аналогичных признаков, имеющих в составах, предусмотренных ст. ст. 176, 178, 179 УК РСФСР (ст. ст. 346, 347, 348 УК РК), состоит в том, что первые совершаются с нарушением должностной компетенции и не носят процессуального характера, а вторые — влекут возникновение для потерпевшего уголовно-процессуальных отношений [98, с. 41-42].

Мы согласны с мнением Н. А. Попова, который считает, что более правильным будет квалификация по принуждению к даче показаний, поскольку виновный в подобной ситуации не столько превышает свои должностные полномочия, сколько вовлекает гражданина в процесс осуществления правосудия либо исключает его из этого процесса [40, с. 152].

Сказанное подтверждается тем, что, во-первых, «круг действий и отношений, осуществляемых в ходе рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении, находящихся свое юридическое закрепление в процессуальных документах, позволяет сделать вывод о наличии в стадии возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений» [230, с. 51]. Во-вторых, такая деятельность является первоначальной стадией уголовного процесса и подчинена решению основных задач уголовного судопроизводства, т. е. является способ-

ствующей осуществлению правосудия и, следовательно, должна охраняться нормами главы 15 УК РК.

Если же квалификация будет иной, то она не будет соответствовать специфике нарушенного объекта и «может привести к неправильному выводу, что действия органа дознания по проверке заявления лишены процессуального характера, выполняются по собственному усмотрению, исходя из конкретных обстоятельств» [231, с. 10].

Интерес вызывает квалификация, когда совершено несколько посягающих на один и тот же объект деяний, составляющих единый процесс преступного поведения (имеют место признаки преступлений, предусмотренных нормами главы 15 УК РК — ст. ст. 344, 346 УК РК).

В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, похожей на поглощение составов, так как фальсификация доказательств, заведомо незаконное задержание или арест являются простыми составами, входящими в сложный (ст. ст. 347, 347-1 УК РК), и могут быть способами принуждения к даче показаний или пыток.

Однако такая оценка будет верной лишь при заранее обдуманном умысле, например, на получение показаний путем заведомо незаконного задержания, либо привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. В случае же, когда умысел на принуждение к даче показаний или пытки возник после незаконного задержания или привлечения к уголовной ответственности, действия виновных должны квалифицироваться по совокупности преступлений (так как имеет место уже оконченное заведомо незаконное задержание либо привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности).

Более простой представляется задача отграничения преступлений, предусмотренных ст. ст. 347, 347-1 УК РК, от ст. 354 УК РК («Подкуп или принуждение к даче ложных показаний или уклонению от дачи показаний, ложному заключению либо к неправильному переводу»).

В соответствии с законом, отграничительным признаком служит субъект преступления. В ст. 354 УК РК субъект преступления общий — физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, тогда как в ст. ст. 347, 347-1 УК РК субъектом является должностное лицо, уполномоченное на осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, целью в ст. ст. 347, 347-1 УК РК названо принуждение к даче любых показаний, а в ст. 354 УК РК — лишь ложных.

Еще одним обстоятельством, на которое следует обратить внимание, является квалификация принуждения к даче показаний при соучастии. Важность рассмотрения этого аспекта обусловлена тем, что совместное участие в преступной деятельности значительно укрепляет решимость

каждого члена группы совершить деяние, повышает вероятность достижения преступного результата, увеличивает степень его общественной опасности. Изучение направленных в суд и прекращенных уголовных дел и отказных материалов свидетельствует о том, что в 83 % случаев в совершении преступления принимало участие несколько лиц.

Можно выделить следующие ситуации квалификации действий виновных, совершенных в соучастии.

Первая касается случаев, когда в совершении преступления, наряду со специальным субъектом, выполняющим объективную сторону, участвуют лица, чьи действия подпадают под признаки ч. ч. 3-5 ст. 28 УК РК (т. е. организатора, подстрекателя либо пособника). Их противоправное поведение квалифицируется согласно правилам, предусмотренным в ч. ч. 1, 3-5 ст. 29 УК РК.

Вторая ситуация имеет место в случае, когда к даче показаний потерпевшего принуждает лицо, специально привлеченное специальным субъектом для этих целей (одному или нескольким сокамерникам потерпевшего дается задание добиться от него необходимой информации).

Подобный вариант принуждения нельзя рассматривать как посредственное исполнение, поскольку лицо — не субъект — обладает всеми признаками общего субъекта (возраст, вменяемость) и может избирать тот или иной вариант поведения.

В. И. Ткаченко и А. М. Царегородцев отмечают, что в данном случае его действия следует квалифицировать по ст. 183 или ст. 17 и 183 УК РСФСР (ст. 28 и ст. 354 УК РК) в зависимости от выполняемой роли [212, с. 42]. Данная точка зрения совпадает с мнением В. Ф. Кириченко и А. Я. Светлова, предлагавших квалифицировать действия субъекта должностного лица и общего субъекта, выступающего соисполнителем, соответственно нормам Особенной части о должностных преступлениях и о преступлениях общего субъекта (против личности, против собственности и т. п.) [232, с. 56; 233, с. 139-140]. Но такая квалификация будет верна не всегда, так как ст. 354 УК РК не предусматривает ответственность за принуждение к даче правдивых показаний. Полагаем, что данный пробел нуждается в устранении. В настоящее же время лицо должно быть осуждено за совершение преступления против личности (в зависимости от наступивших последствий).

Деяния лица, обладающего признаками специального субъекта, надлежит квалифицировать по ст. 308 УК РК.

Однако наибольший интерес для правоприменителя и уголовно-правовой науки вызывает третья ситуация, когда в непосредственном вы-

полнении объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 347 УК РК, участвует несколько лиц.

Здесь возможны два варианта, когда:

- к даче показаний совместно со специальным субъектом принуждают другие сотрудники органов внутренних дел;
- к даче показаний принуждают лицо, обладающее признаками субъекта данного преступления, совместно с лицами, таковыми не являющимися.

Для правильного решения вопроса уголовно-правовой оценки действий виновных в данной ситуации следует уточнить понятие исполнителя, поскольку несколько должностных лиц правоохранительных органов, применивших насилие с целью получения показаний, необоснованно признаются некоторыми авторами и судебной практикой исполнителями [234, с. 150; 235, с. 7-8.].

Считаем, что в рассматриваемой ситуации (как в первом, так и во втором варианте) не может быть нескольких исполнителей по следующим соображениям.

Мы уже упоминали о том, что субъектом является не любое должностное лицо, а именно лицо, производящее дознание либо следствие по конкретному уголовному делу.

Указанная конкретность, являясь признаком всех субъектов принуждения к даче показаний, означает, что ими могут быть лишь лица, принявшие дело к производству либо выполняющие отдельное поручение следователя. Однако, это не все. Дело в том, что «исполнять отдельное поручение, как и оказывать содействие в производстве следственного действия, могут сразу несколько сотрудников органа дознания» [236, с. 87], начальник следственного отдела и прокурор имеют право присутствовать в ходе производства следственного действия.

Возникает множество вопросов: кто в данных ситуациях должен считаться исполнителем преступления? Возможно ли соисполнительство? Дело, которое поручено расследовать группе следователей, принимает к производству старший группы — будет ли только он считаться исполнителем? Как должны отвечать другие следователи группы, принуждавшие к даче показаний?

На эти вопросы можно ответить, обратившись к нормам Уголовно-процессуального кодекса.

Участие третьих лиц строго оговорено УПК РК, а значит и субъектом принуждения к даче показаний будет выступать только лицо, производящее допрос, опознание, т. е. руководящее указанными действиями, заполняющее протокол и подписывающееся под таковым в соответствующей

графе. Естественно, что в случае, даже если отдельное поручение исполняется несколькими сотрудниками, выполняющими одно следственное действие, заполнять протокол, руководить ходом следственного действия, подписываться под таким лицом будет один сотрудник. Он и является единственным исполнителем преступления, в случае принуждения кого-либо к даче показаний.

Но здесь, на наш взгляд, есть и исключения, когда:

- в следственной группе исполнителями могут быть все члены группы, поскольку они, не принимая дело к своему производству, имеют право производить следственные действия;

- в ходе следственного действия принимает участие прокурор или начальник следственного отдела, их также можно признавать исполнителями преступления.

Иные сотрудники, факт участия которых не отражен в протоколе следственного действия, не имеют права задавать вопросы, обязательные для внесения в протокол, а значит, и не являются исполнителями.

Какова же будет квалификация действий иных лиц, выполняющих объективную сторону преступления?

Установившаяся судебная практика идет по пути привлечения таких лиц к ответственности как пособников.

На данное обстоятельство в ч. 4 ст. 29 УК РК обратил внимание законодатель, указав, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

Однако против подобной квалификации (по ч. 5 ст. 28 и соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса) действий лиц, совместно со специальным субъектом, выполняющих объективную сторону, в настоящее время обоснованно возражает все большее число ученых.

Их аргументы сводятся к тому, что ч. 5 ст. 28 УК РК не рассматривает как пособника лицо, выполняющее объективную сторону преступления.

А. В. Шеслер предлагает рассматривать ситуацию выполнения объективной стороны преступления специальным и общим субъектами как своеобразный вид совокупности преступлений, квалифицируя совершенное ими по нормам, предусматривающим ответственность за преступные действия специального субъекта, и общей норме соответственно (в данном случае — по ст. ст. 354, 308 УК РК или по норме, где субъект может быть общим) [237, с. 115-118]. Полагаем, в этом случае уголовно-правовой

оценке не будет подвергнуто влияние общего субъекта на достижение преступного результата, к которому стремится специальный субъект.

Затрагивая проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами, профессор Б. В. Волженкин полагает, что «если часть из совокупных действий, образующих объективную сторону преступлений (например, изнасилование, хищение), может фактически совершить любой субъект, то, действуя в группе, по предварительному сговору со специальным субъектом, он становится соисполнителем преступления» [238, с. 15].

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что:

1. Решающее значение в процессе разграничения преступлений имеет количество признаков, которыми они выделяются из общей группы.

2. Наибольшие проблемы представляет собой отграничение нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и попытки от превышения власти или должностных полномочий.

3. На наш взгляд, назрела необходимость принятия Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан, который бы дал толкование терминов «лицо, производящее дознание», «показания», «пытка», в целях ее однозначного применения и устранения возможных ошибок.

До разрешения этого вопроса мы, в свою очередь, предлагаем встать на позицию тех решений Верховного суда, в которых термин «показания» толкуется расширительно, а также расширительно толкуется и субъект принуждения к даче показаний — любое лицо, которое в силу должностных полномочий имеет право на производство действий, носящих уголовно-процессуальный характер. Основопологающим для квалификации действий сотрудников правоохранительных органов по ст. ст. 347, 347-1 УК РК должен быть именно процессуальный характер действий (что и будет означать посягательство на интересы правосудия), а также направленность умысла виновных на использование полученной информации для раскрытия и расследования уголовного дела.

4. Основным отграничительным признаком является объект преступления. Кроме того, как мы уже упоминали, простое применение пыток лицом, производящим дознание или следствие, к допрашиваемому образует состав превышения полномочий, т. е. обязательным элементом ст. ст. 347, 347-1 УК РК является цель получения необходимых показаний. Однако специальная цель (получение необходимой информации, способной оказать влияние на разрешение и рассмотрение дела) может присутствовать и в ситуации принуждения к даче заявления, явки с повинной либо объяснений.

3. МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ

3.1 Правовые меры предупреждения противоправных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний

Объективными целями общей профилактики в современных условиях следует считать сдерживание негативных тенденций преступности, снижение общественной опасности ее наиболее тяжелых разновидностей, сокращение отдельных видов и групп преступлений.

Меры общей профилактики преступлений должны отвечать соответствующим требованиям, диктуемым современными условиями и самой действительностью. Среди них, в первую очередь следует назвать:

- объективность, отражающую как адекватную реалиям потребность в осуществлении этих мер, так и возможности соответствующих субъектов по их исполнению;
- комплектность, предполагающую обязательное объединение усилий различных субъектов общепрофилактической деятельности;
- актуальность, обеспечивающую планирование и исполнение мер, в наибольшей степени отвечающих как криминологической ситуации, так и интересам населения;
- оптимальность (эффективность), способствующую при наименьших кадровых, финансовых, материальных затратах достижению наибольших результатов;
- приоритетность, обеспечивающую выбор из множества задач главной и определяющей — примат общегосударственных интересов над ведомственными.

Особого внимания в современных условиях заслуживает требование обеспечения законности при осуществлении мер общей профилактики преступлений, поскольку речь идет о правовой основе этой деятельности.

Первостепенное значение в данном смысле имеет Конституция Республики Казахстан. Во многих ее формах заключен юридический потенциал, обеспечивающий надлежащую регламентацию всей предупредительной деятельности. Важную роль играют также принятые Казахстаном международно-правовые акты. В рассматриваемом аспекте следует, прежде всего, назвать Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или

унижающих достоинство видов обращения и наказания, Всеобщую декларацию прав человека, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотреблений властью.

Особенность общей профилактики состоит в широкой адресности и одновременно неперсонифицированности профилактических мероприятий.

Общая профилактика тесно смыкается с обще социальным предупреждением, поскольку причины преступлений коренятся во всей системе общественных отношений. Вместе с тем ОВД имеют достаточно ограниченные возможности воздействия на весь причинный комплекс преступности. Поэтому в практической деятельности ОВД преобладают меры по устранению причин и условий, способствующие совершению конкретных преступлений.

Выявление и анализ детерминантов преступности, ее видов и групп преступлений являются логически и практически исходными моментами общей профилактики преступлений. Невозможно сколько-нибудь эффективно воздействовать на преступность, не зная причин, ее порождающих, и тех объективных и субъективных условий, которые помогают развертыванию действия причин.

Концептуальный анализ причин преступлений и условий, им способствующих, позволяет говорить о сложной многофакторной природе этих явлений. Они модифицируются специфическими особенностями разных регионов, видоизменяются вместе с изменениями в социальной и правовой жизни общества. Поэтому попытки создать универсальную модель причинного комплекса преступности, годную для всех времен и народов, являются малопродуктивными.

Результатом анализа причин преступности и ее видов должно быть принятие мер по их устранению или ограничению действия. Особенность деятельности ОВД в данном направлении состоит в том, что их возможности в этом деле весьма ограничены.

Говоря о мерах предупреждения преступности, следует отметить, что их можно классифицировать по:

а) содержанию (более подробно было рассмотрено выше — экономические, демографические, политические, организационные, технические и правовые);

б) объему — можно разделить на: общие — направлены на профилактику преступности в целом по стране или региону; особенные — адресованные к тем или иным группам преступлений (корыстные, преступность несовершеннолетних и т. д.; индивидуальные — нацелены на устранение либо блокирование причин и условий конкретного преступления;

в) масштабу — республиканские, региональные, местные, ограниченные объектом, либо градация внутри отрасли;

г) объекту воздействия: в зависимости от отрасли либо по основным направлениям борьбы с преступностью;

д) механизму действия: меры, устраняющие причины и условия преступности; нейтрализующие действия причин и условий; ослабляющие, ограничивающие это действие; препятствующих реализации преступного умысла.

В повседневной практике словосочетание «меры предупреждения преступности» употребляются в двояком смысле: 1) конкретные действия; 2) организационная деятельность.

Вопрос, касающийся предупреждения противоправных действий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел с целью получения показаний, в данном исследовании затрагивается неслучайно (Приложение В). Считаем, что этому звену воздействия, прежде всего, должно уделяться внимание, когда речь заходит о должностных преступлениях, и в особенности о преступлениях, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при осуществлении правосудия.

Теория предупреждения преступности — это совокупность знаний о деятельности по совершенствованию общественных отношений в целях: выявления и нейтрализации явлений и процессов, обуславливающих совершение, рост и распространение отдельных форм и видов преступлений, факторов, влияющих на формирование антиобщественных черт у определенных категорий лиц, влияния на условия их жизни и воспитания, устранение конкретных условий, обуславливающих совершение преступлений отдельными лицами, определение форм и методов контроля за преступностью.

Теория предупреждения преступности делится на две части: общую и особенную. В общую часть входят: предмет и понятие предупреждения преступлений, ее субъекты, система, специфика мер в зависимости от решаемых задач, организация и управление этим видом деятельности, прогноз развития системы, планирование и координация профилактики преступлений и т. д.

К особенной части относятся: разработка криминологических характеристик специфики предупреждения отдельных видов и форм преступлений. Уровень результативности предупредительной деятельности и контроля за ней — это и оценка эффективности всех предшествующих криминологических исследований. В теории криминологии можно выделить три аспекта исследований:

1. Междисциплинарное исследование проблем преступности и других форм антиобщественного поведения, в которых криминология выступает в роли координатора либо заказчика исследований.

2. Использование, особенно при разработке профилактических мер, сведений и экспертных оценок из других наук.

3. Собственно криминологическое изучение и предупреждение преступлений.

Предупреждение преступности состоит из иерархически связанных между собой задач.

1. Профилактическое воздействие на динамику, структуру, причины преступности в целом (социальная профилактика).

2. Предупреждение видов и форм преступного поведения, предупреждение преступлений в определенных сферах общественной жизни; предупреждение преступлений отдельными социальными группами лиц и т. д. (криминологическая профилактика).

3. Состоит в предупреждении совершения преступлений отдельными лицами (индивидуальная криминологическая профилактика).

В юридической литературе предупреждение преступлений предлагается рассматривать как систему [239, с. 19; 240, с. 93-95]. Однако в настоящее время ученые отмечают, что реальное состояние предупредительной системы таково, что понятие системы в данном случае применимо лишь с натяжкой. Прежняя система (существовавшая в советское время) практически разрушена, а новой (соответствующей реалиям переходного периода) еще не создано [241, с. 338-339; 242, с. 110].

Основным элементом предупреждения является субъект, которого характеризуют следующие свойства:

– целенаправленность осуществления задач профилактики в качестве основных или локально выделенных;

– взаимодействие с другими участниками профилактики не только по «горизонтали», но и «по вертикали»;

– наличие необходимых полномочий, ресурсов, возможности анализировать и планировать, т. е. в соответствии с компетенцией осуществлять профилактическую деятельность [243, с. 20; 244, с. 16].

Г. А. Аванесов отмечает, что субъекты «представляют собой особую «деятельную целостность» и поэтому имеют свой определенный статус» [245, с. 422], разделяя субъектов на специализированные и неспециализированные, а также выполняющие общесоциальные функции профилактики [245, с. 424-426].

И. А. Исмаилов, в зависимости от места профилактики в совокупности функций конкретного государственного или иного органа, соглашаясь с первыми двумя группами, дополняет классификацию частично специализированными субъектами и неспециализированными разового действия [243, с. 20-21].

Суд, безусловно, является центральным звеном в предупреждении преступлений, поскольку одной из задач уголовного судопроизводства является предупреждение преступлений. Каждый гражданин, считающий, что его права и свободы были нарушены сотрудником органа внутренних дел, может обратиться с жалобой в суд. По результатам рассмотрения обоснованной жалобы суд выносит решение, в котором обязывает удовлетворить требование гражданина и восстанавливает его нарушенные права, а также определяет ответственность должностного лица [40, с. 165].

Мы солидарны с Н. А. Поповым, который считает, что «данный способ является не только эффективным средством общего предупреждения, но и позволяет восстановить нарушенные права и свободы, возместить нанесенный моральный вред и убытки» [40, с. 165].

Неверно было бы, рассматривая предупреждение, не упомянуть о значении наказания, так как «рефлекторное общепреventивное воздействие достигается главным образом в результате применения наказания к лицам, совершившим преступления» [246, с. 105]. Уровень карательного воздействия является важнейшим моментом в обеспечении эффективности общего предупреждения преступлений. Он складывается из законодательного закрепления уровня карательного воздействия и из реализации его правоприменительной практики. Для общего предупреждения важно, чтобы уровень карательного воздействия соответствовал уровню преступности. Кривая уровня воздействия должна следовать за кривой уровня преступности. Только в этих условиях возможно достижение эффективности общего предупреждения преступлений [47, с. 7].

Следующим субъектом предупреждения является прокуратура. Реализация предупредительных функций прокуратурой осуществляется путем надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Предупредительное воздействие оказывается вынесением определений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, отменой незаконных постановлений, отстранением от ведения следствия, дачей следователю и дознавателю указаний, непосредственным участием прокурора в следственных действиях.

Заявления и сообщения о фактах принуждения к даче показаний и попытках поступают, как правило, в органы прокуратуры. От них зависит реше-

ние о проведении служебной проверки и возбуждении уголовного преследования в отношении того или иного лица. Значительное влияние на профилактику данных преступлений оказывает справедливость и объективность действий прокурора.

Полагаем, что ввиду необходимости усилить прокурорский надзор и ведомственный контроль за законностью содержания граждан в иных служебных помещениях (введение дежурных прокуроров в отделах полиции как в г. Астане), а также создать ведомственные комиссии по соблюдению конституционных прав граждан в уголовном процессе

Появление в органах внутренних дел специализированного субъекта профилактики — службы собственной безопасности — обуславливает координацию деятельности прокуратуры по предупреждению и расследованию преступлений именно с этим субъектом профилактики.

Прокурорам также следует активнее участвовать в работе по повышению квалификации работников ОВД, разработке мероприятий по расследованию уголовных дел.

В органах Министерства внутренних дел субъектами профилактики являются Управление собственной безопасности, отдел кадров, начальники подразделений, областные военно-врачебные комиссии.

Проведение служебных проверок по каждому факту правонарушения, допущенному сотрудниками, функциональная обязанность службы собственной безопасности и инспекторов отдела кадров. Однако представляется, что практически не реализованы возможности этих органов в информировании сотрудников отдела о результатах рассмотрения уголовных дел. Если такая работа и проводится, то лишь внутри одного территориального отдела. Полагаем, что информацию необходимо доводить до сведения хотя бы на территории того субъекта, где имел место факт преступления. Во избежание солидарности правоохранительных органов считаем, что следует выделить отделы (управления) собственной безопасности из территориальных органов внутренних дел, обеспечить их полной материально-технической и организационной независимостью (с целью повышения эффективности проводимых данной службой ОРМ).

Отделы кадров, проводящие подбор кандидатур на должности следователя, сотрудника отдела криминальной полиции, должны уделять особое внимание морально-психологическому облику кандидата, его личностным качествам.

Начальники подразделений, осуществляя процессуальное руководство расследованием, присутствуя в ходе производства следственных действий, также должны участвовать в профилактике данных преступлений. Помимо этого, они организуют обучение следователей, оперуполномоченных, до-

знавателей, участковых инспекторов, знакомят их с изменениями, произошедшими в законодательстве.

Именно начальникам как субъектам предупреждения следует обратить самое пристальное внимание на критерии оценки деятельности органов внутренних дел, тем более что количество зарегистрированных преступлений не отражает реальную картину, а означает лишь количество фактов, которые способна переработать правоохранительная система [247, с. 86].

Одной из причин преступности в правоохранительных органах является существующая система отчетности — «процентомания».

Несколько десятилетий ученые обсуждают данную проблему, предлагая различные пути ее решения [248, с. 44-52; 249, с. 61]. Представляется, что настало время для соединения усилий ученых и практиков в этом направлении.

В органах внутренних дел существует институт наставничества — мера, способствующая не только адаптации новичков в коллективе, но и в профилактике. Наставник передает молодому сотруднику опыт раскрытия и расследования преступлений, помогает рационально организовать свою работу, следить за законностью действий последнего.

Данный институт относится к мерам индивидуальной профилактики, как, впрочем, и все воздействие на сотрудника, осуществляемое на уровне трудового коллектива [250, с. 27].

Отнесение трудового коллектива к субъектам индивидуальной профилактики обусловлено тем, что именно в коллективе возможно с точностью определить круг сотрудников, требующих активного воздействия с учетом их индивидуальных качеств, связей и характера взаимоотношений.

Факты допуссаемого нарушения трудовой дисциплины, пьянства не должны оставаться без внимания коллектива (отдела, отделения), инспекторов отдела кадров.

Проведенное исследование показало, что пьянство не только имеет место, но и в ряде случаев оказывает воздействие на принятие решения о подаче заявления на противоправные действия сотрудников (6 % «отказных» материалов). Потерпевшие (особенно подозреваемые в тяжком преступлении) зачастую готовы смириться с насилием со стороны должностного лица либо считают его допустимым, однако когда такое воздействие оказывается сотрудником, находящимся в нетрезвом состоянии, его действия воспринимаются как незаконные. Однако борьба с пьянством необходима не только и не столько поэтому. После принятия алкоголя теряется способность к самоконтролю, проявляется несдержанность, грубость [251, с. 95]. Пьянство — одна из основных и наиболее трудноустраняемых причин преступного поведения.

По справедливому мнению профессора М. П. Клейменова, «для сокращения алкоголизма недостаточно ограничить продажу спиртных напитков и усилить ответственность за их потребление ..., главное — заменить спиртные напитки в структуре товарооборота, досуга, общения элементами, соответствующими культуре ... общества» [53, с. 115]. Этим же позиций придерживаются и многие другие ученые [39, с. 314-316; 252, с. 47].

Таким образом, индивидуально-профилактические меры борьбы с пьянством сотрудников будут действительны лишь в сочетании с мерами общесоциальной профилактики.

Значительную роль в предупреждении преступлений играют учебные заведения МВД РК, также являющиеся субъектами профилактики. На них, по мнению ученых, возлагаются меры не только ранней, но и непосредственной профилактики [69, с. 134; 242, с. 459].

Во-первых, следует в ходе обучения тактике и методике производства следственных действий сформировать правосознание у будущих сотрудников органов внутренних дел

Во-вторых, необходимо в ходе прохождения стажировки слушателей выпускных курсов выявлять дефекты правосознания, неспособность выпускника к самостоятельному осуществлению профессиональных обязанностей.

Кроме того, в систему учебных заведений МВД входят факультеты повышения квалификации, профессиональной подготовки, заочного обучения, курсы по переподготовке кадров, в этой связи, работая со слушателями факультета заочного обучения, данные подразделения должны выступать также в роли субъектов профилактики.

Подводя итог сказанному, хотелось бы только отметить тот факт, что меры общей профилактики преступлений должны отвечать соответствующим требованиям, диктуемым современными условиями и самой действительностью, при этом особого внимания заслуживает требование обеспечения законности при осуществлении мер общей профилактики преступлений, поскольку речь идет о правовой основе этой деятельности, где субъектами выступают суд, прокуратура, служба собственной безопасности. В органах Министерства внутренних дел субъектами профилактики являются Управление собственной безопасности, отдел кадров, начальники подразделений, областные военно-врачебные комиссии.

3.2 Организационные меры предупреждения противоправных действий, совершаемых сотрудниками ОВД с целью получения показаний

Правозащитными организациями проводится значительная работа по понижению виктимности. Велика в ней и роль средств массовой информации, но не следует забывать о необходимости проведения подобных мероприятий со стороны суда и правоохранительных органов.

Одно из таких мероприятий — пропаганда правовых знаний средствами массовой информации, лекционная пропаганда [253, с. 135].

Следует отметить, что некоторыми авторами предлагается заимствовать опыт полиции зарубежных стран, где любому задержанному по подозрению в совершении преступления зачитывают вслух его права (например, правила Миранды) [109, с. 25-26; [254, с. 133; 255].

Полагаем, что к данному предложению следует прислушаться, однако заметим, что имплементация не должна проводиться путем слепого копирования правил Миранды в отечественное уголовное судопроизводство. Уже несколько лет американские ученые и полиция обращают внимание на несовершенство данных правил [256], в пяти штатах США в настоящее время отменено их действие. Кроме того, Подкомиссией по уголовным делам и процедурам законодательного комитета Сената еще в 1997 г. в Конгрессе США были поведены слушания с целью аннулирования решения по делу Миранды и некоторым другим как вредные для правоприменительной деятельности, защиты прав задерживаемых и развития судопроизводства в целом [257, с. 161-173].

Все это позволяет заключить, что, заимствуя данный институт, отечественному законодателю следует учесть не только положительный опыт, наработанный в ходе применения правил Миранды, но и выявленные недостатки.

Еще одной мерой предупреждения, которая будет способствовать соблюдению прав лиц, вовлеченных в досудебное производство, является требование обязательной фиксации лиц, вызванных в органы следствия и дознания, не только в качестве подозреваемых, обвиняемых, но и свидетелей, потерпевших, очевидцев.

В настоящее время требование фиксации касается лишь доставляемых в отдел полиции подозреваемых и обвиняемых. Однако и это требование игнорируется, поскольку, если в книге доставленных произвести отметку о времени и мотивах доставления, а затем в кабинете оперативного работни-

ка вести опрос, который не даст желаемого результата, то может возникнуть вопрос о превышении должностных полномочий или незаконном задержании (ст. ст. 308, 346 УК РК). Поэтому зачастую опрашиваемого сразу доставляют в кабинет оперативного работника, где он может содержаться длительное время, в течение которого производится опрос.

Свидетели, потерпевшие, очевидцы вообще не фиксируются в дежурной части, когда прибывают и уходят из отдела с лицом, их вызвавшим.

Полагаем, что обязательная фиксация всех вызванных и доставленных посетителей в специальной книге не только будет удерживать сотрудников от противоправных действий, но, и облегчит доказывание подобных фактов.

В такой книге следует фиксировать: фамилию, имя и отчество посетителя; время его прибытия; цель, с которой он вызван либо доставлен; лицо, к которому следует; время убытия («куда ушел», к примеру, помещён в ИВС и т. д.); графу, в которой бы посетитель ставил свою подпись и высказывал замечания (адрес, телефон лица — для встречной проверки надзирающему прокурору). Кроме того, в случае, если посетитель находился в отделе полиции более трех часов, сотрудник, работавший с ним, должен указать основания такой задержки, ее результат.

Эта книга должна представляться прокурору наряду с другими проверяемыми документами. Прокурор может провести встречную проверку по журналу лиц, содержащихся в ИВС с целью установления действительного времени содержания лица в здании (помещении) отдела полиции и перевода его в ИВС.

Предупреждению противоправных действий сотрудников органов внутренних дел, а также ложных заявлений со стороны граждан о противоправных действиях сотрудников полиции будет способствовать и более широкое применение видеосъемки и аудиозаписи производимых следственных действий. Полагаем, что следует рекомендовать органам расследования проводить обязательную видео- и аудиозапись не только осмотра места происшествия, но и первого опроса (допроса) очевидцев, подозреваемых и других лиц ввиду высокой доказательственной и поисковой ценности данных мероприятий.

В понижении виктимности, повышении правовой грамотности населения, непосредственном предупреждении преступлений немалая роль должна отводиться такому негосударственному субъекту профилактики, как адвокатура.

К профилактическим мероприятиям, выполняемым ею, следует относить не только участие в следственных действиях в роли защитника подозреваемого и обвиняемого или представителя потерпевшего, гражданского

истца или гражданского ответчика. Адвокаты должны выступать с лекциями перед производственными коллективами, гражданами, проживающими на территории, обслуживаемой юридической консультацией.

Данное направление деятельности в настоящее время не практикуется, адвокатура, как негосударственная, самофинансируемая организация, занята «зарабатыванием» денег. Это во многом объясняется тем, что рассматриваемый институт находится в стадии становления (не выработана его четкая структура, не завершено формирование законодательной базы).

Причинами пассивного поведения адвокатов в ситуации, когда потерпевшие сообщают им о фактах принуждения к даче показаний либо пыток, является нежелание потерпевшего контактировать с органами дознания или следствия и неуверенность в том, что событие будет доказано.

Полагаем, что это не оправдывает адвокатов. Именно они, как представители интересов потерпевших, должны использовать все законные средства защиты, во многом от них зависит уровень латентности данных видов преступлений — именно адвокатам в силу доверительных отношений с клиентом известно, насколько заявление о принуждении к даче показаний или о пытках оправданно. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что адвокат никому не обращается в связи с тем, что считает заявления своих подзащитных ложными.

Кроме того, в настоящее время адвокаты не всегда используют законные средства для защиты своего клиента [258, с. 41].

Приходим к выводу, что активизация общей и индивидуально-профилактической деятельности членов адвокатских коллегий позволит предупреждать преступления, совершаемые сотрудниками ОВД, снизить уровень латентности должностных преступлений. В связи с чем, предлагаем принять закон об адвокатуре и внести соответствующие изменения в УПК.

Кроме того, основанная на законе нравственная деятельность поднимет авторитет адвокатуры.

Средства массовой информации, относимые к числу негосударственных субъектов профилактики, помимо доведения правовых знаний до широкой аудитории (правовой пропаганды) способны быть средством формированием имиджа правоохранительных органов, а, по мнению некоторых авторов, взаимодействие последних со СМИ, может привести к значительному снижению фактов нарушения законности [259, с. 14].

Однако в настоящее время такое взаимодействие налажено очень плохо. Кроме того, контент-анализ публикаций, посвященных преступлениям сотрудников правоохранительных органов, показал, что, несмотря на наличие определенной «специализации» журналистов, статьи носят характер ин-

формационных сообщений. Публикации в своем большинстве эмоциональны, не содержат объективного анализа событий.

Аналогичны по характеру и некоторые телевизионные передачи, в частности, программы «Тревожная зона», «Человек и закон», «Рейдер». Ссылки на законодательство, комментарии компетентных лиц в них носят эпизодический характер.

Устранение указанных недостатков в работе СМИ позволит добиться реального профилактического эффекта.

На наш взгляд, представляет интерес точка зрения неправительственных организаций на проблему реализации Конвенции и выполнения рекомендаций Комитета против пыток ООН. По результатам проведенного в октябре 2004 г. мониторинга соблюдения Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в Республике Казахстан были выдвинуты следующие рекомендации:

1. Законодательно установить порядок, при котором на жалобы о пытках будут даваться мотивированные ответы с анализом и оценкой приведенных доводов.

2. Пересмотреть критерии оценки работы правоохранительных органов, то есть полностью отказаться от оценки их работы по проценту раскрываемости уголовных преступлений, как основного показателя оценки эффективности работы.

3. Усилить судебный и прокурорский надзор за ведением следствия и дознания, не оставлять без внимания ни одно заявление о применении пыток.

4. Судам при рассмотрении дел, в ходе которых сделано заявление о применении пыток, производить тщательную проверку поступившего заявления, в зависимости от результатов проверки ставить вынесение обвинительного приговора.

5. Создать независимый, не связанный с органами уголовного преследования и прокуратурой государственный институт, действующий под парламентским контролем, уполномоченный возбуждать дела и проводить расследования по заявлениям о применении пыток.

6. Ввести в УПК определения понятия «задержание», определить момент задержания, предусмотреть в законе обязанность органа уголовного преследования регистрировать задержанного в Книге учета задержанных в момент доставления задержанного в полицейский участок с разъяснением последнему прав, гарантированных нормами УПК лицу, подозреваемому в совершении преступления.

7. Расширить полномочия Уполномоченного по правам человека и Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан по проведению расследований по фактам пыток и жестокого обращения.

8. Принять законодательные акты по общественному контролю в уголовном судопроизводстве и за соблюдением прав человека в полицейских участках, изоляторах временного содержания, следственных изоляторах и в пенитенциарных учреждениях [46].

Все вышесказанное позволяет заключить, что предупреждение рассматриваемых преступлений требует «использования разнообразных методов и средств правового, идеологического, культурно-воспитательного или организационного характера» [260, с. 160] и может быть достигнуто только путем координации усилий всех субъектов профилактики.

Говоря о предупреждении преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, уместно вспомнить поговорку о том, что ничто не обходится государству так дорого, как дешевая полиция.

Повышение социальной защищенности сотрудников, материальное обеспечение, совершенствование нормативно-правовой базы, их культурного и нравственного уровня — это меры, которые обладают общепрофилактическим эффектом и способны оказать влияние на соблюдение законности в ходе раскрытия и расследования преступлений. Их выполнение должно быть не только государственной, но и общественной задачей [40, с. 183].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Принуждению к даче показаний и пыткам характерен высокий уровень латентности. При изучении латентности данных преступлений следует учитывать их криминологические, криминалистические и процессуальные аспекты.

2. Проведенный нами исторический и сравнительный анализ уголовных кодексов Республики Казахстан, Франции, Испании, Германии показал социальную обусловленность введения уголовно-правового запрета за пытки и принуждение к даче показаний. Конструкция рассматриваемого состава как формального дает нам повод утверждать, что законодатель, понимая ценность нормальной деятельности органов правосудия, поставил под защиту не только реальное нарушение этой деятельности, но и угрозу такового.

3. Ретроспективный анализ развития исследуемых норм дает возможность предположить, что для казахстанского уголовного законодательства характерно стремление к отдельному нормативному закреплению запрета, обеспечивающего неприкосновенность участников процесса от конкретных неправомерных действий сотрудников органов внутренних дел в рамках уголовного судопроизводства.

4. Уголовно-правовое принуждение совершается только в форме умышленного деяния. В том случае, когда лицо осознает незаконность своих действий, предвидит наступление преступных последствий и желает их наступления. Было бы не логичным совершить принуждение либо пытки по неосторожности, т. е., не осознавая противоправности характера своих действий и не предвидя наступления преступного результата, хотя лицо должно и могло его предвидеть, или, предвидя наступление преступных последствий, лицо легкомысленно рассчитывает на их предотвращение.

5. Превышение власти, пытки и принуждение к даче показаний являются смежными составами преступлений, и не всегда практическими работниками при квалификации деяний они правильно дифференцируются.

Следовательно, хотя статистика показывает невысокие данные по принуждениям к даче показаний и пыткам, существуют объективные признаки роста показателей по этому преступлению. Следует также учесть высокую степень латентности этих деяний, как правило, они происходят без участия посторонних лиц и скрытно.

6. Вопрос о непосредственном объекте преступления можно рассматривать только применительно к одной статье Уголовного кодекса. Однако, несмотря на то, что при совершении нескольких посягательств, предусмотренных ст. ст. 347, 347-1 УК РК, их непосредственные объекты будут обладать строго индивидуальными чертами, можно утверждать, что внутренняя структура этих объектов одинакова.

7. Для устранения образовавшегося в настоящее время пробела в уголовном законодательстве в ч. ч. 2, 3 и 4 ст. 354 УК РК следует предусмотреть ответственность общего субъекта за принуждение к даче правдивых показаний.

8. Кроме того, установив круг потерпевших в ст. 347 УК РК (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и эксперт), законодатель не включил обвиняемого и подозреваемого в число потерпевших в ст. 354 УК РК. Считаю, что необходимо включить перечисленных лиц под охрану данной статьи, поскольку, работая в оперативном отделе УВД г. Петропавловска, диссертант сталкивался в фактами давления со стороны соучастников подозреваемого, заставлявших последнего взять на себя вину в совершенном преступлении.

9. Показания являются предметом, по поводу которого возникает общественное отношение, охраняемое нормой. Явка с повинной, а также другие документы, полученные не в результате производства следственных действий, не являются показаниями.

10. В случае применения принуждения к даче показаний или пыток с целью получения данных, оформленных протоколом допроса, но полученных до возбуждения уголовного дела, квалификация действий виновного не должна изменяться, так как, принуждая, лицо рассчитывает возбудить уголовное дело, если получит нужные показания (иначе не стоило бы заполнять протокол допроса). Кроме того, составление протокола позволяет предупредить об уголовной ответственности по ст. 353 УК РК, то есть дает дополнительное психологическое преимущество над допрашиваемым.

11. Уголовно-процессуальное (правомерное) принуждение — это совокупность предоставленных правоприменителю законом допустимых средств, обеспеченных принудительной силой государства и воздействующих на волю путем ограничения или лишения отдельных прав и свобод тех субъектов конкретной процессуальной обязанности, которые не желают добровольно ее выполнять.

12. Общественно опасное принуждение — это также воздействие. Кроме того, это воздействие, осуществляемое против желания лица, не предоставляющее ему свободы выбора определенного варианта поведения и нарушающее отдельные права и свободы.

13. Полагаем, что процесс установления содержания иных незаконных действий должен осуществляться по нескольким направлениям. Прежде всего, следует определить их соотношение с неправомерным принуждением, выступающим в роли базового понятия, и выработать единые критерии, позволяющие оценивать возможность отнесения конкретных деяний к рассматриваемой категории. Затем необходимо выделить из указанного понятия такие способы воздействия на участников процесса, которые сформировались и существуют как достаточно автономные, обладающие специфическими признаками, варианты противоправного поведения, а именно — подкуп и обман допрашиваемого.

Таким образом, если установлено, что конкретный способ воздействия на лицо с целью получения показаний, не включающий угрозы, шантаж или пытки, рассматривается в УК как самостоятельное преступление и в этом качестве приобретает признаки, характерные для неправомерного принуждения в целом, его следует оценить как недопустимый и отнести к иным незаконным действиям в ст. 347 УК РК.

14. Угроза законными действиями не является принуждением, поскольку не соответствует признакам указанного родового понятия, и поэтому должна наказываться только в том случае, если преследует цель получения ложных показаний. Например, решение следователя избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы, зависит от того, насколько обвиняемый искренен и раскаивается в совершенном преступлении. Любое разъяснение следователем создавшейся на момент допроса ситуации в виде фразы «у меня есть все основания арестовать Вас, если Вы не пойдете навстречу следователю и не дадите правдивые показания» может быть расценено как угроза. Признание таких действий принуждением означало бы криминализацию повышения голоса на потерпевшего, хлопков ладонью по столу, любой обстановки, создающей психологическое напряжение.

15. В ст. 347 УК реальность угрозы не определяется содержанием конкретных ее видов, поскольку факт использования угрозы, независимо от содержания последней, сам по себе является преступлением, на наказуемость которого не влияют индивидуальные особенности потерпевшего, например, безразличие к угрозам или плохой слух, не позволяющий ему в полном объеме фиксировать поступающую от других лиц информацию.

16. Такой элемент родового понятия неправомерного принуждения, как иные незаконные действия, прежде всего, должен предусматривать в качестве обязательного признака преодоление воли допрашиваемого путем создания условий, при которых выполнение требований правоприменителя является единственной осознаваемой принуждаемым возможностью избежать противоправных ограничений и лишений. Обладая указанным обяза-

тельным признаком, иные незаконные действия, кроме того, должны содержать признак недопустимости и в обобщенном виде как: 1) способы воздействия, закрепленные в УК в качестве самостоятельных преступлений (кроме угроз и шантажа, которые не относятся к иным незаконным действиям, поскольку прямо перечислены в ст. 347 УК); 2) предусмотренные законом, но примененные сотрудником органов внутренних дел ненадлежащим образом: либо не к тем участникам процесса, либо без соблюдения порядка и условий их использования; 3) не имеющие никакого нормативного закрепления.

17. Проведенный анализ действующего уголовного законодательства свидетельствует о том, что ответственность за преступления, предусмотренные ст. 347 и ст. 347-1 УК РК, возможна лишь в случае психического либо физического воздействия на лицо с целью получения показаний, т. е. выдачи какой-либо информации. Вместе с тем, в судебно-следственной практике имеют место факты принуждения к выдаче вещественных доказательств, предметов и документов, запрещенных к обращению, которые в настоящее время квалифицируются правоприменителями по ст. 308 УК РК, что, по нашему мнению, не соответствует требованиям законности и справедливости, поскольку при совершении подобного рода деяний, в первую очередь, затрагиваются интересы правосудия.

В этой связи, предлагаем в главе «Преступления против правосудия» УК РК предусмотреть ответственность за подобные действия и изложить в следующей редакции:

«Статья 347-2. Принуждение к выдаче вещественных доказательств или предметов и документов, запрещенных к обращению

1. Принуждение к выдаче вещественных доказательств или предметов и документов, запрещенных к обращению, со стороны лица, производящего предварительное расследование, путем использования угроз или иных незаконных действий, — наказывается ...

2. То же деяние, соединенное с применением пытки, — наказывается ...».

18. В случае если лицо, обладающее юридическими признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 347 УК РК, не принимает непосредственного участия в совершении указанного преступления, а привлекает для этого иное лицо, не являющееся специальным субъектом, действия представителя власти должны квалифицироваться как превышение должностных полномочий и подстрекательство общего субъекта, в зависимости от наступивших последствий, к соответствующему преступлению против личности.

19. Исследование судебно-следственной практики, анонимный опрос практических работников показывает, что принуждение к даче показаний нередко совершается в соучастии, в частности, в таких его формах как группа лиц и группа лиц по предварительному сговору. Однако, учитывая то, что данные признаки не предусмотрены в законе в качестве квалифицирующих, правоприменительные органы и суды вынуждено квалифицируют содеянное по ст. 347 УК РК, в рамках основного состава преступления, что, безусловно, не отражает степень общественной опасности совершенного деяния.

На основании изложенного диссертант предлагает ввести в ст. 347 УК РК ч. 2, где найдут отражение в качестве квалифицирующих обстоятельств такие формы соучастия как группа лиц и группа лиц по предварительному сговору. Дополнительным аргументом, свидетельствующим о правильности постановки вопроса, выступает то, что в ч. 2 ст. 347-1 УК РК в перечне квалифицирующих обстоятельств предусмотрены данные признаки.

20. Решающее значение в процессе разграничения преступлений имеет количество признаков, которыми они выделяются из общей группы. Наибольшие проблемы представляет собой отграничение нормы об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и попытки от прещения власти или должностных полномочий.

21. На наш взгляд, назрела необходимость принятия Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан, который бы дал толкование терминов «лицо, производящее дознание», «показания», «пытка», в целях ее однозначного применения и устранения возможных ошибок. До разрешения этого вопроса мы, в свою очередь, предлагаем встать на позицию тех решений Верховного суда, в которых термин «показания» толкуется расширительно, а также расширительно толкуется и субъект принуждения к даче показаний — любое лицо, которое в силу должностных полномочий имеет право на производство действий, носящих уголовно-процессуальный характер. Основополагающим для квалификации действий сотрудников правоохранительных органов по ст. ст. 347, 347-1 УК РК должен быть именно процессуальный характер действий (что и будет означать посягательство на интересы правосудия), а также направленность умысла виновных на использование полученной информации для раскрытия и расследования уголовного дела.

22. Необходимо наладить координацию деятельности всех субъектов предупреждения. В предупреждении принуждения к даче показаний и попыток необходимо осуществление как общих, так и специальных мер.

23. Выделить отделы (управления) собственной безопасности из территориальных органов внутренних дел, обеспечить их полной материально-

технической и организационной независимостью (с целью повышения эффективности проводимых данной службой ОРМ).

24. Усилить прокурорский надзор и ведомственный контроль за законностью содержания граждан в иных служебных помещениях (введение дежурных прокуроров в отделах полиции как в г. Астане, создание ведомственных комиссий по соблюдению конституционных прав граждан в уголовном процессе).

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баев О. Я.** Тактика следственных действий. — Воронеж, 1995.
2. **Бахин Б., Байжасаров Б., Когамов М.** Методика расследования заказных убийств. — Алматы, 2000. — 120 с.
3. **Белкин Р. С.** Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. — М., 1988.
4. **Белкин Р. С.** Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. — М., 2001.
5. **Белкин Р. С.** Теория и практика следственного эксперимента. — М., 1959.
6. **Бородулин А. И.** Убийства по найму: Криминалистическая характеристика. Методика расследования. — М., 1997.
7. **Бычкова С. Ф., Гинзбург А. Я.** Следственные действия. Краткий комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан. — Алматы, 1998.
8. **Васильев В. Л.** Юридическая психология. — Ленинград, 1974.
9. **Васильев А. Н.** Следственная тактика. — М., 1976.
10. **Васильев А. Н., Яблоков Н. П.** Предмет, система и теоретические основы криминалистики. — М., 1984.
11. **Васильев А. Н.** Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — М., 1978.
12. **Виницкий Л. В.** Осмотр места происшествия: организационные, процессуальные и тактические вопросы. — Караганда, 1986.
13. **Волков В. Н., Датий А. В.** Судебная медицина. — М., 1997.
14. **Гаврилов А. К.** Раскрытие преступлений на предварительном следствии. — Волгоград, 1976.
15. **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы раскрытия преступлений. — Свердловск, 1975.
16. **Гельманов А. Г., Лавров В. П., Хазиев Ш. Н.** Методика расследования убийств, совершаемых несовершеннолетними. — М., 1985.
17. **Гинзбург А. Я.** Тактика предъявления для опознания. — М., 1971.
18. **Гинзбург А. Я., Поврезнюк Г. И., Калинин А. В.** Справочник следователя. — Алматы, 1998.
19. **Гинзбург А. Я., Белкин А. Р.** Криминалистическая тактика: Учебник / Под ред. А. Ф. Аубакирова. — Алматы, 1998.
20. **Гинзбург А. Я.** Осмотр места происшествия. Освидетельствование. — Алматы, 1997.

21. *Гинзбург А. Я.* Криминалистические основы следственных действий (по УПК РК). — Алматы, 2002.
22. *Драпкин Л. Я., Долинин В. Н.* Тактика отдельных следственных действий. — Екатеринбург, 1994.
23. *Дулов А. В., Нестеренко П. Д.* Тактика следственных действий. — Минск, 1971.
24. *Дулов А. В.* Тактические операции при расследовании преступлений. — Минск, 1979.
25. *Жиенбаев А. С.* Особенности расследования убийств по найму с использованием тактических операций: Дис. ... канд. юрид. наук. — Алматы, 2000.
26. *Звирибуль А. К.* Расследование убийств. — М., 1980.
27. *Зеленский В. Д.* Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. — Ростов-на-Дону, 1989.
28. *Иванов В. И.* Расследование убийств, совершенных в драке. — М., 1963.
29. *Карагодин В. Н., Никитина Е. В., Заиляпин Л. А.* Расследование убийств. — Екатеринбург, 1993.
30. *Ким К. В.* Комплексное применение криминалистических методов. — Караганда, 1995.
31. *Козусев А. Ф.* Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел об убийствах по найму. — М.-Воронеж, 2001.
32. Криминалистическая тактика: Курс лекций. — Караганда, 1999.
33. *Соловьев А. Б.* Использование доказательств при допросе. — М., 1981.
34. *Лавров В. П., Сидоров В. Е.* Расследование преступлений по горячим следам. — М., 1989.
35. *Ларин А. М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М., 1970.
36. *Лозинский Т., Самсонов А. С.* Использование криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании убийств // Профессионал. — 2000. — № 6(38).
37. *Лузгин И. М.* Моделирование при расследовании преступлений. — М., 1981.
38. *Лузгин И. М.* Расследование как процесс познания. — М., 1969.
39. *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования. — М., 1973.
40. *Лукашевич В. Г.* Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий. — Киев, 1989.

41. *Мерецкий Н. Е., Прутовых В. В.* Тактические приемы осмотра трупа на месте его обнаружения. — М.-Воронеж, 2004.
42. *Мионов А. И.* Осмотр места происшествия по делам об убийствах. — М., 1958.
43. *Нурғалиев Б. М., Шарипов С. Р., Нечаев В. Н.* Курс лекций по криминалистической технике. — Караганда, 2005.
44. Осмотр места происшествия: Практ. пос. — М., 2000.
45. *Образцов В. А.* Серийные убийства как объект психологии и криминалистики. — М., 2003.
46. *Образцов В. А.* Основы криминалистики. — М., 1996.
47. *Порубов Н. И.* Особенности осмотра места происшествия по делам об убийствах. — М., 1986.
48. *Поташник Д. П.* Криминалистическая тактика. — М., 1998.
49. *Платонов В. Ф.* Наш опыт раскрытия и расследования убийств // Опыт организации работы следственного отдела (управления) по расследованию убийств. — М., 1968.
50. Руководство по расследованию убийств. — М, 1977.
51. *Рассейкин Д. П.* Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. — Саратов, 1967.
52. *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. — М., 1967.
53. *Селиванов Н. А., Видонов Л. Г.* Типовые версии по делам об убийствах. — М., 1989.
54. *Сидоров В. В.* Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. — М., 1992.
55. Справочник следователя (Практическая криминалистика: следственные действия). — М., 1990. Вып. 1.
56. Справочник следователя. (Практическая криминалистика: расследование отдельных видов преступлений). — М., 1990.
57. Справочная книга криминалиста. — М. 2001.
58. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности). — Волгоград, 1984.
59. *Соловьев А. Б.* Особенности доказывания вины в убийстве при признании подозреваемым факта пребывания на месте происшествия // Прокурорская и следственная практика. — 2003. — №№ 1-2.
60. *Торвальд Ю.* Век криминалистики. — М., 1984.
61. *Тихонов Ю. С.* Рассмотрение первоначальных материалов и возбуждение уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних. — Рязань, 1976.

62. Установление лиц, совершивших убийства в связи с завладением социалистическим имуществом. — М., 1985.
63. Фиксация результатов осмотра места происшествия: Справочное пособие для следователей. — Киев, 1981.
64. *Хлынцов М. Н.* Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. — Саратов, 1982.
65. *Шиканов В. И.* Криминалистическое значение следов крови. — Иркутск, 1974.
66. *Шиканов В. И.* Информация к тактической операции «Атрибуция трупа». — Иркутск, 1975.
67. *Шиканов В. И.* Использование специальных познаний при расследовании убийств. — Иркутск, 1976.
68. *Шиканов В. И., Тарнаев Н. Н.* Запаховые микроследы: криминалистическое значение, процессуальный статус, возможность исследования на идентичность. — Иркутск, 1974.
69. *Шмидт А. А.* Пути повышения эффективности деятельности следователя на первоначальном этапе расследования убийств // Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений: Межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск, 1978. Вып. 72.
70. *Шмидт А. А., Карагодин В. Н., Зонов Л. Г.* Взаимодействие следователя с участниками осмотра места происшествия по делам об убийствах // Вопросы взаимодействия следователя и других участников расследования преступлений: Межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск, 1984.
71. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел. — М., 2003.
72. *Якубович Н. А.* Теоретические основы предварительного следствия. — М., 1971.

ПРИЛОЖЕНИЕ

---

1 Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение — конгресс ученых правоведов // Государство и право. — 1999. — №2. — С. 103-106.

2 Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. — М., 1981. — С. 35-43.

3 Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1995. — 217 с.

4 Ли Ч. Г. История инквизиции: в 3-х т-х. — М., 1995. Тт. 1, 2. — 428 с.

5 Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. — М.: Наука, 1991. — 207 с.

6 Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права (История государства и права зарубежных стран): 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 1983. — 656 с.

7 Франц фон-Лист. Учебник уголовного права: (Особенная часть). Разрешенный автором перевод с 12 и 13 переработанного издания Ф. Еляшевича. — М., 1905. — 765 с.

8 Уголовное Уложение. Проект редакционной комиссии и объяснение к нему. В 12-ти т-х. — СПб., 1897. Т. VIII. Гл. 35. — 678 с.

9 Новый УК Франции. — М., 1993. — 198 с.

10 Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. — М., 1998. — 205 с.

11 «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» от 10 декабря 1984 г.

12 Богораз-Тан. Чукчи. — Л., 1934. Ч. 1. — 179 с.

13 Буданов Б. Обзор истории русского права. — СПб., 1915. — 385 с.

14 Котляровский А. Древности юридического быта балтийских славян. — Прага, 1874. — 396 с.

15 ЦГА РК. Ф. 4. оп. 1. д. 2794. л. 57.

16 Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. — Ташкент, 1889. Т. 1. — 175 с.

17 Тронов В. Д. Обычай и обычное право киргиз // Записки ИРГО по отделению этнографии. — СПб., 1891. Т. 8. Вып. 11. — С. 83-87.

18 Сборник обычного права киргиз. — СПб., 1878. Т. 1. — 288 с.

19 ЦГА РК. Ф. 4. оп. 1., д. 2788, л. 9.

20 ЦГА РК. Ф. 122. д. 14, л. 158-159.

---

21 Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4 (1735-1828). — Л.: АН СССР, 1940. — 543 с.

22 ЦГА РК. Ф. 4. оп. 1, д. 2784, л. 64.

23 Броневский С. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. — 1830. — № 123. — Ч. 43. — С. 90-98.

24 Сейдалин С. Описание киргиз-кайсацкого быта. — СПб., 1884. — 539 с.

25 Словахватов Л. А. Народный суд обычного права киргизов Малой орды. Труды Оренбургской архивной комиссии. — Оренбург, 1905. Вып. XV. — 264 с.

26 Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов / Отв. ред. Н. О. Дулатбеков. — Караганды: Болашак-Баспа, 2004. — 432 с.

27 Загряжский Г. Юридический обычай киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. — 1876. — Вып. IV. — С. 186-197.

28 Баллюзек А. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского отд. ИРГО. — 1871. — Вып. II. — С. 129-136.

29 Архив ЛОИИ, собр. рукописей, кн. № 495, л. 72.

30 ЦГВИА. Ф. 400, д. 17, ч. II, л. 144.

31 Кулешов Ю. И. Уголовная ответственность должностных лиц органов внутренних дел за преступления против правосудия: Учеб. пос. — Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1988. — 76 с.

32 История государства и права Советского Казахстана (1917-1925 гг.) / Под ред. С. З. Зиманова, М. А. Биндера. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. — 439 с.

33 Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1953 гг.) / Под ред. проф. И. Т. Голякова. — М., 1953. — 442 с.

34 Познышев С. В. Очерк Основных начал науки уголовного права: Особенная часть. — М., 1923. — 172 с.

35 Меньшагин В. Д. Особенности Уголовного кодекса РСФСР // Особенности уголовных кодексов союзных республик. — М., 1963. — С. 108-110.

36 Комментарий к Уголовному кодексу Казахской ССР / Под ред. Г. Ф. Поленова, В. Н. Маркелова. — Алма-Ата: Казахстан, 1980. — 480 с.

37 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Отв. ред. д-р юрид. наук. проф. И. Ш. Борчашвили, канд. юрид. наук. доцент Г. К. Рахимжанова. — Караганда: РГК ПО «Полиграфия», 1999. — 960 с.

---

38 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / Под общ. ред. И. Ш. Борчашвили: изд. 2-е. — Алматы: Жеті жарғы, 2007. — 992 с.

39 Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. — М., 1992. — 364 с.

40 Попов Н. А. Принуждение к даче показаний: Дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2001. — 167 с.

41 «Всеобщая декларация прав человека» от 10 декабря 1948 г. // Защита прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан: Учеб. пос. / Отв. ред. Н. А. Биекенов. — Караганда: КарЮИ МВД РК, 2002. — С. 125-132.

42 «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» от 29 ноября 1986 г.

43 «Каракасская декларация» от 5 сентября 1980 г. // IV Конгресс ООН. — Женева, 1980. — 21 с.

44 «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» от 17 декабря 1979 г.

45 Архив уголовных дел Житикаринского районного суда Костанайской области за 2006 г.

46 Базовый доклад о ситуации с правами человека в Республике Казахстан. — Астана, 2007. — 107 с.

47 Марцев А. И. Общее предупреждение преступлений на современном этапе развития общества и государства // Правовые и организационно-тактические проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. материалов научн.-практ. конф. — Красноярск, 1998. Ч. 1. — С. 6-9.

48 Кудрявцев В. Н. Криминализация как способ осуществления уголовной политики // Основания уголовно-правового запрета. — М., 1982. — С. 5-7.

49 Мальцев В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. — Саратов: изд-во Саратов. Ун-та, 1989. — 160 с.

50 Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. — Свердловск, 1983. — 87 с.

51 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1954. Т. 1. — 698 с.

52 Злобин Г. А. Основания и принципы криминализации // Основания уголовно-правового запрета. — М., 1982. — С. 211-213.

53 Клейменов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование и его роль в борьбе с преступностью: Учеб. пос. — Омск: Омск. Высш. шк., 1989. — 99 с.

---

54 Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. — М.: Изд-во Москов. Ун-та, 1969. — 231 с.

55 Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. — Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1981. — 152 с.

56 Шнайдер Г. Й. Криминология: Пер. с нем. / Под общ. ред. и с предисл. Л. О. Иванова. — М.: Изд. группа «Прогресс»-«Универс», 1994. — 504 с.

57 Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: проблемы квалификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2000. — 43 с.

58 Милоков С. Ф. Классификация скрытых преступлений по степени их латентности // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. — М., 1993. — С. 235-238.

59 Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1990. — 271 с.

60 Бышевский Ю. В., Конев А. А. Латентная преступность и правосознание: Учеб. пос. — Омск: Омск. ВШ милиции, 1986. — 73 с.

61 Данышин И. Н. Понятие, негативные последствия и методы выявления латентной преступности // Латентная преступность: познание, политика, структура. — М., 1993. — С. 232-235.

62 Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. — М.: Юрид. лит., 1975. — 184 с.

63 Лютов К. Содержание понятия «общественная опасность» // Уголовное право стран народной демократии. — М., 1963. — С. 209-214.

64 Фефелов П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. Основные методологические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1972. — 150 с.

65 Марцев А. И. Законодательное закрепление понятия правосудия // Вопросы учения о преступлении и ответственности: избр. статьи. — Омск, 1998. — С. 35-37.

66 Архив уголовных дел Атырауского городского суда за 2004 г.

67 Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. — М., 1997. — 237 с.

68 Мальцев В. В. Оценка следователем общественной опасности посягательства: Учеб. пос. — Волгоград: ВСШ, 1986. — 60 с.

69 Купленский А. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками уголовного розыска в связи со служебной деятельностью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1991. — 19 с.

---

70 Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя: Изд. 3-е. — М., 1975. — 496 с.

71 Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой: 16-е изд., исправл. и доп. — М.: Рус. яз., 1984. — 797 с.

72 Даль В. Толковый словарь живого Великорусского языка. — М.: Рус. яз., 2005. — 558 с.

73 Иванов В. Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения: Дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1986. — 157 с.

74 Фролов И. Т., Араб-Оглы, Арефьева Г. С. и др. Введение в философию: Учебник для вузов: в 2-х ч. — М.: Изд. АН СССР, 1989. Ч. 2. — 168 с.

75 Гришаев П. И. Понятие преступления. Причины преступности. — М., 1960. — 127 с.

76 Дурманов Н. Д. Понятие преступления. — М.- Л.: Изд. АН СССР, 1948. — 311 с.

77 Каиржанов Е. И. Интересы трудящихся и уголовный закон. — Алма-Ата, 1973. — 158 с.

78 Курс советского уголовного права (Часть Особенная). — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1970. — 670 с.

79 Курс советского уголовного права в VI томах. — М., 1971. Т. 6. — 559 с.

80 Купленский А. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками уголовного розыска в связи со служебной деятельностью: Дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1991. — 145 с.

81 Мажинян Д. Р. Презумпция невиновности и гарантии ее осуществления / Под ред. В. М. Савицкого. — Ереван, 1989. — 214 с.

82 Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве: Изд. 2-е доп. — М.: Юридиздат, 1946. — 246 с.

83 Кульберг Я. М. Преступления против правосудия. — М.: Госюриздат, 1962. — 61 с.

84 Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. — 1995. — № 1. — Ст. 1225.

85 Уголовный кодекс Российской Федерации. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. — 624 с.

86 Бунева И. Ю. Неприкосновенность личности как основной объект преступлений против правосудия, совершаемых работниками правоохранительных органов // Правовые и организационно-тактические проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. — Красноярск, 1998. — С. 87-89.

---

87 Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1960. — 226 с.

88 Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 127 с.

89 Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М.: Академия МВД СССР, 1980. — 248 с.

90 Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1971. — 19 с.

91 Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. — М.: Юрид. лит., 1963. — 273 с.

92 Кузнецова Н. А. Объяснения как источники доказательств в уголовном процессе // Отдельные актуальные проблемы работы органов МВД: Сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. — М., 1996. — С. 41-45.

93 Епихин А. Ю. Защита прав и законных интересов свидетелей в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1995. — 21 с.

94 Павлов Н. Е. Субъекты уголовного процесса. — М., 1997. — 159 с.

95 Архив прокуратуры Карагандинской области за 2003 г. Уголовное дело № 0301200026.

96 Чувилев А. А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу: Учеб. пос. — М.: Моск. ВШ МВД СССР, 1982. — 78 с.

97 Архив прокуратуры Восточно-Казахстанской области за 2004 г. Уголовное дело № 038573839449.

98 Динека В. И. Уголовная ответственность работников органов внутренних дел за превышение власти или служебных полномочий. — М., 1994. — 124 с.

99 Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия: Учеб. пос. — М.: ВЮЗИ, 1978. — 104 с.

100 Уголовный процесс / Под ред. В. П. Божьева. — М.: СПАРК, 1997. — 194 с.

101 Иванов В. Д. Вопросы борьбы с посягательствами против правосудия в деятельности органов суда и следствия Казахской ССР. — Караганда, 1975. — 44 с.

102 Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. — М.: Юрид. лит., 1968. — 134 с.

103 Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М., 1997. — 197 с.

---

104 Архив прокуратуры Павлодарской области. Уголовное дело № 035516030069.

105 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. — 629 с.

106 Белых А. К. Управление и самоуправление. Социалистическое управление: сущность и перспективы развития. — Л.: Наука, 1972. — 208 с.

107 Федоров В. П. Принуждение в системе социалистического управления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1975. — 22 с.

108 Керимова Т. В. Убеждение и принуждение при социализме: теоритические проблемы методов государственного руководства обществом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1967. — 24 с.

109 Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности / Отв. ред. И. Б. Михайловская. — М.: Наука, 1985. — 239 с.

110 Дмитриев О. В., Клейменов М. П. Деятельность ОВД по борьбе с вымогательством. — Омск, 1995. — 175 с.

111 Костров Г. К. Нужен общий состав об ответственности за принуждение // Советская юстиция. — 1976. — № 2. — С. 21-24.

112 Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. — М., 1947. — 510 с.

113 Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд. доп. — М.: Изд-во РАН, 2006. — 944 с.

114 Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 11000 синоним. Рядов: 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1989. — 493 с.

115 Ивашенко А. В., Марцев А. И. Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием: Межвуз. сб. науч. тр. — Омск, 1996. — С. 3-6.

116 Сабитов Р. А. Обман как средство совершения преступления: Учеб. пос. — Омск: Омск. ВШ милиции, 1980. — 79 с.

117 Семенов Д. А. Уголовно-правовая оценка подкупа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — 22 с.

118 Пионтковский А. А. Преступления против личности. — М.: Юридиздат, 1938. — 135 с.

119 Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1951. — 386 с.

120 Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. — СПб., 1912. — 798 с.

---

121 Кузнецова Н. Ф., Куринов Б. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // Применение наказания по советскому уголовному праву. — М., 1958. — С. 117-120.

122 Паше-Озерский Н. Н. Половые преступления в УК: (Спорные вопросы) // Вестник советской юстиции. — 1926. — № 16. — С. 5-8.

123 Уголовное право: (Особенная часть): Учебник для ВУЗов / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселова. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. — 768 с.

124 Загородников Н. И. Преступления против здоровья. — М., 1969. — 166 с.

125 Комментарий к УК РФ: (Особенная часть) / Под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева: 2-е изд. изм. и доп. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. — 832 с.

126 Уголовное право России: (Особенная часть) / Под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. — М., 1996. — 544 с.

127 Дмитриев О. В. Принуждение как способ воздействия при вымогательстве // Концепция уголовного законодательства России. — Омск, 1992. — С. 46-49.

128 Филимонов В. Д. Уголовная ответственность за рэкет // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. — Томск, 1989. — С. 36-39.

129 Корягина О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика вымогательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — 27 с.

130 Ветрова Г. Н. Соотношение убеждения и принуждения в уголовном процессе // Социальное развитие и право. — М., 1980. — С. 64-67.

131 Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения // Отдельные актуальные проблемы работы органов МВД: Сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. — М., 1996. — С. 54-58.

132 Алексеева Л. Б. Принуждение и ответственность в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1979. Вып. 30. — С. 73-77.

133 Вербин С. В. К вопросу о развитии концепции уголовно-процессуального принуждения // Организационно-правовые проблемы профилактики правонарушений органами внутренних дел в современных условиях: Межвуз. сб. науч. тр. — Тюмень, 1992. — С. 79-82.

134 Карпец И. И. Уголовное право и этика. — М.: Юрид. лит., 1985. — 256 с.

---

135 Илина Л. В., Похмелкин В. А. Пределы нравственной допустимости уголовно-процессуального принуждения // Правовое принуждение в борьбе с преступностью: Межвуз. сб. науч. тр. — М., 1989. — С. 56-61.

136 Еникеев З. Д. Проблемы развития законодательства об уголовно-процессуальном принуждении // Российский юридический журнал. — 1996. — № 3. — С. 58-63.

137 Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. — Л.: изд-во ЛГУ, 1982. — 112 с.

138 Горелик А. С. Новое уголовное законодательство по УК России 1996 г. Преступления против государственной власти. — Красноярск, 1996. — 196 с.

139 Уголовный кодекс ФРГ. — М., 1996. — 217 с.

140 Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем: Учеб. пос. — Волгоград: ВСШ, 1981. — 62 с.

141 Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. — М.: Юрид. лит., 1970. — 208 с.

142 Ларин А. М. От следственной версии к истине. — М.: Юрид. лит., 1976. — 200 с.

143 Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии. — М., 1998. — 154 с.

144 Соловьев А. Б. К вопросу о критериях правомерности психологического воздействия при допросе // Тактические приемы допроса и пределы их использования. — М., 1980. — С. 24-27.

145 Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. — СПб., 1871. Ч. 2. — 298 с.

146 Пусторослев П. П. Русское уголовное право: Особенная часть. — Юрьев, 1913. Вып. 1. — 289 с.

147 Панов Н. И. Квалификация преступлений, совершаемых путем обмана: Учеб. пос. — Харьков: Харьк. Юрид. ин-т, 1980. — 88 с.

148 Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан / Под ред. И. И. Рогова, С. М. Рахметова. — Алматы: Норма-К, 2003. Кн. 1. — 448 с.

149 Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). — М.: Юрид. лит., 1971. — 168 с.

150 Ворошилин Е. В. Ответственность за мошенничество (ст. 147 УК РСФСР): Учеб. пос. — М.: ВЮЗИ, 1980. — 70 с.

---

151 Абраменкова В. С. Правомерность и допустимость психологического воздействия следователя в процессе получения показаний // Проблемы борьбы с преступностью. — Омск-Иркутск, 1975. — С. 171-173.

152 Рагинов А. Р. Судебная психология для следователей: Учеб. пос. — М.: ВШ МООП СССР, 1967. — 290 с.

153 Тактические приемы допроса и пределы их использования: Тезисы теоритич. семинара. — М., 1980. — 89 с.

154 Соломичев В. И. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. — М.: Экспертное бюро, 1998. — 176 с.

155 Архив прокуратуры Южно-Казахстанской области. Уголовное дело № 35122040010.

156 Словарь русского языка: В 4-х т-х / Под ред. А. П. Евгеньева. — М.: Изд-во Рус. яз., 1984. Т. 3. — 750 с.

157 Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А. В. Наумов. — М., 1997. — 789 с.

158 Костров Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1970. — 152 с.

159 Курс советского уголовного права: (Часть Общая): в 6-ти т-х / Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. — М., 1970. Т. 2. — 559 с.

160 Костров Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1970. — 19 с.

161 Левертова Р. А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. — Омск: Омск. ВШ милиции, 1978. — 103 с.

162 Петрунев В. П. Ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества по советскому уголовному законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1970. — 24 с.

163 Мазуков С. Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: (По материалам Кабардино-Балкарской Республики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 1997. — 28 с.

164 Будзинский С. О преступлениях в особенности. — СПб., 1887. — 268 с.

165 Васин А., Нафиев С. Право на защиту не беспредельно // Законность. — 1999. — № 4. — С. 5-7.

166 Уголовное право Казахстана. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора И. И. Рогова и канд. юрид. наук, профессора С. М. Рахметова — Алматы, 2001. — 536 с.

---

167 Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступлений. — М.: Юрид. лит., 1974. — 167 с.

168 Кулешов Ю. И. Проблемы применения уголовно-правовой нормы об ответственности за принуждение к даче показаний как одного из средств обеспечения законности в деятельности ОВД // Правовые средства обеспечения социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. — Минск, 1989. — С. 82-85.

169 Комментарий к УК РСФСР / Под ред. Ю. Д. Северина. — М., 1984. — 528 с.

170 Таганцев Н. С. Русское уголовное право: (Часть общая): В 2 т. — СПб., 1902. Т. 2. — 1460 с.

171 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Перевод с немецкого / Под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. — М.: Прогресс, 1971. Т. 3. — 827 с.

172 Современный словарь иностранных слов. — М., 1993. — 867 с.

173 Куц В. Н. Ответственность за вымогательство по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1986. — 21 с.

174 Чучаев А. И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий. — Ульяновск, 1997. — 157 с.

175 Мельник Н. И. Уголовная ответственность за вымогательство личного имущества граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 1991. — 24 с.

176 Курс советского уголовного права: (Часть Особенная) / Под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. — 836 с.

177 Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. — М., 1984. — 415 с.

178 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. — М., 1999. — 896 с.

179 Словарь иностранных слов: 16-е изд., испр. — М., 1988. — 620 с.

180 Советское уголовное право: (Часть Особенная): Учебник / Под ред. М. И. Ковалева. — М., 1983. — 377 с.

181 Советский энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Ковалева. — М., 1979. — 840 с.

182 Москвитина Т. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 1997. — 26 с.

---

183 Абдумаджитов Г. Усиление гарантий прав и законных интересов граждан при производстве следственных действий // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. — Ташкент, 1982. — С. 42-45.

184 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Наумова. — М.: Юристъ, 1997. — 824 с.

185 Ковалев М. А. Прокурорский надзор за обеспечением прав личности при расследовании преступлений. — М., 1981. — 134 с.

186 Асташенков В. Г. Этико-юридические гарантии прав личности в процессе реализации правовых норм на предварительном следствии. — Волгоград, 1982. — 162 с.

187 Корнуков В. М. Проверка прокурором оснований для применения мер процессуального принуждения // Вопросы теории и практики прокурорского надзора: Межвуз. науч. сб. — Саратов, 1988. — С. 61-65.

188 Жогин Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. — М., 1968. — 159 с.

189 Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. — Красноярск, 1985. — 192 с.

190 Николук В. В. О принципах обновления уголовно-процессуального законодательства // Проблемы повышения эффективности деятельности органов внутренних дел. — Омск, 1990. — С. 94-97.

191 Чувилев А. А. Правомерность, содержание и пределы принуждения при производстве следственных действий // Правовое принуждение в борьбе с преступностью. — М., 1989. — С. 45-47.

192 Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. — М.: Юрид. лит., 1969. — 120 с.

193 Шарапов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1999. — 25 с.

194 Ераксин В. В. Ответственность за грабеж. — М., 1972. — 179 с.

195 Мальков С. М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2000. — 27 с.

196 Спасович В. Д. Учебник уголовного права: В 2 т. — СПб., 1863. Вып. 1. — 324 с.

197 Архив прокуратуры Северо-Казахстанской области. Уголовное дело № 45900315010.

198 Кондрашева Т. В. Квалификация изнасилования. — Свердловск, 1998. — 128 с.

---

199 Кузнецова Н. Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. — 2000. — № 1. — С. 25-28.

200 Трунцевский Ю. В. Нормы международного права как источник российского уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 1995. — 25 с.

201 Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. — Ростов-на-Дону, 1977. — 156 с.

202 Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. — М.: Госюриздат, 1957. — 363 с.

203 Орлов В. С. Субъект преступления. — М.: Госюриздат, 1958. — 260 с.

204 Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. — Алма-Ата: Наука, 1977. — 151 с.

205 Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву: Лекция. — М.: НИИРЮ, 1964. — 58 с.

206 Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — 28 с.

207 Курманбаев Б. М. Принуждение к даче показаний лицом, производящим следствие или дознание: Дис. ... канд. юрид. наук. — Алматы, 1997. — 147 с.

208 Михеев Р. И. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. — Омск, 1983. — С. 9-12.

209 Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1959. — 253 с.

210 Курс советского уголовного права: (Часть Общая) / Отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. — Л.: ЛГУ, 1968. — 698 с.

211 Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. — М., 1998. — 516 с.

212 Ткаченко В. И., Царегородцев А. М. Правовые последствия соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Проблемы борьбы с преступностью. — Омск, 1976. — С. 39-43.

213 Рарог А. И. Вина и квалификация преступлений. — М.: ВЮЗИ, 1982. — 63 с.

214 Российское уголовное право: (Особенная часть) / Под ред. В. Н. Кудрявцева. — М., 1997. — 587 с.

215 Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — Одесса, 1917. — 226 с.

---

216 Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. — М.: Юрид. лит., 1972. — 264 с.

217 Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. — М.: Госюриздат, 1950. — 318 с.

218 Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые записки ДВГУ. — Владивосток, 1968. Вып. 21. Ч. 1. — С. 72-75.

219 Марцев А. И. Виновность как признак преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. — Красноярск, 1999. — С. 40-44.

220 Кудрявцев В. Н. Соотношение предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву // Труды Академии. — М., 1951. Вып. 13. — С. 65-68.

221 Абельцев С. Мотивация особо тяжких преступлений против личности // Российская юстиция. — 1998. — №11. — С. 28-31.

222 Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Казахской ССР, Пленума Верховного Суда Республики Казахстан, нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан (1961-2004 гг.). — Алматы, 2005. — 496 с.

223 [Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» от 11 мая 2007 г. № 1](#) // Справочная правовая система «ЮРИСТ». 2008. 28 марта.

224 Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1959. — 253 с.

225 Борчашвили И. Ш., Пенчуков В. А. Некоторые вопросы соучастия по уголовному законодательству РК // Уголовный кодекс РК: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. — Караганда, 1999. — С. 52-55.

226 Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова: изд. 2-е, перераб. и дополн. — М., 1999. — 698 с.

227 Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм. — Красноярск, 1998. — 259 с.

228 Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — М., 1976. — 197 с.

229 Архив прокуратуры Северо-Казахстанской области.. Уголовное дело № 45900315005.

---

230 Белозеров Ю. Н., Чувилев А. А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела: Учеб. пос. — М.: ВШ МВД СССР, 1973. — 128 с.

231 Бородин С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела / Под ред. Б. А. Викторова. — М.: ВНИИ, 1970. — 116 с.

232 Кириченко В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. Общие вопросы. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 131 с.

233 Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. — Киев: Наукова Думка, 1978. — 186 с.

234 Бунева И. Ю. Некоторые вопросы квалификации принуждения к даче показаний, совершаемого группой лиц // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. — Красноярск, 2000. Ч. 1. — С. 148-152.

235 Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. — 1996. — № 4. — С. 5-9.

236 Рыжаков А. П., Сергеев А. И. Субъекты уголовного процесса. — Тула, 1996. — 187 с.

237 Шеслер А. В. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. — Красноярск, 2000. Ч. 1. — С. 115-118.

238 Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. — 2000. — № 1. — С. 14-16.

239 Вицин С. Е. Системный подход и преступность. — М., 1980. — 166 с.

240 Криминология / Под ред. В. В. Орехова. — СПб., 1992. — 386 с.

241 Алексеев А. И. Криминология / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1997. — 452 с.

242 Чапурко Т. М. Актуальные проблемы предупреждения преступлений несовершеннолетних уголовно-правовыми мерами // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. — Краснодар, 1996. — С. 108-112.

243 Исмаилов И. А. Проблемы предупреждения преступлений. — Баку, 1990. — 150 с.

244 Миньковский Г. М. Предмет криминологической профилактики преступлений и некоторые проблемы ее эффективности // Вопросы борьбы с преступностью. — 1972. — Вып. 17. — С. 15-18.

245 Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. — М.: Академия МВД СССР, 1980. — 526 с.

---

246 Марцев А. И. Общая превенция преступлений // Вопросы учения о преступлении и ответственности. — Омск, 1998. — С. 103-106.

247 Ларин А. М. Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. — 1999. — № 4. — С. 84-87.

248 Акутаев Р. М. Некоторые аспекты борьбы с искусственно-латентной преступностью // Государство и право. 1997. — № 3. — С. 44-52.

249 Бабаев М. М., Блувштейн Ю. Д. Бюрократизм в правоохранительной деятельности: истоки и пути преодоления // Советское государство и право. — 1990. — № 9. — С. 59-62.

250 Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В. Профилактика преступлений: Учеб. пос. — Минск: Университетское, 1986. — 286 с.

251 Бейсенов Б. С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1981. — 199 с.

252 Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. — 1971. — № 1. — С. 45-48.

253 Марцев А. И., Максимов С. В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность / Под ред. М. И. Ковалева. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. — 159 с.

254 Мерзлов Ю. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками службы криминальной милиции: Дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1998. — 153 с.

255 Вольский В. Задержание и доставление лица, причастного к совершению преступления // Законность. — 1998. — № 8. — С. 12-15.

256 Mauro T. Police wing right to remain silent on Miranda in States // USA Today. 1999. 10 February.

257 Махов В. Н., Пешков М. А. Критика правил Миранды в Конгрессе и Министерстве юстиции США // Правовед. — 2000. — № 1. — С. 161-173.

258 Фомин И. Г. Проблемы проверки обоснованности утверждения о принуждении к даче показаний // Преступления против правосудия: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. — Омск, 1996. — С. 39-43.

259 Демидов В. Н., Комлев Ю. Ю., Толчинский Л. Г. Средства массовой информации и формирование общественного мнения о правоохранительной деятельности // Государство и право. — 1997. — № 8. — С. 12-15.

260 Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М.: Наука, 1982. — 287 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ.....	3
----------------------	----------

1. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ	7
--	----------

1.1 История развития зарубежного законодательства об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний и пытки.....	7
---	---

1.2 История развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за пытки и принуждение к даче показаний	17
---	----

1.3 Общественная опасность противоправных действий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел с целью получения показаний	30
---	----

2. 2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ И ПЫТОК	50
---	-----------

2.1 Объект преступлений, предусмотренных статьями 347, 347-1 УК РК	50
---	----

2.2 Объективная сторона противоправных действий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел с целью получения показаний	61
--	----

2.3 Субъект преступлений, предусмотренных статьями 347, 347-1 УК РК	105
--	-----

2.4 Субъективная сторона принуждения к даче показаний и пыток	113
--	-----

2.5 Квалифицирующие признаки пыток	120
--	-----

2.6 Отграничение принуждения к даче показаний и пыток от смежных составов	134
--	-----

**3. МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ..... 142**

3.1 ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОВД С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ 142

3.2 ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНЫХ
ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОВД С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ
ПОКАЗАНИЙ 150

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 155

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ..... 161

ПРИЛОЖЕНИЕ 165

СОДЕРЖАНИЕ 166

СОДЕРЖАНИЕ..... 167

Е. С. Абулгазин

Учебное пособие

Технический редактор *Сулейманова Г. Ж.*

Сдано в набор 10.06.2010 г. Подписано в печать 14.09.2010 г.

Усл. печ. л. 9,1. Уч. изд. л. 9,3. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 1723.

Отдел научно-исследовательской и редакционно-издательской работы
Карагандинского юридического института Министерства внутренних
дел Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова

**Тематический план издания ведомственной литературы
Карагандинского юридического института МВД РК
имени Баримбека Бейсенова на 2006 г., позиция № 11.**

Отпечатано в типографии КарЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова.
г. Караганда, ул. Ермакова, 124